A2 8/67

А 2
8/67

КИРАСИРЪ ВОЕННАГО ОРДЕНА

Алексѣй Трофимовичъ Слѣпцовъ

(1786–1831)

Біографическій очеркъ и собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ его сочиненій

(СЪ РИСУНКАМИ).

Собралъ, составилъ и издалъ внукъ его
А. Н. НОРЦОВЪ,
предсѣдатель Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи,
дѣйствительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго
Общества и другихъ ученыхъ обществъ.

350/7

ТАМБОВЪ.
Типо-литографія Н. Бердоносова и Ф. Григорина.
— 1912 —

А 28/67

КИРАСИРЪ ВОЕННАГО ОРДЕНА

Алексѣй Трофимовичъ Слѣпцовъ

(1786—1831)

Біографическій очеркъ и собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ его сочиненій

(СЪ РИСУНКАМИ).

Собралъ, составилъ и издалъ внукъ его
А. Н. НОРЦОВЪ,
предсѣдатель Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи,
дѣйствительный членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Военно-Историческаго Общества и другихъ ученыхъ обществъ.

ТАМБОВЪ.
Типо-литографія Н. Бердоносова и Ф. Пригорина.
— 1912 —

350/7

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 1571
2/IV 1934 г.
БИБЛИОТЕКА.

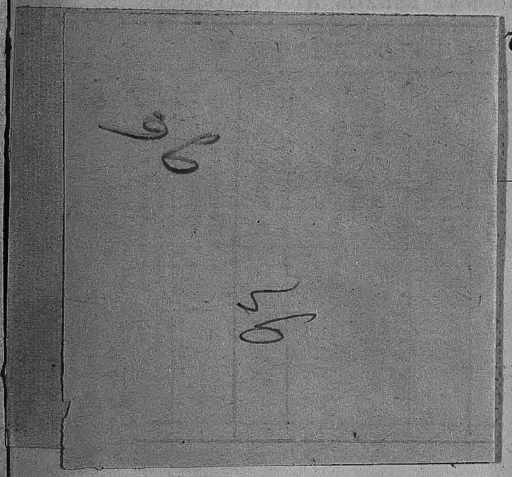
Доблестному

Кирасирскому Военнаго Ордена полку

внукъ Орденца

посвящаетъ

ъ очеркъ.



ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 1571
2/IV 1924 г.
БИБЛИОТЕКА.

Предисловіе.

Съ чувствомъ особаго сердечнаго удовольствія посвящаю этотъ очеркъ доблестнымъ кирасирамъ Военнаго Ордена, колетъ которыхъ въ незабвенные дни Прейсишъ-Эйлау мой дѣдъ имѣлъ честь носить, какъ и золотой крестъ въ память этой блестящей страницы военной исторіи.

Источникомъ для составленія очерка послужили: спеціально для біографіи—„Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ", опубликованные мною въ 1904 г., и семейныя, впервые издаваемыя, бумаги; для части исторической—„Исторія Орденскаго полка" А. И. Григоровича, которому я обязанъ многими свѣдѣніями, затѣмъ разные другіе печатные источники и, наконецъ, свѣдѣнія, добытыя изъ архива Тамбовскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія.

Благодаря любезному разрѣшенію командира полка А. В. Мономахова и любезному содѣйствію полкового исторіографа А. И. Григоровича, я имѣю возможность отпечатать здѣсь нѣсколько рисунковъ изъ исторіи полка; остальные же рисунки взяты частью изъ „Матеріаловъ для исторіи рода Слѣпцовыхъ", а частью заказаны спеціально.

А. Норцовъ.

Тамбовъ,
23 декабря 1911 г.

Алексѣй Трофимовичъ Слѣпцовъ (1786—1831).

Прейсишъ-Эйлау.

(27 января 1807 г.).

СТОЛѢТІЕ БОЯ.

Памяти моихъ дѣдовъ: кирасира Военнаго Ордена А. Т. Слѣпцова и Изюмскаго гусара П. Ѳ. Норцова.

Передо мной встаютъ отцы
И вы, о пламенные дѣды—
Эпохи доблестной творцы,
Питомцы славы и побѣды!..
Въ своихъ сердцахъ почтили васъ
Благоговѣющіе внуки,
Я слышу топотъ конныхъ массъ
И трубъ воинственные звуки.
О, славный вѣкъ богатырей,
Лихихъ рубакъ во встрѣчѣ спорной!
Они бы умерли скорѣй,
Чѣмъ сдаться въ плѣнъ толпой позорной.
О, дивный циклъ могучихъ сѣчъ
И вашихъ подвиговъ, герои!
Вы поднимали грозный мечъ,
Какъ Ахиллесы вѣка Трои!
Вы надѣвали ордена
На свой колетъ иль ментикъ шитый
И шли въ аттаку, какъ стѣна,
Какъ бурный вихрь, грозой повитый!
Вы честью ставили съ врагомъ
Лицомъ къ лицу на бой сходиться,
Лѣзть чортомъ прямо на проломъ,
И сквозь штыки въ каре врубиться...

Еще едва зажглась заря
И заревѣли гулко пушки,
Ужъ вы, отвагою горя,
Готовы, уши на макушкѣ.
Идетъ герой Багратіонъ,
За нимъ въ штыки идутъ герои,
За батальономъ батальонъ,
Равняясь въ ногу, въ строгомъ строѣ,
И все предъ нимъ ложится въ прахъ—
Подъ барабаны и литавры
Изъ стѣнъ Эйлау выбитъ врагъ
И новый лавръ вплетаютъ въ лавры;
Изюмскій полкъ, мечты быстрѣй,
Чрезъ мостъ несется грозной тучей
И гонитъ конныхъ егерей,
Не упуская къ славѣ случай.
Изюмцамъ данъ завѣтъ лихой:
До боя полкъ беречь, какъ око,
А пробилъ часъ и грянулъ бой—
Рубить безъ устали, безъ срока.
Гремитъ пальба, летитъ ядро,
Мятель въ лицо врага встрѣчаетъ
И гибнетъ корпусъ Ожеро,
Знамена гордыя теряетъ;
Вбѣгаетъ пылкій батальонъ
Въ погостъ средь воющей мятели,—
Тамъ съ свитой самъ Наполеонъ...
Его едва спасти успѣли,
Его едва трехгранный штыкъ
Не пригвоздилъ къ землѣ нѣмецкой...
О, дѣды! русскій такъ привыкъ
Васъ видѣть въ схваткѣ молодецкой!
Гвардейцевъ храбрыхъ и Даву
Бьютъ павлоградскіе гусары,
Врага на мерзлую траву
Разятъ могучіе удары;
Во флангъ дивизіи Груши
Летитъ Военный Орденъ лавой,

Французовъ лупитъ отъ души,
Беретъ орла, роднясь со славой;
Суровъ громадный кирасиръ,
Сердито схмуривъ свои брови,
За бѣлый орденскій мундиръ
Умретъ съ послѣдней каплей крови;
Поднявъ свой рыцарскій палашъ,
Онъ рубитъ все въ карьерной встрѣчѣ,—
Онъ витязь гордый, чести стражъ,
Онъ самодержецъ въ этой сѣчѣ
Кипитъ геройская борьба,
Здѣсь рубитъ мечъ, тамъ штыкъ пронзаетъ,
Труба звучитъ, гремитъ пальба,
Отвага подвиги дерзаетъ.
О, дѣды! чудныхъ этихъ дней
Покрыла мантіей васъ слава,
Безсмертьемъ вы сроднились съ ней
Во имя доблестнаго права.

А. Норцовъ.

Тамбовъ,
27 января 1907 г.

Прейсишъ-Эйлаускій крестъ. (Григоровичъ, Ист. Военнаго Ордена II, т. I, стр. 268). Золотой на георгіевской лентѣ, на лицевой сторонѣ: „Побѣда при Прейсишъ-Эйлау, 27 янв. 1807 г.“, на оборотѣ: „За труды и храбрость“ (см. указы 31 августа 1807 г. и 15 марта 1808 г. въ Полн. Собр. Закон., ст. 22606 и 22870). Сохранилось весьма ограниченное количество экземпляровъ. См. подробности въ интересной статьѣ А. И. Григоровича „Прейсишъ-Эйлаускій крестъ“ въ №№ 19 и 53 (24 января и 8 марта) „Русскаго Инвалида“ за 1907 г.

Біографическій очеркъ.

Родословная. — Рожденіе. — Рижскій драгунъ. — Кавалергардъ. — Кирасиръ Военнаго Ордена. — Походы. — Отставка. — Дѣла тамбовскія. — Кончина.

Родъ дворянъ Слѣпцовыхъ восходитъ къ концу XIV вѣка и о происхожденіи этой фамиліи существуетъ два преданія. Согласно первому, въ древнія времена Слѣпцовы будто бы имѣли другую княжескую (?) фамилію, но весь родъ ихъ пресѣкся, за исключеніемъ только одного *Слѣпаго* князя (?), который женился, имѣлъ большое потомство и оно стало называться „Слѣпцовыми" дѣтьми; согласно другому преданію, Слѣпцовы получили свою фамилію вскорѣ послѣ ослѣпленія—16 февраля 1446 г.—великаго князя Василія Іоанновича Темнаго; представителей рода служилыхъ у него стали называть „Слѣпцовыми" людьми.

Во всякомъ случаѣ историческія свѣдѣнія о родѣ начинаются только съ конца XV вѣка: съ этого времени Слѣпцовы служатъ воеводами, стольниками, дѣтьми боярскими и въ другихъ чинахъ; пишутся въ книгахъ боярскихъ, Московскаго, Владимірскаго и Новогородскаго столовъ, и по Мещерскимъ десятнямъ имъ жалуются помѣстья и вотчины, которыя переходятъ въ потомство ихъ. Слѣпцовы преимущественно родъ, такъ сказать, тамбовскій, потому что уже въ XVI и XVII вѣкахъ представителямъ его жаловались помѣстья и вотчины, главнымъ образомъ по Мещерѣ, т. е. нынѣшніе сѣверные уѣзды Тамбовской губерніи съ сѣверо-восточной частью Рязанской и сѣверо-западной Пензенской губерній; древнѣйшая грамота, хранящаяся въ родѣ, дана великимъ княземъ Василіемъ III въ 1511 г. Ивану и Димитрію Слѣпцовымъ на владѣніе сельца Карова въ Мещерѣ; въ Мещерскихъ десятняхъ 1580 и 1590 гг. показаны четыре Слѣпцова, а въ десятнѣ 1615 г. значатся за тремя Слѣпцовыми 350 и 400 чети; воевода Фролъ Слѣпцовъ (мой прапращуръ) былъ пожалованъ въ 1670 г. вотчиною на Мещерѣ, но гораздо ранѣе и отецъ и дѣдъ его уже владѣли тамъ помѣстьями; въ числѣ вотчинъ, пожалованныхъ въ 1675 г. Ивану Вышеславцеву, значится въ Замокшанскомъ станѣ, въ Мещерѣ, половина пустоши „что была деревня Слѣпцова, Старое Токарево тожъ" и т. д.

Родъ имѣетъ нѣсколько гербовъ, изъ которыхъ одинъ, внесенный въ Общій Гербовникъ (часть XII, № 80), пожалованъ 25 ноября 1751 г. лейбъ-кампанейцу В. М. Слѣпцову, и представляетъ въ правой половинѣ щита, раздѣленнаго перпендикулярно на двое, эмблему общую всѣмъ лейбъ-кампанейцамъ: — въ черномъ полѣ, между тремя серебряными пятиугольными звѣздами, золотое стропило съ тремя горящими гранатами; въ лѣвой половинѣ щита, на красномъ полѣ, три „фузейные“ серебряные штыка, изъ которыхъ въ срединѣ находящійся вверхъ остріемъ обращенный; щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ, на которомъ наложена лейбъ кампаніи гренадерская шапка съ страусовыми красными и бѣлыми перьями, а по сторонамъ шапки два черныя орлиныя крыла и на нихъ по три серебряныя звѣзды; по сторонамъ щита опущенъ шлемовый наметъ, съ правой стороны краснаго цвѣта, подложенный серебромъ, а съ лѣвой—чернаго цвѣта, подложенный золотомъ; внизу герба девизъ: „За вѣрность и ревность“. Другой гербъ рода, не внесенный въ Гербовникъ, показываетъ въ щитѣ на красномъ полѣ золотую дворянскую корону, надъ нею золотой крестъ, а подъ нею два, бо́льшаго размѣра, золотыхъ же креста, одинъ подъ другимъ; надъ щитомъ дворянская корона, изъ которой выходятъ три страусовыхъ пера, среди нихъ дерево цубъ (?) натуральнаго цвѣта а по сторонамъ ихъ двѣ серебряныя звѣзды, наметъ на щитѣ серебряный, подложенный голубымъ. По семейнымъ преданіямъ существовалъ еще другой, древнѣйшій, гербъ, изображавшій три снопа съ звѣздою надъ каждымъ.

Гербъ рода Слѣпцовыхъ.

Родъ Слѣпцовыхъ неизмѣнно имѣлъ всегда достойныхъ и вѣрныхъ традиціямъ чести и благородства представителей—и боевыхъ героевъ, и общественныхъ дѣятелей, и даровитыхъ талантовъ,—напримѣръ: ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка Николай Сергѣевичъ, убитый 25 августа 1831 г. при взятіи Варшавы, во время знаменитой аттаки лейбъ-гусарами Іерусалимской рогатки; сынъ его, генералъ-адъютантъ Павелъ Николаевичъ, товарищъ въ дѣтскихъ играхъ

Императора Александра II и любимецъ его, одинъ изъ генераловъ, закрывшихъ надъ Императорскимъ гробомъ крышку въ мартѣ 1881 года; знаменитый Кавказскій герой, генералъ-майоръ Николай Павловичъ, покрывшій неувядаемой славой Сунженскій полкъ, который съ 1901 г. именуется Сунженско-Владикавказскимъ генерала Слѣпцова полкомъ; племянникъ его, камергеръ Павелъ Александровичъ, Тверской губернаторъ, убитый 25 марта 1906 г. брошенной бомбой и погибшій какъ благороднѣйшая жертва своего долга; извѣстный талантливый писатель Василій Алексѣевичъ, общественный дѣятель и артистъ и т. д. Подробности о родѣ и всѣ источники, относящіеся до Слѣпцовыхъ, приведены въ составленной мною Родословной [1].

Въ настоящемъ очеркѣ я касаюсь только дѣда моего, кирасира Военнаго Ордена, тамбовскаго помѣщика и поэта, А. Т. Слѣпцова, котораго я единственный и послѣдній потомокъ. Хотя дѣдъ мой и историческая личность, ни выдающійся военный герой, тѣмъ не менѣе на своемъ вѣку онъ кое-гдѣ бывалъ, кое-что видалъ, что и высказываетъ въ своемъ автобіографическомъ стихотвореніи „Про себя“:

Въ мои еще незрѣлы годы
Меня коверкала судьба;
Какъ бы по записи природы,
Покорно своего раба,
Изъ края въ край меня гоняла,
Въ походы съ саблей отправляла;
Живалъ я иногда въ столицахъ
И въ прочихъ шумныхъ городахъ,
Видалъ я небылицы въ лицахъ,
Шатаясь въ разныхъ сторонахъ.
Видалъ престолы величавы,
Видалъ искателей я славы,
Вертящихся на колесѣ
Всеобщей матери фортуны.—
Иной бросалъ войны перуны
И покорить мнилъ царства всѣ,
Иной, шутовски наряжаясь,
Заморскимъ думалъ быть царемъ,
Иной, бездѣлкой обижаясь,
Дрался и мнилъ быть славенъ тѣмъ, и т. д.

Поэтому, нѣкоторые эпизоды будутъ, быть можетъ, небезынтересны по связи ихъ съ событіями того времени, а особенно съ исторіей Тамбовскаго края.

---

[1]) *А. Н. Норцовъ* „Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ съ ихъ вѣтвями“. Тамбовъ 1904 (898 стр. съ рис. и табл.).

Алексѣй Трофимовичъ Слѣпцовъ родился въ самый мѣсяцъ принятія Державинымъ Тамбовскаго намѣстничества въ свое вѣдѣніе,— 17 марта 1786 г., въ родовомъ имѣніи Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ с. Верхней Оржевкѣ, которую когда-то посѣтилъ и описалъ сердитый Вигель. Родители его—отставной подпоручикъ Трофимъ Ивановичъ Слѣпцовъ, помѣщикъ Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Владимірской и Ярославской губерній, и жена его, дочь генералъ-гевальдигера, Екатерина Фирсовна Григорьева,— были довольно богатые помѣщики и владѣли 1300 душами крестьянъ (у Т. И. 800 душъ, а у жены его свыше 500 душъ); въ молодости своей Трофимъ Ивановичъ служилъ и принималъ участіе въ Турецкой кампаніи 1768—1774 гг., откуда вывезъ плѣнныхъ турокъ и турчанокъ, и я прекрасно помню, во времена моего дѣтства, старую красивую, внучку плѣнника, „Дуняшу-Турчанку", жившую въ домѣ покойной моей матушки. Трофимъ Ивановичъ и Екатерина Фирсовна только изрѣдка посѣщали свои другія помѣстья; у нихъ была въ Оржевкѣ прекрасная усадьба, въ которой они проживали почти безвыѣздно. Изъ сосѣдей Трофимъ Ивановичъ былъ особенно друженъ съ семьей Димитрія Михаиловича Мартынова, богатаго помѣщика пяти намѣстничествъ, впослѣдствіи Тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства, жившаго также большею частью въ Оржевкѣ. Въ 1789 г. они сообща выстроили въ Оржевкѣ каменную, въ каменной оградѣ, церковь во имя Успенія Божіей Матери съ двумя придѣлами—во имя Николая Чудотворца и Димитрія Ростовскаго,—существующую и до сихъ поръ.

У Трофима Ивановича и Екатерины Фирсовны, кромѣ Алексѣя Трофимовича, были дѣти: дочери—Надежда, род. 1781 г., Александра род. 1788 г., Марія, род. 1790 г., Екатерина, род. 1792 г.,—и сыновья: Иванъ, род. 1780 г., и Николай, род. 1782 г. Первый изъ нихъ 23 марта 1800 г. вступилъ юнкеромъ въ Оренбургскій артиллерійскій гарнизонъ, 16 февраля 1801 г. произведенъ въ подпоручики, а позже служилъ съ нимъ вмѣстѣ въ артиллеріи и Николай Трофимовичъ.

Съ самаго ранняго дѣтства, Алексѣй Трофимовичъ сталъ писать стихи и въ 1801 г., будучи пятнадцати лѣтъ отъ роду, уже сочинилъ трагедію въ стихахъ „Мицеринъ и Феоклида", приводимую ниже. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія вспоминаю, когда я былъ еще десятилѣтнимъ ребенкомъ, разорванные синіе листы толстой тетради сочиненій дѣда, безслѣдно погибшей, въ которой было собственноручно имъ написано много стиховъ; напечатанныя здѣсь стихотворенія и переводъ изъ „Оссіана" представляютъ только небольшую часть того, что уцѣлѣло. Не отличаясь, конечно, ни слогомъ, ни красотой, стихи дѣда, тѣмъ не менѣе представляютъ, такъ сказать, извѣстный библіографическій интересъ, а нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны и по глубинѣ мысли.

Кавказскій герой, генералъ Николай Павловичъ Слѣпцовъ.

Будучи 16 лѣтъ и слѣдуя традиціямъ дворянства, Алексѣй Трофимовичъ, 12 мая 1802 года, вступаетъ, какъ и братья его, въ военную службу, но не въ артиллерію, а въ Рижскій драгунскій, бывшій кирасирскій, полкъ. Этотъ полкъ, сформированный 27 января 1709 г. сначала подъ названіемъ драгунскаго гренадерскаго Гаврилы Кропотова полка, былъ составленъ изъ десяти гренадерскихъ ротъ отдѣленныхъ драгунскихъ полковъ: Азовскаго, Бѣлозерскаго, Ингерманландскаго, Казанскаго, Нижегородскаго, Петербургскаго, Рязанскаго, Тверского, Троицкаго и Ямбургскаго,—и въ этомъ же году, черезъ пять мѣсяцевъ, получилъ свое боевое крещеніе, 27 іюня, въ Полтавской битвѣ. Въ 1727 году полкъ получилъ наименованіе Суздальскаго драгунскаго по названію провинціи, въ которой онъ квартировалъ; въ томъ же году переименованъ въ Рижскій драгунскій. Въ 1733 г., будучи подъ командой генерала Ласси, полкъ участвуетъ во взятіи, 20 сентября, Варшавы и лихо совершаетъ дальнѣйшій походъ; въ 1736 г. входитъ въ составъ арміи графа Миниха и участвуетъ въ Крымскомъ походѣ—8 мая въ сраженіи при Черной Долинѣ, а 19 мая у Перекопа, гдѣ рижцы, вмѣстѣ съ пѣхотой, обращаютъ въ бѣгство татаръ; въ 1739 г. полкъ охраняетъ флангъ арміи у Очакова и принимаетъ дѣятельное и молодецкое участіе въ дѣлахъ у рр. Сбрутта и Шуманца, въ бою у Ставучанъ и при паденіи Хотина; 30 марта 1756 г. полкъ преобразованъ въ Рижскій конно-гренадерскій, а съ февраля 1757 г. вступаетъ въ предѣлы Пруссіи, гдѣ и участвуетъ почти во всѣхъ бояхъ этого періода Семилѣтней войны, покрываетъ себя славой при Кунерсдорфѣ и въ сентябрѣ 1760 г. вступаетъ въ Берлинъ. 19 февраля 1762 г. рижцы переформированы въ Рижскій кирасирскій полкъ, 25 апрѣля получаютъ наименованіе Кирасирскаго генералъ-маіора Александра Мельгунова, 5 іюля обращены въ Рижскіе драгуны, а 14 января 1763 г. снова являются въ рядахъ тяжелой кавалеріи подъ именемъ Рижскаго карабинернаго полка. Въ Турецкой войнѣ 1768—1775 гг. рижцы принимаютъ самое дѣятельное участіе во взятіи Измаила, Киліи, Аккермана, подъ Браиловымъ, у Силистріи, въ сраженіи подъ Базарджикомъ и т. д., а по окончаніи войны полкъ, вернувшись въ Россію, вступаетъ на зимнія квартиры въ Рославль [1]). Послѣ Польской кампаніи 1795 г. рижцы прошли въ Лифляндію, гдѣ были сначала расквартированы въ г. Венденѣ. 29 ноября 1796 г. полкъ снова переименованъ, какъ и при Петрѣ III, въ Рижскій кирасирскій, 18 октября 1798 г. Кирасирскій генералъ-маіора Миллера, 7 мая 1800 г.—Кирасирскій Принца Александра Виртембергскаго, 9 сентября того же года Кирасирскій генералъ-маіора Хомякова, а на другой день, 10 сентября, вторично—Кирасирскій принца Александра Виртембергскаго; наконецъ, 29 марта 1801 г. возвращено полку прежнее названіе Рижского кирасирскаго.

[1]) Памятка изъ исторіи 11 драгунскаго Рижскаго полка, Кременецъ, 1909 г., стр. 3—9.

Съ февраля 1797 г. по октябрь 1801 г. полкъ квартируетъ въ Ригѣ и шефомъ его въ то время былъ генералъ-маіоръ Сабуровъ, а командиромъ, съ 5 апрѣля 1801 г., генералъ-маіоръ А. М. Пушкинъ.

Когда дѣдъ вступилъ въ ряды рижцевъ, полкъ стоялъ въ Рижскомъ и Венденскомъ уѣздахъ, въ мызахъ Клейнюнфернгофъ и въ четырехъ ближайшихъ окрестностяхъ поэскадронно, и только за 10 мѣсяцевъ передъ тѣмъ, 20 іюля 1801 г., былъ переименованъ изъ кирасиръ въ драгуны. Какъ извѣстно, при вступленіи на престолъ Александра I произошло сокращеніе кирасирскихъ полковъ съ 13 на 6 и увеличеніе съ 15 до 22 драгунскихъ полковъ; причиною этого было убѣжденіе Воинской Комиссіи, что Россіи „какъ воюющей болѣе съ Турціей", будто бы, не нужна тяжелая кавалерія, требующая, кромѣ того, еще и расхода до 61000 рублей ежегодно и потому 20 іюля 1801 г. Высочайше повелѣно кирасирскіе полки—Казанскій, Кіевскій, Черниговскій, Рижскій, Стародубскій, Харьковскій и Тверской—переименовать въ драгунскіе, и тогда же, вѣроятно, были отняты у оставшихся кирасиръ ихъ кирасы, возвращенныя обратно полкамъ лишь въ началѣ 1812 года [1]).

Въ 1802 г. рижцы были еще полны традицій „тяжелой кавалеріи", въ рядахъ которой полкъ числился въ теченіе 40 лѣтъ [2]), и еще многіе офицеры и солдаты, вѣроятно, донашивали тогда кирасирскую форму 1799 г.—бѣлые колеты и красные камзолы съ золотомъ, но дѣдъ уже одѣлся въ драгунскій свѣтлозеленый мундиръ съ погономъ на лѣвомъ плечѣ, въ сѣрые рейтузы съ обтяжными пуговицами, принѣпилъ палашъ на бѣлой лосинной портупеѣ, обстригъ подъ гребенку лаверженъ (передніе волосы) и виски, а задніе волосы связалъ въ толстую косу, напудрилъ ее и надѣлъ треугольную шляпу съ султаномъ изъ бѣлыхъ перьевъ. 2 октября того же 1802 года полковой командиръ Пушкинъ по прошенію уволенъ въ отставку, а на его мѣсто, 3 октября, назначенъ изъ запаса полковникъ Карлъ Карловичъ Лешернъ-фонъ-Герценфельдъ.

Стоянка дѣда въ Клейнюнфернгофѣ ознаменовалась нѣсколькими стихами: въ 1802 г. или, вѣроятно, въ 1803 г. онъ пишетъ на голосъ моднаго въ то время романса „Помнишь ли меня, мой другъ, въ дальней сторонѣ?", пѣсенку 1-ую, которая передаетъ всю его тоску по родинѣ:

Можетъ-ли утѣшиться
Сердце въ семъ краю

---

3) См. Борисевичъ, Столѣтіе воен. министерства, т. IV, стр. 121; Мартыновъ, Исторія 12 драгунскаго Стародубскаго полка, стр. 63.

4) Кирасирскій съ 19 февраля 1762 г.—(драгунскій съ 5 іюля 1762 г. по 14 января 1763 г.),—съ 14 января 1763 г. карабинерный, а съ 29 ноября 1796 г. по 20 іюля 1801 г. кирасирскій.

И предать забвенію
Родину свою?
Можно ль гдѣ спокойнѣе
Быть, какъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ родясь играли мы
Въ молодыхъ лѣтахъ;
Кажется, пріятнѣе
Птички тамъ поютъ,
Рѣки и источники
Чище тамъ текутъ, и т. д.

Въ 1803 г. дѣдъ былъ въ отпуску въ Оржевкѣ, вѣроятно по случаю бывшей тамъ же свадьбы своей сестры Надежды Трофимовны, вышедшей за Темниковскаго предводителя дворянства (съ 1803 по 1806 г. и съ 1810 по 1819 г.) Александра Ивановича Никифорова, сына бывшаго Темниковскаго-же предводителя (1788—1798), секундъ-маіора Ивана Ѳеодоровича Никифорова. Изъ Оржевки дѣдъ послалъ письмо въ стихахъ въ Оренбургъ любимому брату Николаю, служившему тогда въ артиллеріи, съ которымъ его соединяла самая нѣжная дружба.

Въ этомъ же 1803 году, 16 мая, полковой командиръ Лешернъ-фонъ-Герценфельдъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Курляндскаго драгунскаго полка, и цѣлыхъ полгода у рижцевъ не было командира, а былъ командующій. 9 октября дѣдъ произведенъ въ фаненъ-юнкера—старинное названіе эстандартъ-юнкера [5]); 18 октября всѣмъ драгунамъ взамѣнъ шляпъ даны каски изъ черной лакированной кожи съ густымъ волосянымъ плюмажемъ на громадномъ гребнѣ и двухглавымъ орломъ на бляхѣ спереди, а 12 ноября того же года назначенъ, наконецъ, командиромъ рижцевъ полковникъ Александръ Андреевичъ Ростовскій изъ своего же полка.

Въ 1804 г., 15 января, скончался въ Оржевкѣ Трофимъ Ивановичъ, но сынъ его долго не зналъ объ его смерти и 3 марта, въ мѣстѣ стоянки своего эскадрона, тоскуя по семьѣ и родинѣ, написалъ пѣсенку 2-ую, въ которой какъ бы предчувствуетъ разлуку съ отцомъ:

Мнѣ снилось быть въ объятьяхъ
Родителей моихъ
И близь любезныхъ братьевъ
Мечталъ я быть своихъ;
Вдругъ свѣтъ блеснулъ мнѣ въ очи,
Сталъ день скучнѣе ночи,
Гдѣ пѣснь моихъ сестеръ?

---

[5]) 27 марта 1802 г. велѣно кавалерійскимъ унтеръ-офицерамъ изъ дворянъ именоваться юнкерами, кирасирамъ—штандартъ-юнкерами, гусарамъ—портупей-юнкерами, а драгунамъ—фаненъ-юнкерами. (Полн. Собр. Зак. XXVII, 20199).

Одинъ, какъ средь степей,
Въ странѣ я скучной сей!
Всегда, драгой Тамбовъ,
Летѣть къ тебѣ готовъ.
Тамъ, кажется, свѣжѣе
И воздухъ для меня,
Красавицы нѣжнѣе
И самъ здоровѣй я.

Когда, наконецъ, пришло печальное извѣстіе, онъ выразилъ свои чувства въ сочиненной имъ „Элегіи на смерть отца"; въ этомъ же, 1804, году имъ послано письмо въ стихахъ своему брату Николаю Трофимовичу въ Оренбургъ, написанъ переводъ изъ Флоріана и, вѣроятно, сочинена пѣсенка 4-ая:

Безъ отрады я гуляю
По лѣсочкамъ, по лугамъ
И слезами омываю
Всѣ цвѣты по берегамъ и т. д.

Въ концѣ года, 22 декабря, дѣдъ, желая, повидимому, служить не въ „бывшихъ", а въ „настоящихъ" кирасирахъ, переводится—и даже, можетъ быть, по желанію матери своей—въ Кавалергардскій полкъ, переформированный незадолго передъ тѣмъ (11 января 1800 г.) въ трехъэскадронный полкъ на одинаковомъ положеніи съ полками гвардіи, а весной 1804 г. приведенный въ пятиэскадронный составъ. Почти одновременно, когда дѣдъ готовился надѣть колетъ и шлемъ кавалергардовъ, старшій братъ его, Иванъ Трофимовичъ, выходитъ, 23 декабря 1804 г., въ отставку артиллеріи поручикомъ и возвращается въ Оржевку изъ Оренбурга, гдѣ въ артиллерійскомъ гарнизонѣ оставался еще Николай Трофимовичъ.

Въ кавалергарды дѣдъ былъ зачисленъ 13 января 1805 г. и семь мѣсяцевъ провелъ въ столицѣ и окрестностяхъ, участвовалъ на царскихъ парадахъ и смотрахъ, занималъ дворцовые караулы, видалъ многихъ престарѣлыхъ вельможъ эпохи царственной „Фелицы" и, вѣроятно, самого пѣвца ея—Г. Р. Державина, своего бывшаго тамбовскаго намѣстника, который лѣтомъ 1805 г. пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своей новгородской „Званки".

Эпоха, въ которую служилъ дѣдъ, была блестящей военной эпохой. Еще были живы, лишь за шесть лѣтъ до того прогремѣвшіе на всю Европу, подвиги русскихъ героевъ Альпійскаго похода, и имена сподвижниковъ безсмертнаго Суворова были самыми дорогими именами въ арміи; начинался канунъ знаменитыхъ Наполеоновскихъ войнъ, канунъ тѣхъ великихъ историческихъ событій, въ теченіе которыхъ ни Аустерлицъ, ни Фридландъ не умалили значенія и чести

военнаго мундира, а, напротивъ, подготовили блестящую эру 1812, 1813 и 1814 годовъ. Въ эту спеціально военную боевую эпоху штатскіе или, какъ тогда ихъ называли, „рябчики“ не были въ почетѣ и уваженіи, военные не хотѣли покоряться никакой власти, кромѣ своей военной, и постоянно фланкировали противъ гражданскихъ чиновъ; молодечество кавалерійской молодежи ставилось въ заслугу, а на лихое, часто и буйное, поведеніе ея, если оно не выходило изъ извѣстныхъ предѣловъ, смотрѣли сквозь пальцы; дуэли были, какъ и обыкновенно въ боевое время, очень рѣдки, стрѣлялись только за дѣла чести, но рубились часто, за всякую, мелочь, и послѣ такихъ дуэлей обыкновенно были пиры, а затѣмъ миръ и дружба [6]).

За „кавалергардскій“ періодъ времени дѣдомъ, по всему вѣроятію, ничего не было написано, а если и было, то исчезло безслѣдно; по крайней мѣрѣ не сохранилось никакихъ намековъ въ семейныхъ бумагахъ. Въ это время, въ далекой тамбовской провинціи, у родной сестры его, Надежды Трофимовны Никифоровой, родился въ Темниковѣ 13 мая 1805 г. сынъ Иванъ и крестнымъ отцомъ его былъ Николай Трофимовичъ, или пріѣхавшій для этого спеціально изъ Оренбурга, или только записанный.

Дѣду не долго пришлось щеголять въ столицѣ въ парадныхъ мундирахъ: при началѣ военныхъ дѣйствій съ французами Кавалергардскій полкъ въ полномъ составѣ, 10 августа, выступилъ изъ Петербурга, прямо съ Высочайшаго смотра на Измаиловскомъ парадномъ мѣстѣ въ походъ, на усиленіе арміи Кутузова, собранной тогда у Радзивилова, на австрійской границѣ. Черезъ два мѣсяца, когда Кутузовъ уже стоялъ у Браунау, кавалергарды, вмѣстѣ съ другими гвардейскими полками, прибыли въ Брестъ; оттуда гвардія пошла на Краковъ усиленными маршами и 13 ноября въ полной парадной формѣ вступила въ Ольмюцъ прямо на смотръ въ присутствіи Александра I и австрійскаго императора. Аустерлицъ былъ первымъ боевымъ крещеніемъ полка, который покрылъ себя неувядаемой славой, и дѣдъ мой, въ качествѣ штандартъ-юнкера, имѣлъ честь участвовать въ геройскихъ атакахъ кавалергардовъ. Наканунѣ сраженія, 19 ноября, полкъ находился съ остальной гвардіей въ резервѣ Цесаревича Константина Павловича, впереди Аустерлица; въ самое утро боя, 20-го, кавалергарды вмѣстѣ съ лейбъ-гренадерами и лейбъ-казаками составляли особенный отрядъ, были въ арріергардѣ арміи и пришли позже въ сраженіе. Отрядъ Цесаревича, состоящій всего изъ 6 баталіоновъ гвардейской пѣхоты, 10 эскадроновъ—конногвардейцевъ и лейбъ гусаръ,—и предоставленный на произволъ собственныхъ силъ, находился въ самомъ трудномъ положеніи, шелъ къ разорванному центру арміи и наткнулся на французскія колонны. Гвардія, ударивъ въ штыки, смяла первыя двѣ

[6]) Ср. Булгарина Воспоминанія, Спб. 1846—49 гг., книга II, стр. 136.

колонны, но, преслѣдуя ихъ, была приведена въ замѣшательство батареями. Французская конница атаковала семеновцевъ, но была отбита, при чемъ семеновцы подняли на штыки вскакавшаго въ ряды ихъ французскаго полковника; Наполеоновы мамелюки врубились въ Преображенскій полкъ, находившійся въ виноградникахъ; произошелъ кровавый бой холоднымъ оружіемъ и великаны преображенцы перекололи много мамелюковъ, а конногвардейцы освободили пѣхоту отъ непріятельскихъ всадниковъ: первые два эскадрона ударили во флангъ французамъ, обратили ихъ назадъ, въ преслѣдованіи изрубили батальонъ линейнаго полка и взяли знамя. Цесаревичъ, тѣснимый врагомъ, отступалъ, вскорѣ потомъ его вновь аттаковала кавалерія, разстроила нѣсколько батальоновъ и наши отступили за ручей. Въ эту самую минуту подоспѣли кавалергарды и лейбъ-казаки, получившіе при началѣ сраженія приказаніе спѣшить на рысяхъ; командиръ Кавалергардскаго полка Депрерадовичъ приказалъ лейбъ-эскадрону и 2-му эскадрону атаковать французовъ въ правый флангъ, третій пустилъ на центръ, а 4-й и 5-й эскадроны въ лѣвое крыло непріятеля; атаки длились съ четверть часа и стоили кавалергардамъ убитыми и ранеными 15 офицеровъ, 200 рядовыхъ и 300 лошадей, но зато дали время гвардейской пѣхотѣ перебраться за оврагъ; особенно пострадали 4-й и 5-й эскадроны, напавшіе на французскую конницу во время ея рукопашнаго боя съ семеновцами; кавалергарды освободили ихъ, но сами попали въ страшную сѣчу, охваченные съ двухъ сторонъ конно-гренадерами и егерями Наполеоновой гвардіи; 4-й эскадронъ почти весь былъ истребленъ: уцѣлѣло только 18 кавалергардовъ, а командиръ его, полковникъ князь Репнинъ и нѣсколько офицеровъ,—въ томъ числѣ и Павелъ Сухтеленъ, впослѣдствіи графъ—всѣ раненые, были взяты въ плѣнъ. Опрокинутые кавалергарды проскакали за ручей и тамъ выстраивались, когда пришелъ Лобановъ съ лейбъ-гренадерами, а Наполеонъ прекратилъ дальнѣйшій напоръ на гвардію. Послѣ сраженія, при свиданіи Наполеона съ плѣнными ранеными кавалергардами, когда на вопросъ его князю Репнину—не командиръ ли онъ полка, князь отвѣтилъ, что онъ только командиръ эскадрона, тогда Наполеонъ тотчасъ же сказалъ ему: „Votre régiment a fait noblement son devoir“ [7]).

Гвардія возвратилась обратно въ Петербургъ 29 марта 1806 г., куда и вступила торжественно 9 апрѣля. За Аустерлицкое сраженіе дѣдъ былъ произведенъ 15 іюня въ корнеты съ переводомъ въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ, стоявшій тогда въ м. Ошмянахъ, близъ Вильны, въ который и прибылъ 31 іюля того же года [8]).

---

[7]) Михайловскій-Данилевскій, Описаніе первой войны Александра съ Наполеономъ въ 1805 г. Спб., 1844 г., стр. 191—195, 206—207.

[8]) Поправки въ датахъ, ошибочно мною приведенныхъ въ Родословной — „Матеріалы для исторіи родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“, часть I, стр. 245— любезно сообщены мнѣ историкомъ Кавалергардскаго полка С. А. Панчулидзевымъ

Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ, родоначальникъ всѣхъ кирасиръ въ Россіи и первый полкъ Миниха, считалъ уже тогда за собой славное боевое прошлое и готовился къ приближающемуся героическому циклу войнъ и побѣдъ. Изъ ротъ, выдѣленныхъ по одной изъ драгунскихъ полковъ: Новгородскаго, Кіевскаго, Вологодскаго, Астраханскаго и Лейбъ-Регимента сформированъ 27 января 1709 г. „отъ кавалеріи Гренадерскій фонъ-деръ-Роппа полкъ", который принимаетъ участіе въ Сѣверной войнѣ и первое свое боевое крещеніе получаетъ подъ Полтавой, въ 1711 г. участвуетъ въ Прутскомъ походѣ, въ 1725 г. переименованъ въ драгунскій Выборгскій, а въ 1731 г.—въ кирасирскій. Въ этомъ году, 14 іюня, было утверждено Анной представленіе Миниха объ учрежденіи нѣсколькихъ кирасирскихъ полковъ въ Россіи, не имѣющей до того никакой другой кавалеріи кромѣ драгунъ; для привлеченія же въ кирасирскіе полки охотниковъ, кирасирамъ предоставлены были большія преимущества: расположеніе на лучшихъ постоянныхъ квартирахъ—или вблизи мѣстопребыванія Двора, или въ Украйнѣ, бо́льшіе оклады жалованья противъ другихъ полковъ арміи, старшинство чиновъ, при чемъ рядовые кирасиры были сравнены съ армейскими капралами (ефрейторами), изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія и т. д.[9]). Рѣшено было первоначально учредить только одинъ „образцовый" кирасирскій полкъ; выборъ палъ на Выборгскій драгунскій полкъ, который, въ память перваго учредителя русскихъ кирасиръ графа Миниха, велѣно 18 ноября 1731 г. именовать „*во вѣки Миниховымъ кирасирскимъ полкомъ*" [10]); въ 1737 и 1738 гг. полкъ, во главѣ со своимъ шефомъ, принимаетъ участіе въ Турецкой кампаніи, а въ 1742 г., уже какъ „*бывшій* Миниховъ полкъ", во взятіи Гельсингфорса. Повелѣніе „*во вѣки*" исполнялось однако всего одиннадцать лѣтъ,—въ 1745 г. полкъ переименованъ въ „3-й кирасирскій" [11]), и только почти черезъ полтораста лѣтъ, въ 1891 г., вновь возстанавливается указъ 18 ноября 1731 г., и полкъ получаетъ наименованіе полка „генерала-фельдмаршала графа Миниха".

и историкомъ кирасиръ Военнаго Ордена А. И. Григоровичемъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что такъ какъ дѣдъ мой былъ юнкеромъ въ кавалергардахъ, а не офицеромъ, его біографія поэтому и не была помѣщена въ извѣстномъ трудѣ С. А. Панчулидзева „Сборникъ біографій кавалергардовъ".

[9]) Хроника Имп. Рос. Арміи, т. V, стр. 327; Ивановъ, Обозрѣніе состава и устройства регулярн. русск. кавалеріи, Спб. 1864 г., стр. 43.

[10]) Именной Высочайшій указъ 18 ноября 1731 г., Полн. Собр. Зак. т. VIII, № 5883. См. Григоровичъ, Исторія Военнаго Ордена полка, т. I, Спб. 1907 г., стр. 75.

[11]) Первоначально Миниховъ кирасирскій полкъ, сформированный въ 1731 г. былъ 1-й; лейбъ-Кирасирскій сформированный въ 1732 г. изъ Невскаго драгунскаго полка былъ 2-й, а сформированный въ томъ же году изъ Ярославскаго драгунскаго полка сталъ 3-мъ кирасирскимъ. При Елизаветѣ эта нумерація была измѣнена: лейбъ-Кирасирскій сталъ 1-й, Кирасирскій Великаго Князя Петра Федоровича (бывш. Ярославскій) 2-й, а бывшій „Миниховъ" сталъ 3-й.

Въ Семилѣтнюю войну полкъ особенно отличился въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ и Пальцигѣ, вступилъ въ Берлинъ и получилъ четыре серебряныя трубы „въ знакъ побѣды города Берлина 1760 г., сентября 28“ и двѣ серебряныя литавры за отличіе въ Семилѣтнюю войну—награды, принадлежащія къ числу рѣдкихъ регалій русской арміи. Въ войнѣ съ польскими конфедератами 1770 и 1771 гг. полкъ находился въ отрядѣ великаго Суворова, а 3 декабря 1774 г., въ воздаяніе его боевыхъ заслугъ вообще, полку велѣно именоваться кирасирскимъ *Военнаго Ордена* полкомъ — единственная въ ряду военныхъ отличій награда [12]). Въ 1789 г. полкъ принимаетъ участіе въ Турецкой войнѣ, подъ Измаиломъ и у Бендеръ, въ 1794 въ войнѣ съ Польскою республикою, послѣ чего занимаетъ квартиры въ Ровенскомъ округѣ и въ самомъ Ровно, затѣмъ передвинутъ въ 1796 г. въ Подольскую губернію, въ 1797 г. въ г. Слонимъ Минской губерніи, а въ началѣ 1798 г. переходитъ на стоянки въ Курляндію.

Какъ извѣстно, въ мартѣ 1798 г. Людовикъ XVIII, воспользовавшись гостепріимствомъ Павла I, прибылъ въ Митаву и поселился во дворцѣ, бывшей резиденціи Курляндскихъ герцоговъ; для короля былъ даже сформированъ, по приказанію императора, отрядъ „Gardes du corps“, одѣтый во французскіе королевскіе мундиры; кирасиры заняли во дворцѣ караулы и составили личную охрану короля. Въ сентябрѣ того же 1798 года полкъ переименованъ въ Кирасирскій генерала-лейтенанта Тормасова, 11 іюля 1799 г.—генерала-маіора Сакена 4-аго, 22 февраля 1800 г.—генерала-маіора Гампера, а 21 іюня того же года Кирасирскій генерала-маіора князя Голицына 5-аго. Впрочемъ Людовику пришлось недолго пользоваться любезностью русскаго правительства: въ концѣ 1800 г., неожиданно подружившись съ первымъ консуломъ Франціи Бонапарте, Павелъ I въ январѣ 1801 г. посовѣтовалъ королю выѣхать изъ Россіи, а вслѣдъ затѣмъ кирасиры, которые 31 марта получили свое прежнее наименованіе „Военнаго Ордена полка“, были передвинуты въ Гольдингенъ, а въ іюлѣ имъ велѣно занять квартиры въ Орлѣ.

Въ августѣ полкъ собрался въ Митавѣ, гдѣ и были сданы согласно резолюціи Воинской Комиссіи іюля 1801 г. [13]), для отправленія въ Рижское коммиссаріатское депо, кирасы, отнятыя у кирасирскихъ полковъ, а 20 августа полкъ выступилъ въ Орелъ, куда и прибылъ въ началѣ ноября [14]). На этой новой стоянкѣ полкъ получилъ новую форму, согласно конфирмованной, 30 апрѣля 1802 г., новой табели кирасирскихъ полковъ: бѣлый двухбортный суконный колетъ со стоячимъ воротникомъ и погономъ на лѣвомъ плечѣ, рейтузы изъ сѣраго сукна

---

[12]) Именной указъ, данный Военной Коллегіи Полн. Собр. Законовъ т. XIX. № 14223. См. Григоровичъ, Ист. Воен. Ордена полка, стр. 195—196.

[13]) См. выше, стр. 16.

[14]) Григоровичъ, Ист. Воен. Орд. полка, стр. 238—243.

съ обшивкою изъ черной кожи съ 18-ью обтяжными пуговицами вдоль боковыхъ швовъ, лосины и ботфорты, палашъ на портупеѣ, выбѣленной подъ лакъ, лядунка изъ черной лакированной кожи съ вызолоченной звѣздой ордена св Георгія—носилась черезъ лѣвое плечо на лосинномъ подъ лакъ выбѣленномъ ремнѣ съ золотыми пряжками,—перчатки съ крючами; внѣ службы носили бѣлый суконный, на бѣлой же подкладкѣ, вицъ-мундиръ съ воротникомъ и обшлагами, съ карманными клапанами о трехъ пуговицахъ, съ бѣлыми суконными отворотами, отороченными у краевъ сукномъ по цвѣту воротника и золотымъ аксельбантомъ на правомъ плечѣ. Фуражка шапка изъ бѣлой кирзы съ околышемъ и прошивками цвѣта воротника, а кисть къ ней была двухъ цвѣтовъ: въ 1-мъ эскадронѣ—бѣлая, въ 2-мъ голубая, въ 3-мъ желтая, въ 4-мъ черная, въ 5-мъ зеленая; 18 октября 1803 г. велѣно вмѣсто треугольника носить въ строю каски изъ черной лакированной пуповой кожи съ густымъ волосянымъ плюмажемъ, у офицеровъ—бѣлый съ чернымъ верхомъ и оранжевою полоскою; передняя сторона каски была украшена бляхою съ вычеканеннымъ на ней двуглавымъ орломъ [15]).

Кирасирская каска 1803—1807 г. (Григоровичъ, Ист. Военнаго Ордена п., т. I, стр. 249).

Въ Орлѣ полкъ простоялъ до половины 1805 г. и тамъ былъ изданъ—въ 1804 г.—составленный трудами эскадронныхъ командировъ „Опытъ наставленій, касающихся до экзерциціи и маневровъ кавалерійскаго полка“, обратившій на себя вниманіе военныхъ круговъ и выдвинувшій вообще орденцевъ въ число „отмѣнныхъ“, по ѣздѣ, полковъ. 22 іюля 1805 г. кирасиры выступили изъ Орла въ походъ и, войдя въ составъ корпуса Беннигсена, 9 декабря прибыли въ с. Клейнъ-Крейдель (въ Силезіи ?); не принимая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, простояли тамъ въ бездѣйствіи до января 1806 г. а затѣмъ возвратились обратно въ Россію и до сосредоточенія всего корпуса Беннигсена, заняли квартиры въ м. Ошмянахъ, близъ Вильно [16]).

Туда-то и прибылъ 31 іюля дѣдъ мой Алексѣй Трофимовичъ, но ему пришлось пробыть въ Ошмянахъ очень немного, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а въ это самое время, въ далекую отъ него, но милую его сердцу, Оржевку пріѣзжалъ изъ Оренбурга его братъ Николай Трофимовичъ, вышедшій въ отставку артиллеріи поручикомъ, совершенно больной, и поселился у своей матери, Екатерины Фирсовны. Орденскій

---

[15]) Id., стр. 248—250; Мартыновъ. Исторія 12 драгунскаго Стародубовскаго полка, Приложенія стр 34—36.

[16]) Григоровичъ, стр. 246—249, 252—255.

полкъ готовился снова къ походу и вмѣстѣ съ другими полками [17]) вошелъ въ составъ дивизіи генерала-лейтенанта князя Димитрія Владиміровича Голицына, шефа съ 1800 по 1809 г. Орденскихъ кирасиръ, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя, генерала - отъ - кавалеріи и извѣстнаго Московскаго военнаго губернатора (съ 1820 по 1844 г.); кирасирами въ то время командовалъ Карлъ Ивановичъ Линденбаумъ, переведенный изъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка въ декабрѣ 1802 г. и принявшій полкъ 12 января 1803 г. Орденцы выступили въ походъ изъ Ошмянъ въ октябрѣ, 19-го перешли у Гродно границу, 31 октября дошли до Пултуска, а 19 ноября перешли въ Остроленку. Достойно вниманія то обстоятельство, что почти наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій, 2 декабря, по Высочайшему повелѣнію у солдатъ обрѣзаны косы подъ гребенку [18]), а офицерамъ предоставлено поступать по собственному желанію.

Семидневное командованіе арміей фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ, какъ извѣстно, внесло страшную путаницу въ передвиженіяхъ войскъ и наконецъ онъ самовольно, подъ вліяніемъ непонятнаго душевнаго разстройства, покинулъ армію въ ночь съ 13 на 14 декабря, т. е. наканунѣ Пултускаго и Голиминскаго сраженій. Перепутанное, вслѣдствіе его противорѣчащихъ одно другому приказаній, отступленіе арміи, во время котораго отрѣзанные русскіе полки блуждали разными дорогами, ввело въ недоумѣніе даже Наполеона; была отрѣзана у Стрегочина корпусомъ Даву часть войскъ Беннигсена, шедшаго къ Пултуску, состоящая изъ полковъ: Орденскаго и Малороссійскаго кирасирскихъ, Павлоградскаго и Сумскаго гусарскихъ, Псковскаго драгунскаго, Таврическаго гренадерскаго, Днѣпровскаго и Костромского мушкетерскихъ, 21-го егерскаго полка и двухъ казачьихъ полковъ; командиры этихъ полковъ повели разными дорогами свои части и такимъ образомъ у князя Голицина осталось изъ дивизіи его только орденцы, Псковскіе драгуны, Костромскіе мушкетеры и 18 орудій батарейной артиллерійской роты, находившіеся въ расположеніи отъ деревни Лукова къ мѣстечку Цѣханово; 12 декабря отряду князя Голицына предписано слѣдовать въ деревню Слубово, куда ночью и утромъ 13-го приходили отдѣлившіеся отъ своихъ дивизій Малороссійскій кирасирскій, два эскадрона Сумскихъ гусаръ, Таврическій гренадерскій и Днѣпровскій мушкетерскій; всѣ эти полки слѣдовали къ Стрегочину, уже занятому въ то время французами, и потому должны были примкнуть къ отряду князя Голицына, который выступилъ по направленію къ Голимину для соединенія съ Дохтуровымъ. Прибывъ туда утромъ 14-го, при чемъ на

---

[17]) Польскій конный полкъ, Псковскіе драгуны, Тульскій мушкетерскій, Тенгинскій, Навагинскій, Тобольскій, Полоцкій, Костромской пѣхотные и казачьи полки Грекова 9-аго и Грекова 18-аго. (Григоровичъ, стр. 255).

[18]) Расходъ въ арміи на ленты для завязыванія косъ исчислялся суммою въ 51099 рублей ежегодно (Григоровичъ, стр. 248).

маршѣ принужденъ былъ оставить нѣсколько орудій, завязшихъ въ невылазной грязи, князь Голицынъ засталъ Дохтурова, ожидающаго его съ полками —Московскимъ драгунскимъ и Московскимъ мушкетерскимъ, остальная же часть дивизіи была уже отправлена въ Пултускъ. Голицынъ, имѣя совершенно изнуренный тяжелыми переходами отрядъ, долженъ былъ остановиться, и тѣмъ не менѣе принялъ сраженіе, покрывшее его славой, и, задержавъ движенія непріятельскихъ корпусовъ, не допустилъ ихъ принять участія въ Пултускомъ, въ тотъ же день, сраженіи. Орденскіе кирасиры отличились въ дѣлѣ при Голиминѣ: три эскадрона орденцевъ съ тремя эскадронами Псковскихъ драгунъ стояли въ правомъ крылѣ отряда князя Щербатова и опрокинули французскую конницу, когда она атаковала батареи, а прочіе эскадроны кирасиръ находились въ первой линіи князя Голицына; орденцы долгое время удерживали непріятельскую кавалерію, которая нѣсколько разъ покушалась атаковать ихъ, но всегда получала сильный отпоръ; затѣмъ кирасиры сами ходили въ аттаку—три эскадрона подъ командой подполковника Радена—одновременно съ Московскими драгунами; они ударили на французскую конницу и, врубившись, опрокинули съ немалымъ урономъ непріятеля. Несмотря на свою малочисленность, князь Голицынъ и Дохтуровъ стояли упорно, имѣя цѣлью только выждать вечеръ для отступленія; въ третьемъ часу къ нимъ совершенно неожиданно пришло подкрѣпленіе: отрѣзанные на маршѣ французами отряды графа Палена (въ составѣ восьми эскадроновъ Сумскихъ гусаръ, 21-го егерскаго полка и роты конной артиллеріи Пирогова) и Чаплица (Павлоградскій гусарскій полкъ и конно-артиллерійская рота полковника Ермолова);нечаянное прибытіе этихъ войскъ, немедленно введенныхъ въ дѣло, дало возможность удержаться до вечера; въ сумеркахъ войска начали отступленіе [19].

Въ концѣ декабря Беннигсенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ и съ первыхъ же чиселъ января 1807 г. армія его переходитъ въ наступленіе, но орденцы до самаго дѣла при Янковѣ (23 января), кажется, не вступаютъ въ бой; въ этотъ день въ арріергардѣ Багговута завязалось дѣло, и французская колонна пыталась отрѣзать Бѣлозерскій и 4-й егерскій полки; прибытіе Орденскихъ и Малороссійскихъ кирасиръ, Псковскихъ драгунъ и двухъ эскадроновъ Александрійскихъ гусаръ выручило арріергардъ изъ опаснаго положенія. На другой день, 24 января, въ арріергардномъ дѣлѣ князя Долгорукова, между Гофомъ и Ландсбергомъ, прибытіе на полѣ битвы кирасиръ Военнаго Ордена и Его Величества прекратило наступленіе французовъ; 26 января при Ландсбергѣ орденцы вмѣстѣ съ лейбъ-кирасирами,

[19]) Григоровичъ, стр. 256—261; Михайловскій-Даниловскій, Описаніе второй войны императора Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 гг., Спб. 1846, стр. 95, 116—123.

Курляндскими, Псковскими и Ингерманландскими драгунами рѣшительной атакой заставили ретироваться французскую конницу [20]).

На слѣдующій день, 27 января, произошла знаменитая битва при Прейсишъ-Эйлау, имѣющая гибельное превосходство надъ Бородинымъ въ смыслѣ кровопролитія, потому что при Бородинѣ главнымъ дѣйствующимъ оружіемъ было огнестрѣльное, а при Эйлау рукопашное; ни въ одномъ почти сраженіи—пишетъ Давыдовъ—не видно подобныхъ свалокъ пѣхоты и конницы между собой [21]). Во время этой битвы, въ тотъ моментъ когда былъ опрокинутъ корпусъ Ожеро и 4-я кирасирская дивизія князя Голицына шла по пятамъ его, особенно отличились въ атакѣ кирасиры Военнаго Ордена вмѣстѣ съ Курляндскими драгунами; командующій 3-мъ эскадрономъ кирасирскаго полка штабъ-ротмистръ Сергѣенко врубается въ пѣхотную колонну и послѣ ожесточенной схватки вырываетъ у непріятеля знамя; корнетъ Сакенъ захватываетъ непріятельскую пушку, но долженъ ее бросить вслѣдствіе штыковой раны въ грудь: для спасенія Ожеро выдвигаются дивизіи драгунская Груши и кирасирская Гопульта,—Мюратъ лично руководитъ атакой и опрокидываетъ часть русской конницы, но тѣмъ самымъ подставляетъ свой флангъ, передъ которымъ появляется полкъ Военнаго Ордена; онъ смялъ драгунъ и увлеченный побѣдой проскакалъ вмѣстѣ съ другими полками впередъ, неся на палашахъ своихъ смерть и разрушеніе. [22]) Во время атаки кирасирами драгунской дивизіи Груши, дѣдъ мой Алексѣй Трофимовичъ былъ контуженъ въ голову картечью; за Эйлау ему былъ пожалованъ золотой крестъ на георгіевской лентѣ съ уменьшеніемъ трехъ лѣтъ къ полученію ордена св. Георгія 4 степени и пенсіона [23]).

Какъ извѣстно, послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія стеченіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ воспрепятствовалоБеннигсену атаковать непріятеля, что могло бы имѣть для Наполеона роковыя послѣдствія, потому что, по свидѣтельству самихъ французовъ, они были бы тогда совершенно разбиты. Съ 27 на 28 января ночью русская армія продолжала маршъ къ Кенигсбергу, а 29 января вступила въ эту крѣпость; Наполеонъ 5 февраля отступилъ на лѣвый берегъ Пассарги, а Беннигсенъ, приведя армію въ порядокъ, выступилъ изъ Ландсберга къ Лаунау, 20 февраля занялъ главною кварти-

---

[20]) Михайловскій-Данилевскій, стр. 169, 182 и 186; Григоровичъ, стр. 262—63.

[21]) Сочиненія Д. В. Давыдова, изд. 4-е, часть II, Москва. 1860, стр. 196.

[22]) Григоровичъ, стр. 266—267; Михайловскій-Данилевскій, стр. 195—198.

[23]) Офицеры, представленные къ Георгіевскимъ и Владимірскимъ крестамъ, но орденовъ сихъ не получившіе, были награждены особенными золотыми крестами, изготовленными по случаю Эйлаускаго сраженія, для ношенія въ петлицѣ на георгіевской лентѣ (Мих.-Данилев., стр. 213—214). По поводу золотого Прейсишъ-Эйлаускаго креста см. также Высочайшіе приказы 31 августа 1807 г. № 22616 и 5 марта 1808 г. № 22870.

рою Бартенштейнъ и расположилъ армію на зимнія квартиры вокругъ Гейльсберга; кирасиры Военнаго Ордена стали въ м. Рессель, въ районѣ квартиръ дивизіи князя Голицына, составляющей лѣвый флангъ арміи [24]).

За нѣсколько дней до Прейсишъ-Эйлау, 20 января, скончался въ с. Оржевкѣ любимѣйшій братъ и другъ Алексѣя Трофимовича, Николай Трофимовичъ, вышедшій въ отставку въ 1806 г. и жившій у своей матери Екатерины Фирсовны. Вѣсть о кончинѣ брата не скоро дошла до Алексѣя Трофимовича и онъ ее получилъ, вѣроятно, тогда, когда полкъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ или, быть можетъ, передъ самымъ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій; къ тому же времени—если не позже, послѣ Тильзита—по всему вѣроятію, должна относиться и „Элегія на смерть брата", помѣченная рукою дѣда „1807 г.", въ которой выражены чувства искренней привязанности его къ покойному брату.

Армія снялась 21 мая съ кантониръ-квартиръ. Кирасиры принимали активное участіе 24-го и 25-го въ дѣлѣ при Петерсдорфѣ и преслѣдованіи разбитаго и отступающаго за Пассаргу Нея, 28-го въ дѣлѣ при Гутштадтѣ въ моментъ отступленія князя Багратіона и Раевскаго, 29-го при блистательной и побѣдоносной защитѣ Гейльсберга противъ ожесточеннаго одиннадцатичасового нападенія Наполеона, во время котораго кавалерія князя Голицына, а съ ней и орденцы, поддерживали первую линію; 1 іюня кирасиры вмѣстѣ съ уланами Цесаревича молодецки выбили изъ Фридланда французовъ, а на слѣдующій день неудачной битвы при Фридландѣ орденцы производили рядъ атакъ, прикрывавшихъ отступленіе арміи. 5 іюня Беннигсенъ достигъ Шилупишкенъ, въ 50 верстахъ къ югу отъ Тильзита, 6-го армія переправилась за Нѣманъ и расположилась между сел. Погегенъ и Микитенъ, недалеко отъ рѣки. Во время весенней кампаніи дѣдъ, вѣроятно, имѣлъ случай встрѣчаться не одинъ разъ съ знаменитой русской Іоанной д'Аркъ, Надеждой Андреевной Дуровой, въ 1806 г. бѣжавшей тайно изъ родительскаго дома и служившей тогда охотникомъ подъ именемъ Александра Дурова въ Коннопольскомъ полку, который принималъ участіе въ битвахъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за что Дурова впослѣдствіи получила Георгій и переведена корнетомъ (Александровымъ) въ Маріупольскіе гусары. Послѣ Тильзита, кирасирскій Военнаго Ордена полкъ выступилъ походнымъ порядкомъ къ границѣ и 1-го іюля занялъ временную квартиру въ м. Проголахъ, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи, гдѣ простоялъ около недѣли, вмѣстѣ съ Псковскими драгунами и Коннопольскими уланами; время этой стоянки описано у Дуровой въ ея Запискахъ [25]). 11 іюля полкъ былъ на

[24]) Григоровичъ, стр. 267—269; Михайл.-Данилевскій, стр. 207, 235—236.

[25]) „Вошедъ въ родную землю нашу (послѣ Тильзита), армія разошлась покорпусно, по-дивизіонно, и даже полками въ разныя мѣста. Полкъ нашъ (Конно-

Кирасирская каска съ 1808 г. (Григоровичъ, Ист. Воен. Орд. п т. I, стр. 273).

маршѣ изъ м. Проголы къ Витебску, а 1 августа въ г. Полоцкъ; 17 сентября послѣдовало повелѣніе во всѣхъ кирасирскихъ полкахъ отмѣнить при вице-мундирѣ аксельбантъ, дать офицерамъ эполеты съ золотымъ полемъ, съ суконнымъ подбоемъ по цвѣту воротника, носимые при колетахъ на обоихъ плечахъ, а при вице мундирѣ на одномъ плечѣ. Въ половинѣ ноября 1807 г. полкъ прибылъ на прежнюю свою стоянку въ г. Ошмяны Виленской губерніи, гдѣ и оставался почти полтора года до похода въ Австрію [26]). Вскорѣ послѣ прибытія кирасиръ на стоянку, дѣдъ взялъ четырехмѣсячный, съ 17 декабря, отпускъ и уѣхалъ въ свою милую Оржевку, которую никогда не забывалъ, гдѣ и пробылъ среди своей семьи—матери, сестеръ и брата Ивана.

Полкъ, въ который онъ вернулся по окончаніи отпуска 17 апрѣля 1808 года, не принималъ никакого участія въ Финляндской войнѣ и мирно стоялъ въ Ошмянахъ; тогда же повелѣно было воротники офицерскихъ сюртуковъ въ Орденскомъ и Малороссійскомъ кирасирскихъ полкахъ имѣть изъ бархата по приборному цвѣту [27]). Въ томъ же

польскій уланскій) и полки Псковскій драгунскій и Орденскій кирасирскій стоятъ лагеремъ. У насъ шалаши такъ огромны, какъ танцовальныя залы: въ каждомъ изъ нихъ помѣщается взводъ. Ротмистръ призвалъ меня и Вышемирскаго (юнкера) къ себѣ; онъ сказалъ, что военное время кончилось, что теперь надобно соблюдать пунктуально всѣ обязанности службы, что мы должны всякому офицеру становиться во фронтъ, на часахъ дѣлать ему на караулъ, т. е. саблю впередъ, и на перекличкѣ откликаться голосомъ громкимъ и отрывистымъ. Меня отряжаютъ наравнѣ съ другими стеречь ночью наше сѣно, чистить заступомъ *плянцовку*, т. е. мѣсто для развода передъ гауптвахтой, и стоять на часахъ у церкви и порохового ящика. Всякое утро и вечеръ водимъ мы лошадей нашихъ на водопой къ рѣкѣ, которая отъ насъ въ верстѣ разстояніемъ; мнѣ достается иногда вести двухъ лошадей въ рукахъ и на третьей сидѣть; въ такомъ случаѣ я доѣзжаю благополучно только къ рѣкѣ, но оттуда до лагеря лечу, какъ вихрь, съ моими тремя лошадьми и налету слышу сыплющіеся вслѣдъ мнѣ ругательства отъ уланъ, драгунъ и кирасиръ. Всѣ они не могутъ тогда справиться съ своими лошадьми, соблазненными дурнымъ примѣромъ моихъ, которыя, зная, что у коновязи дадутъ имъ овса, несутъ меня во весь духъ и на скаку прыгаютъ, брыкаютъ, рвутся изъ рукъ, и я каждую минуту ожидаю быть сорванною съ хребта моего Алкида. Выговоръ за неумѣніе удержать играющихъ лошадей достается мнѣ всякій разъ отъ вахмистра и дежурнаго офицера.“ (Кавалеристъ-дѣвица, происшествіе въ Россіи. Изд. Ив. Бутовскій, Спб. 1836. часть I. стр. 135—137).

[26]) Михайлов.-Данилевскій, стр. 294—345; Григоровичъ, стр. 248—249 и 269—275

[27]) Григоровичъ, стр. 250.

Кирасирск. офицеръ въ вицмундирѣ 1809 г. (Григоровичъ, Ист. Воен. Орд.п., т. I, стр. 275).

году, 26 ноября, въ походное время повелѣно въ кирасирскихъ полкахъ имѣть плюмажи на каскахъ по новому образцу—плоскіе, черные; кромѣ того у офицеровъ введены темно-зеленые длиннополые сюртуки. На слѣдующій 1809 г., въ апрѣлѣ, шефомъ полка былъ назначенъ графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ, который оставался шефомъ до 1816 г., а до ноября 1809 г. даже былъ одновременно и командиромъ полка [28]). Въ томъ же мѣсяцѣ, 29 апрѣля, на кирасирскихъ вицемундирахъ аксельбанты были отмѣнены, а самые вицемундиры велѣно носить съ двумя эполетами, а вскорѣ полкъ опять выступилъ въ походъ. Какъ извѣстно, вслѣдствіе возникшихъ еще въ мартѣ 1809 г. недоразумѣній между Франціей и Австріей и открытія въ апрѣлѣ военныхъ дѣйствій, императоръ Александръ I велѣлъ собрать на западную границу армію въ составѣ одного дѣйствующаго корпуса подъ командой князя С. Ѳ. Голицына и кавалерійскаго резерва: 1-й дивизіи Меллера-Закомельскаго и 2-й дивизіи барона Корфа, въ которыхъ были полки кирасирскіе: Ея Величества, Военнаго Ордена и Екатеринославскій, драгунскіе: Рижскій, Казанскій, Кіевскій и Псковскій, уланскіе: Польскій, Татарскій и Литовскій, Елизаветградскій гусарскій и 40 конныхъ орудій; армія перешла 22 мая черезъ Бугъ, при чемъ кавалерійскій резервъ у Устилуга, близъ Владиміра Волынскаго [29]). Затѣмъ армія продолжала свой маршъ безостановочно на Галицію, а кавалерійскій резервъ двинулся только 9 іюня двумя колоннами: Меллеръ-Закомельскій черезъ Томашевъ и Раву въ Лембергъ, а баронъ Корфъ черезъ Іозефовъ, Тарноградъ и Сеняву въ Ярославъ съ цѣлью, вытѣснивъ австрійцевъ, занять эти города. Наконецъ, 18 іюня, 1-я кавалерійская дивизія расположилась въ Лембергѣ на пространствѣ отъ Комарно и Шерзецъ черезъ Бобрку, Поморжане, Козово, Тарнополь до Микулинце и Требовля, посылая разъѣзды изъ Комарно до Дроговича и Цидашева; 2-ая же кавалерійская дивизія въ Пржемыслѣ занимала отъ Самбора Старомясто, Устржики, Баллигродъ, Санокъ, Римановъ, Красно и Дуклу, посылая разъѣзды изъ Старомясто до Дроговича. Главная квартира прибыла 25 іюня въ Тарновъ, армія заняла пространство отъ Днѣстра до Вислы, затѣмъ одна дивизія вступила въ Краковъ, тѣмъ и закончились военныя передвиженія и войска оставались въ бездѣйствіи

---

[28]) Бывшій полковой командиръ К. Ив. Линденбаумъ сдалъ полкъ 12 апрѣля 1809 г. (Григор.)

[29]) Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I, т. II (Спб. 1869), стр. 438—442 и приложенія.

до самаго своего выступленія изъ Галиціи, 31 октября [30]). Вскорѣ въ Орденскій полкъ былъ назначенъ новый командиръ, полковникъ Федоръ Федоровичъ фонъ-Раденъ, который принялъ полкъ 11 ноября, а 16 ноября кирасиры вступили обратно въ предѣлы Россіи. Въ январѣ 1810 г. полкъ прибылъ на квартиры въ м. Вишнево, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, въ іюнѣ перешелъ въ мѣстечко Биржи (Birze), Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губ, на границѣ Жмуди и

Кирасирск. штабъ-офицеръ
въ походной формѣ 1808—1811 гг.
(Григоровичъ, Ист. Воен. Орд. II,
т. I, стр. 274).

Курляндіи, мѣстности замѣчательной въ историческомъ, этнографическомъ и даже геологическомъ отношеніяхъ. Въ томъ же мѣсяцѣ, 24 іюня, покидаетъ полкъ полковникъ фонъ-Раденъ, и только почти черезъ годъ (4 мая 1811 г.) назначается новый командиръ Егоръ Федоровичъ Штакельбергъ, прокомандовавшій полкомъ до 11 января 1819 г. Въ м. Биржи кирасиры пробыли недолго и чуть ли не въ

30). Хронологич. Указатель воен. дѣйствій русск. арміи и флота, т. II, (Спб. 1909 г.), стр. 126—128.

томъ же году переведены въ Житомиръ, а съ мая 1811 г. стали въ Звенигородкѣ, Кіевской губерніи. Но дѣдъ мой не дождался назначенія новаго командира и подалъ въ отставку въ январѣ же 1811 г. Однимъ изъ поводовъ была отчасти и контузія въ голову, полученная имъ при Прейсишъ-Эйлау, но главной причиной было желаніе самому вести хозяйство и поселиться въ любезной его сердцу Оржевкѣ. 3 февраля онъ произведенъ въ поручики, 11 февраля уволенъ въ отставку по болѣзни, а 5 марта получилъ формулярный списокъ (приводимый въ Приложеніи) за подписью полковника Волкова (?).

Какъ сквозь сонъ вспоминаю я портретъ дѣда въ кирасирскомъ колетѣ и самый колетъ, полусъѣденные крысами, тяжелый, длинный палашъ, на которомъ я скакалъ верхомъ, каску съ громаднымъ гребнемъ, которая входила мнѣ почти до самыхъ плечъ, его золотой крестъ за Прейсишъ-Эйлау, который бабушка Елизавета Димитріевна отдала въ нашу Успенскую церковь и который я самъ видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ на иконѣ Божіей Матери въ главномъ иконостасѣ. Все теперь это куда-то безслѣдно исчезло, а тогда десятилѣтній мальчишка не могъ ничего сохранить изъ вещей дѣда.

За это время, т. е. до 1811 г., дѣдъ не оставлялъ свою поэзію и, конечно, изрѣдка писалъ стихи; изъ уцѣлѣвшихъ у меня части его сочиненій, хотя и безъ датъ, можно съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ отнести нѣкоторые стихи къ этому именно періоду: пѣсенки 5-я, 6-я и 7-я, „Эпиграмма“, „Къ невѣрной“ и „Злая женщина“; гораздо труднѣе установить дату Элегіи и двухъ Эпитафій на смерть Теплова, особенно эти послѣднія, потому что въ эпоху послѣ 1811 г. въ Кирсановскомъ уѣздѣ, кажется, не сушествовало болѣе представителей этого рода [31]).

Въ маѣ 1811 г. возвратился дѣдъ въ свою семью. Въ Оржевкѣ и окрестностяхъ ея въ то время проживало очень много помѣщиковъ, а нѣкоторые жили и постоянно: Чекмаревы, Языковы, Булыгины, Войновы, князья Вяземскіе, Нарышкины, Тишениновы, Полибины, Скобельцыны, Сабуровы, Мартыновы и другіе. Особенно были близки Слѣпцовы къ Мартыновымъ: молодежь ихъ росла вмѣстѣ, отцы при

---

[31]) Въ 1800 г. упоминается только одинъ *Кирсановскій* Тепловъ, подпоручикъ Осипъ Федоровичъ, остальные всѣ Пензенскіе, Верхоломовскіе. По родословнымъ спискамъ 1791 г. Тепловы показаны такъ: Осипъ Федоровичъ, 40 лѣтъ и жена его Анисья Семеновна—безъ потомства; Афанасій Федоровичъ 55 лѣтъ, вдовецъ, и дѣти его: Петръ 17 лѣтъ, Николай 12, Александръ 10 и Леонтій 8 лѣтъ; наконецъ, Иванъ Федоровичъ 49 лѣтъ, жена его Матрена Яковлевна, и дѣти ихъ: Иванъ 18 лѣтъ (служитъ въ Конной гвардіи), Наталія 19 лѣтъ, Петръ 5 и Яковъ 3 лѣтъ. Въ позднѣйшихъ выпискахъ, 1840 г., Иванъ Ивановичъ значится полковникомъ въ отставкѣ, у него сынъ подпоручикъ Федоръ и внуки: Константинъ (въ Полоцкомъ Кадетскомъ Корпусѣ), Николай и Александра (см. Дѣла Тепловыхъ Тамбовск. Дворянскаго Депутатскаго Собранія № 523 и 539).

а вскорѣ послѣ пріѣзда Алексѣя Трофимовича, скончался—19 сентября 1811 г.—Николай Димитріевичъ и осталось только трое Мартыновыхъ: Иванъ Димитріевичъ, большой другъ Алексѣя Трофимовича, съ нимъ выросшій, и къ которому, по всему вѣроятію, должно относиться стихотвореніе „Вино“; Алексѣй Димитріевичъ, поручикъ въ отставкѣ, и Сергѣй Димитріевичъ, тоже въ отставкѣ. Выпущенный въ 1807 г. прапорщикомъ въ 25-й егерскій полкъ и произведенный въ томъ же году въ подпоручики, С. Д. участвовалъ, во время Финляндской войны 1808 г., въ несчастномъ дѣлѣ на Аландскихъ островахъ: 28 апрѣля шведы захватили Аландъ, а стоявшій въ Кумлингѣ отрядъ 25 егерскаго полка въ 600 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Вуича, окруженный со всѣхъ сторонъ подавляющимъ числомъ шведовъ, сдался въ плѣнъ; по возвращеніи изъ плѣна Вуичъ былъ отданъ подъ судъ[33]), Сергѣй Димитріевичъ переведенъ въ 18 егерскій полкъ, а 13 іюня 1810 г. вышелъ поручикомъ въ отставку.

Вскорѣ въ Оржевкѣ состоялся бракъ Ивана Трофимовича Слѣпцова—16 февраля 1812 г.—съ Любовью Александровной Малевинской (род. 1793 г.), дочерью секундъ-маіора Александра Петровича Малевинскаго, и Вѣры Акимовны Иванчиной, помѣщиковъ Наровчатскаго, Керенскаго и Чембарскаго уѣздовъ[34]).

Наступалъ незабвенный для Россіи Двѣнадцатый годъ, наступилъ геройскій періодъ подвиговъ русской арміи и необыкновеннаго подъема національнаго духа. По первому манифесту 6 іюля тамбовское дворянство въ своемъ экстренномъ собраніи 25 іюля постановило „собрать ратниковъ по одному съ каждыхъ 50 душъ, вооружить ихъ и снабдить провіантомъ на 4 мѣсяца“, что должно было дать не менѣе 5000 ополченцевъ, въ виду того, что еще въ 1806 г. помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніи считалось 250000 чел. Въ дѣйствительности тамбовское дворянство выставило ратниковъ почти впятеро больше; по полученіи въ Тамбовѣ призыва графа Растопчина „идти на три горы для защиты Москвы отъ французовъ“, въ экстренномъ собраніи дворяне вновь постановили дать по одному ратнику уже съ каждыхъ 12 душъ съ тѣмъ, чтобы „выставить ополченіе въ 12000 человѣкъ половиною пѣшихъ, половиною конныхъ“

---

33) „Егеря 25-го полка—показывалъ Вуичъ на военномъ судѣ—несмотря на чрезмѣрное превосходство противниковъ и пушечные выстрѣлы, дрались храбро до 4 час. пополудни, но наконецъ отступили въ безпорядкѣ. Офицеры бросались впередъ ободрять людей и собирали разстроенныхъ, но непріятель наступалъ смѣло, не давая времени построиться, и въ одно время съ нашими ворвался въ деревню, гдѣ еще недолго продолжалась перестрѣлка. Напослѣдокъ, когда не стало патроновъ, число раненыхъ увеличилось и нѣкоторые отдѣльные пикеты были отрѣзаны, я былъ сдѣланъ съ прочими плѣннымъ“. (Михайловскій-Данилевскій, Описаніе Финляндской войны въ 1808 и 1809 гг. Спб., 1841, стр. 99).

34) Подробности о Малевинскихъ см „Матеріалы для исторіи рода Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“ ч. I, стр. 241—42.

немедленно же, а затѣмъ „такое же число ратниковъ, сверхъ того, имѣть наготовѣ". Это постановленіе было исполнено настолько быстро, что въ три недѣли дружины были уже сформированы, обмундированы и вооружены, а офицерами назначены отставные военные и мѣстные помѣщики; кромѣ того, дворяне для дѣйствующей арміи поставили, конечно безвозмездно, 3000 воловъ, нѣсколько сотенъ подъемныхъ и верховыхъ лошадей, многочисленный обозъ съ сотнями погонщиковъ и массу провіанта. Въ самомъ Тамбовѣ, съ началомъ войны, формировались, въ вѣдѣніи князя Лобанова-Ростовскаго, два резервныхъ пѣхотныхъ полка (7-й и 8-й, которые составили потомъ часть дивизіи генерала-маіора Русанова) и резервная артиллерійская рота, и одинъ изъ этихъ пѣхотныхъ полковъ былъ обмундированъ и снабженъ обозомъ исключительно на средства тамбовскаго дворянства. Великая Княгиня Екатерина Павловна съ принадлежащихъ ей въ Кирсановскомъ уѣздѣ 4613 душъ велѣла поставить и отправить въ Тверь количество ратниковъ согласно постановленію дворянскаго собранія; помѣщикъ с. Разсказова генералъ Н. П. Архаровъ на свой собственный счетъ выставилъ 500 конныхъ ратниковъ, т. е. цѣлый конный полкъ, („Я съ усердія моего Его Величеству, ежели востребуется, обязуюсь поставить съ моего селенія 500 ратниковъ на лошадяхъ съ провіантомъ на три мѣсяца"); маіоръ князь Парфеній Николаевичъ Енгалычевъ (извѣстный мистикъ и литераторъ) „сверхъ положенія съ 50 душъ по одному ратнику жертвуетъ еще 10 человѣкъ ратниковъ съ пиками"; бригадиръ Пашковъ пожертвовалъ шесть мѣдныхъ единороговъ, тысячу четвертей овса и тысячу кулей муки; помѣщикъ Жуковъ прислалъ шесть чугунныхъ пушекъ; губернскій предводитель дворянства Сергѣй Андреевичъ Чубаровъ и всѣ остальные дворяне жертвовали цѣлые караваны провіанта, одежды и проч. Тамбовскій же дворянинъ и помѣщикъ П. А. Ниловъ, въ то время тамбовскій губернаторъ, писалъ энергичныя воззванія, снаряжалъ ратниковъ и ставилъ 4500 пудовъ муки, а дворяне, которые не могли прибыть на собраніе, выразили письменно свою готовность на всякую жертву ради родины; одинъ изъ жертвователей Петръ Ивановичъ Чичеринъ между прочимъ распространялъ тревожные слухи о тамбовскихъ шпіонахъ и губернаторъ Ниловъ просилъ губернскаго предводителя Чубарова провѣрить эти слухи; часть переписки по этому поводу сохранилась въ Архивѣ Дворянскаго Собранія [35]).

---

[35]) См. Нарядъ дѣламъ губернскаго предводителя дворянства за 1812 г., № 2, на 661 листѣ въ Архивѣ Тамбовскаго Дворянскаго Собранія, часть бумагъ котораго приведена въ Приложеніи II. Изъ духовенства епископъ Іона подписалъ 3000 рублей. Вознесенскій женскій монастырь 645 рублей. Ср. также Федотовъ, Военно-Статистич. описаніе района Тамбовск. мѣстн. бригады (Москва, 1897 г.), стр. LXXXIV и слѣд. Богдановичъ, Ист. Отечествен. войны, т. II, стр. 65, 83, 371, 618; Дубасовъ, Очерки изъ исторіи Тамб. края, т. I, стр. 204 и т. V, стр. 57.

Вслѣдствіе своей контузіи 1807 года, которая иногда давала себя знать, а еще болѣе вслѣдствіе своихъ семейныхъ обстоятельствъ, дѣдъ мой не вступилъ снова въ ряды своихъ кирасиръ и долженъ былъ ограничиться скромной ролью дружиннаго офицера охранительной стражи въ районѣ Оржевки, а Ив. Д. Мартыновъ вступилъ въ Московское ополченіе, въ сформированный гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ казачій полкъ. Очень много плѣнныхъ французовъ было прислано въ Тамбовъ, знаменитое „tombeau", столь ужасное для нихъ своимъ созвучіемъ съ могилой; между ними было нѣсколько генераловъ, напр. дивизіонный генералъ Сансонъ, бригадный генералъ Ожеро, племянникъ маршала, взятый въ плѣнъ при Ельнѣ секретарь Марэ, герцога Бассано, Камюзе и другіе. Судьба одного изъ такихъ плѣнниковъ, нѣкоего Ліона—„commissaire d'habillement"—весьма удивительна и неожиданна: послѣ мира онъ остался добровольно въ Тамбовѣ, удачно женился, устроилъ въ с. Бондаряхъ (Анастасьевкѣ) Тамбовскаго уѣзда суконную фабрику, сталъ именоваться „коммерціи совѣтникомъ", а сынъ его попалъ въ корпусъ инженеровъ путей Сообщенія, впослѣдствіи совершенно неожиданно былъ избранъ Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ и получилъ камеръ-юнкера [36]).

Въ эту эпоху въ Тамбовѣ съѣхалась часть лучшаго общества изъ Москвы, Рязани, Калуги и т. д. Между прочимъ въ концѣ августа

---

[36]) Липранди въ своихъ „Дневныхъ Запискахъ" говоритъ про семейство Ліонъ слѣдующее: Въ началѣ 1812 года, когда нѣкоторые полки, расположенные на югѣ Франціи, должны были внезапно двигаться въ Россію, одинъ изъ такихъ полковъ не имѣлъ многаго необходимаго, нѣкто Ліонъ, „commissair d'habillement" этого полка, потребовалъ все, что было нужно отъ маіора Пако „fournisseur militaire d'habillement", затѣмъ полкъ немедленно пошелъ по назначенію, а Пако въ Парижѣ узналъ, что слѣдуемыя ему деньги были отданы изъ военнаго министерства для расплаты Ліону. Пако написалъ въ полкъ, въ дивизію, въ корпусъ, но безуспѣшно и только отъ возвратившихся плѣнныхъ узналъ, что Ліонъ остался въ Тамбовѣ, поступилъ на какую то суконную фабрику, женился на богатой дворянкѣ и имѣетъ свою огромную фабрику. Пако нѣсколько разъ писалъ ему, но напрасно. Возвратясь въ Россію, въ 1819 г., и собравъ свѣдѣнія я (т. е. Липранди), по просьбѣ Пако, обращался письменно къ Ліону, сдѣлавшемуся уже тамбовскимъ помѣщикомъ и русскимъ подданнымъ. Онъ отвѣчалъ, что если имѣлъ что, то, сдѣлавшись плѣннымъ, остался въ одной рубашкѣ; на вопросъ же, что онъ получилъ деньги восемь мѣсяцевъ прежде плѣна, на это ничего не сказалъ. По совѣту моему Пако послалъ прошеніе въ свое посольство, но все было напрасно. Ліонъ процвѣталъ. Богатаго сына своего женилъ на богачкѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ былъ губернскимъ предводителемъ дворянства, имѣлъ свою музыку и проч. Нынѣ (въ 1867 г.) онъ скрылся, собравъ значительные капиталы и живетъ съ семьей своей за границей. (И. П. Липранди, Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, Москва, 1873 г., стр. 95—96). Сергѣй Мартыновичъ Ліонъ, род. 1820 г., въ 1841 г. поручикъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, потомъ камеръ-юнкеръ и дѣйств. стат. совѣтникъ, женатъ былъ на Ольгѣ Ивановнѣ Курута (родственницѣ извѣстнаго генерала), тамбовскій губернскій предводитель дворянства 1854—1860 гг., разорился и занималъ гдѣ-то въ Петербургѣ весьма убогое мѣсто, умеръ послѣ 1899 г. (См. Дѣло Ліонъ въ Архивѣ Тамб. Двор. Депут. Собр.).

пріѣхала съ матерью М А. Волкова († 1859), извѣстная своей перепискою съ В. И. Ланской, изданною въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1872 г; пріѣхали Каверины, Шаховскіе, Разумовскіе, княгиня Меньшикова, семья Л. Б. Мертваго (впослѣдствіи сенатора), племянника Е. П. Мартыновой (см. примѣч. 32) и другіе; Мертваго прожили въ Тамбовѣ съ конца августа по ноябрь безвыѣздно и только одинъ Димитрій Борисовичъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Оржевку для свиданія съ Мартыновыми. Несмотря на то, что городъ былъ „биткомъ набитъ“, тамбовская жизнь поражала своей дешевизной; всѣ жили жизнью упрощенной, провинціальной, даже самый французскій языкъ былъ изгнанъ изъ разговоровъ въ избѣжаніе непріятностей со стороны народа, какъ пишетъ Волкова; она очарована лаской, добротой тамбовскаго общества; видитъ, что преимущества иногда не на сторонѣ столичныхъ ея знакомыхъ и тамбовскіе помѣщики, хотя и неуклюжѣе ихъ, зато сердечнѣе, серьезнѣе, и многіе знаютъ свое отечество получше самихъ министровъ [37]).

Вѣроятно и въ самую Оржевку временно укрылись многія москвички, такъ же какъ и въ сосѣднемъ, на границѣ Кирсановскаго и Чембарскаго уѣздовъ, селѣ Ершовѣ графа Разумовскаго, куда съѣхались Дашковъ съ дочерью, дѣвицы Перовскія, княжна Мещерская и другія [38]).

---

[37]) „Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Несмотря на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если обстоятельства позволятъ сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ, тепломъ и чистомъ домикѣ. Кромѣ нашего семейства, здѣсь находятся Разумовскіе, Щукины, кн. Меньшиковы и Каверины. Есть много другихъ москвичей, которыхъ мы мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе грустные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться“. (Письмо отъ 17 сентября).

[38]) Бѣляевъ, Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ, Спб., 1882, стр. 23—24. Въ эту эпоху съѣхалось также и въ Нижній-Новгородъ очень много изъ московскаго high-life'a, а въ томъ числѣ и Соломонъ Михайловичъ Мартыновъ, beau frère Елизаветы Петровны и братъ знаменитой игуменіи Нижегородскаго женскаго монастыря Дороѳеи (см. прим. 32). Въ немъ (т. е. въ монастырѣ) была она совершенной царицей—пишетъ такъ о ней Вигель—когда пол-Москвы отъ непріятеля бѣжало въ Нижній; всѣ барыни, и между ними весьма знатныя, искали ея знакомства и она всѣхъ надѣляла христіанскими утѣшеніями. Съ этого времени вошла она въ связь съ обѣими столицами и сдѣлалась великимъ авторитетомъ, на который сами архіереи смотрѣли съ уваженіемъ и не безъ страха (Записки, часть V, стр. 189, 192, 195).—„Пребываніе мое въ Тамбовѣ (пишетъ Волкова) при теперешнихъ обстоятельствахъ открыло мнѣ глаза на счетъ многаго. Находись я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ жизни, мнѣ здѣшніе добрые люди навѣрное показались-бы глупыми и очень смѣшными. Прибывъ сюда съ разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ (тамбовцамъ) за ихъ ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь изящныхъ молодыхъ людей, которыхъ, послушавъ, черезъ пять минутъ забываешь о существованіи ихъ. Вмѣсто ихъ сталкиваешься съ людьми, быть можетъ, неуклюжими, но

Сенаторъ Димитрій Борисовичъ Мертваго.

Въ числѣ сосѣдей Елизаветы Петровны были камергеръ Павелъ Петровичъ Нарышкинъ (1768—1841) и жена его Анна Димитріевна, рожденная тоже Нарышкина (1774—1848); они были въ большой дружбѣ съ Мартыновыми и иногда пріѣзжали въ свой большой оржевскій домъ, гдѣ и проживали нѣсколько недѣль [39]; дѣти ихъ: Димитрій Павловичъ, Константинъ Павловичъ, впослѣдствіи женатый на С. П. Ушаковой (сестра ея была за Мартыновымъ, племянникомъ Елизаветы Петровны) и Марія Павловна, вышедшая за камергера графа Булгари, и владѣвшая въ Оржевкѣ тоже имѣніемъ. Когда въ самый разгаръ августовскихъ сраженій Двѣнадцатаго года москвичи бѣжали изъ Бѣлокаменной въ разныя губерніи и уѣзды, въ Оржевку къ Е. П. Мартыновой былъ присланъ родителями, въ сопровожденіи своего дядьки, и Константинъ Павловичъ Нарышкинъ, тогда еще мальчикъ, онъ прожилъ довольно долго въ семьѣ Е. П., подружился съ ея дѣтьми, особенно съ младшей Елизаветой Димитріевной, моей бабушкой, которая тогда была еще десятилѣтнимъ ребенкомъ; это дружеское расположеніе къ бабушкѣ сохранилъ К. П. Нарышкинъ, и семья его, до самой смерти.

Въ концѣ года въ Тамбовскомъ уѣздѣ оставалось, кажется, только шесть баталіоновъ: Кексгольмскаго, Перновскаго, Полоцкаго, Елецкаго, 1-го и 33-го егерскихъ полковъ, если судить по описи, случайно сохранившейся въ дѣлахъ Тамбовскаго Депутатскаго Собранія [40]).

которые здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое отечество, чѣмъ многіе министры. Сначала, привыкшія къ свѣтской болтовнѣ, мы не могли ихъ понять, но теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьезныхъ предметахъ. Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человѣкъ—это г. Мертваго, занимавшій нѣкогда весьма значительные посты и вынужденный оставить службу. Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна". (Письмо 7-го октября). „Въ Тамбовѣ до сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; крестьяне, лишь только услышатъ, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Шаховскіе разсказывали мнѣ, что во всюду дорогу съ Кавказа до сюда они были какъ на иголкахъ; если, забывшись, по привычкѣ начинали говорить по-французски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ: не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву?". (Письмо отъ 27-го ноября). См. Надлеръ, Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза, т. III, (Рига 1887), стр. 14—26; Записки Д. Б. Мертваго, Москва, 1867, стр. 317—318.

[39]) Родная сестра Анны Димитріевны, Прасковія Димитріевна Нарышкина вышла за кригсцальмейстера Михаила Федоровича Булыгина († 1807), кирсановскаго помѣщика, а сынъ ихъ Димитрій былъ женатъ на Софіи Петровнѣ, дочери Петра Григорьевича Щепочкина, родной племянницѣ Ольги Григорьевны Пирамидовой, рожден. Щепочкиной, матери Александры Козьминичны Норцовой, моей бабушки по мужской линіи. (См. Матеріалы для исторіи родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ, часть II, стр. 417—418).

[40]) Генералъ-маіоръ Бестужевъ Рюминъ въ отношеніи своемъ отъ 26 ноября, по приказанію корпуснаго командира, Генерала-отъ-инфантеріи, князя Лобанова-Ростов-

Слѣдующій, 1813-й, годъ прошелъ также въ волненіи; комплектовали армію, заботились о доставкѣ артиллерійскихъ и кавалерійскихъ лошадей, раскладывая количество ихъ по уѣздамъ и выписи изъ трехъ засѣданій дворянства по этому предмету приведены въ Приложеніи III. Русское общество съ восторгомъ слѣдило за успѣхами побѣдоносной арміи Александра I, ведущаго за собою униженныхъ Наполеономъ Франца Австрійскаго и Вильгельма Прусскаго, съ гордостью читало реляціи о побѣдахъ нашихъ при Кацбахѣ и Кульмѣ, переживало всѣ перепетіи знаменитой битвы подъ Лейпцигомъ и боя при Ла Ротьерѣ, послѣ котораго, по выраженію Сакена, „Наполеонъ пересталъ быть опаснымъ врагомъ человѣчества"; восторгалось битвой при Краонѣ и лихимъ кавалерійскимъ дѣломъ при Феръ-Шампенуазѣ, покрывшимъ славой русское оружіе, узнавало, съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія, о вступленіи русскихъ въ Парижъ, отреченіи Наполеона и отправленіи его на Эльбу. Въ Петербургѣ и Москвѣ, весной, были большія празднества, особенно по случаю взятія Парижа и, конечно, провинція, насколько могла и умѣла, не отставала отъ столицъ. Весна и лѣто 1814 года были, можно сказать, сплошнымъ праздникомъ русскаго общества, а въ городахъ и въ деревняхъ веселились почти каждый день; въ эту эпоху пензенскій губернаторъ князь Григ. Серг. Голицынъ, о которомъ такъ много пишетъ Вигель въ главѣ 2-й, части IV своихъ Записокъ, часто задавалъ балы не только въ Пензѣ, но и въ своемъ имѣніи, недалеко отъ Оржевки, Зубриловкѣ, гдѣ въ обширномъ домѣ его съ увлеченіемъ танцовали экоссезъ, а-ла-грекъ и другіе модные танцы того времени.

Въ этотъ веселый періодъ, въ первой половинѣ іюля 1814 года, заѣхалъ въ Оржевку родственникъ Е. П. Мартыновой Ф. Ф. Вигель,

---

скаго, увѣдомляетъ губернскаго предводителя дворянства о „наличности существующихъ теперь командъ въ уѣздѣ", а въ прилагаемой при отношеніи „вѣдомости о числѣ состоящихъ по списку 11-й дивизіи въ 6-ти баталіонахъ разныхъ чиновъ", видно, что въ шести баталіонахъ Кексгольмскаго, Перновскаго, Полоцкаго, Елецкаго, 1-го и 33-го егерскихъ полковъ „по штатамъ" полагается въ каждомъ баталіонѣ по два штабъ-офицера, 17 оберъ-офицеровъ, 80 унтеръ-офицеровъ, 17 музыкантовъ, 920 рядовыхъ, 22 нестроевыхъ и 28 денщиковъ, а всего во всѣхъ баталіонахъ 12 штабъ, 102 оберъ и 480 унтеръ-офицеровъ, 102 музыканта, 5520 рядовыхъ, 132 нестроевыхъ и 168 денщиковъ; между тѣмъ „налицо" въ шести баталіонахъ оказывается всего только два штабъ-офицера (одинъ въ Кексгольмскомъ, другой въ 33-мъ егерскомъ), 36 оберъ-офицеровъ, 75 унтеръ-офицеровъ, 18 музыкантовъ, 838 рядовыхъ, 24 нестроевыхъ, 56 денщиковъ и 281 подъемная лошадь. (См. Нарядъ дѣламъ губ. предв. дв. за 1812 г., № 2, листы 626 и 627. Ср. прим. 35). 22 января 1813 г. черезъ Тамбовъ прошелъ 9-й пятисотенный Башкирскій полкъ подъ командой штабсъ-капитана Попова, въ 515 строевыхъ и 269 вьючныхъ лошадей; черезъ два дня, 24 января, вслѣдъ за нимъ прошелъ Тамбовъ 14-й Башкирскій полкъ съ командиромъ 4-й Башкирской бригады маіоромъ Селезневымъ, слѣдуя въ Гадячъ Полтавской губ. (См. дѣло № 532 архива канцеляріи тамбовскаго губернатора „Дополненія и рапорты", листы 1 и 2).

авторъ Записокъ, столь извѣстныхъ отсутствіемъ выдержанности, истины и вѣжливости, и оставилъ потомству довольно интересное описаніе Оржевки той эпохи: „Проѣхавъ (изъ с. Зубриловки) верстъ пятьдесятъ по дорогѣ, ведущей въ Тамбовъ, пріѣхалъ я (пишетъ онъ) въ селеніе Оржевку, Кирсановскаго уѣзда, и тамъ остановился. Другого названія не умѣю дать Оржевкѣ; мѣстечекъ у насъ въ Россіи нѣтъ, а пригородомъ или посадомъ нельзя назвать нѣсколько деревень, собранныхъ вмѣстѣ на большомъ пространствѣ, на которомъ живутъ сорокъ помѣщиковъ, изъ коихъ десять или двѣнадцать весьма зажиточныхъ и даже довольно богатыхъ. Въ числѣ ихъ была у меня тамъ одна родственница, которую давно обѣщалъ я посѣтить—вдова Д. М. Мартынова, Елизавета Петровна, урожденная Сабурова, къ ней то я и заѣхалъ. Ничего не могло быть добродушнѣе ея самой и многочисленнаго ея семейства; у нея было четыре молодца сына, всѣ въ отставкѣ, и четыре красотки дочери, всѣ невѣсты [41]). Обо всѣхъ ихъ ничего не скажу, что бы могло походить на осужденіе или насмѣшку; все, что можно сказать въ похвалу ихъ сердца и наружности, я сказалъ и сего довольно. Уѣздное любопытство гораздо сильнѣе губернскаго, но и оно ничто въ сравненіи съ деревенскимъ. Лишь только узнали, что къ Мартыновой пріѣхалъ гость, наѣхали сосѣди и осыпали меня приглашеніями на обѣды и вечера; отъ нѣкоторыхъ умѣлъ я отдѣлаться, но не ото всѣхъ; и такъ дня три-четыре пришлось мнѣ тутъ остаться. Все такъ быстро измѣняется у насъ въ Россіи, что по протеченіи двадцатипяти лѣтъ наше старинное дворянское житье въ помѣстьяхъ, даже у меня, видѣвшаго его, осталось въ памяти какъ сонъ; наяву же ни я и, вѣрно, ни кто его уже не узритъ. И потому я счелъ неизлишнимъ дать здѣсь о немъ нѣкоторое понятіе. Весьма немногіе изъ помѣщиковъ занимались тогда сельскимъ хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ; осеннее время было для нихъ лучшее въ году, они могли гоняться за зайцами; карты не были еще въ такомъ всеобщемъ употребленіи какъ нынѣ. Ихъ жизнь была совершенно праздная, однако же они не скучали, безпрестанно посѣщая другъ друга; пируя вмѣстѣ. „За обѣдомъ и по вечерамъ шли у нихъ растобары о всякой всячинѣ; они шутили не весьма приличнымъ образомъ, подтрунивали другъ надъ другомъ въ глаза и весело выслушивали насмѣшки, въ отсутствіи вступаясь за каждаго, однимъ словомъ, въ образѣ жизни приближались къ низшему сословію. Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съѣзжались вмѣстѣ, то маленькимъ злословіемъ и сплетнями, точно такъ же какъ въ небольшихъ городахъ. Оржевка, будучи ни городъ, ни деревня, имѣла

---

[41]) ?! Изъ пяти сыновей Мартыновой, къ іюлю 1814 г. оставалось только трое, а другіе умерли—Александръ еще юношей, а Николай въ сентябрѣ 1811 г.; что касается до четвертой „невѣсты“ Елизаветы (моей бабушки), ей было только 12 лѣтъ. См. выше.

пріятности и неудобства обоихъ. Не сказываться дома не было возможности, а ежедневнымъ посѣтителямъ конца не бывало. Дѣвицы позволяли себѣ не только привозить съ собою рукодѣлье, но даже заниматься имъ въ присутствіи гостей. Шутихи, дураки, которые были принадлежностью каждаго довольно богатаго дворянина, также много способствовали къ увеселенію особъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Такое житье для человѣка съ просвѣщеннымъ разсудкомъ, конечно, должно было казаться мукою, но у меня его тогда не было, и оно мнѣ полюбилось. Беззаботность, веселое простодушіе этихъ владѣльцевъ, безтрепетность ихъ слугъ, которые смѣло разговаривали съ ними, даже во время обѣда, стоя за ихъ стуломъ, вся эта патріархальность нравовъ дѣйствительно имѣла въ себѣ что то привлекательное. Къ тому же, въ это время, нѣкоторыми изъ сихъ господъ получены были самыя радостныя вѣсти изъ-за границы: ихъ братья и сыновья писали къ нимъ, что вышли живы, здоровы и невредимы изъ кровопролитной войны, получили награды и осенью надѣются ихъ обнять. По сему случаю начались безконечные пиры, и я попался въ самый разгулъ, что мнѣ показалось весьма отрадно. Человѣкъ въ иныя минуты жизни своей совсѣмъ бываетъ не похожъ на себя: а въ эти дни шумъ, смѣхъ, громкіе и неистовые звуки домашнихъ оркестровъ, цыганская пляска съ визгливымъ пѣніемъ горничныхъ дѣвокъ, объяденіе и безпрестанно пѣнящіеся бокалы, могли одни на время заглушить тоску моего сердца. Взятіе Парижа положило начало совсѣмъ у насъ новому (какъ называютъ его) гражданскому развитію, которое мало-по-малу истребило, даже въ провинціяхъ, весь нашъ старинный русскій бытъ, и я здѣсь сотворилъ ему поминку. Проведя нѣсколько дней въ Оржевкѣ совсѣмъ непривычнымъ для меня образомъ, пустился я далѣе»[42]).

Этой же (1814 года) осенью въ семьѣ дѣда совершилось нѣсколько событій: у Ивана Трофимовича 13 сентября родилась дочь Варвара, впослѣдствіи вышедшая замужъ за флота капитана-лейтенанта князя Д. С. Путятина, а 14 октября скончалась Екатерина Фирсовна Слѣпцова Тѣмъ временемъ изъ похода стали возвращаться войска и вскорѣ въ Оржевкѣ появились, ожидаемые еще съ іюля, увѣнчанные лаврами воины, родственники Слѣпцовыхъ, Мартыновыхъ, Сабуровыхъ, князей Вяземскихъ, Чекмаревыхъ, Языковыхъ и другихъ; пиры стали смѣняться пирами и продолжались—какъ, впрочемъ, и во всей Россіи—почти до самой весны, когда были неожиданно прерваны извѣстіемъ о высадкѣ—1 марта 1815 г.—Наполеона на югъ Франціи и вступленіи его, черезъ три недѣли, въ столицу. Въ половинѣ мая русскія войска вторично подходили къ Рейну, послѣ Ватерло заняли Парижъ, а съ 26 по 30 августа на равнинахъ Шампаньи, при Вертю

---

[42]) Записки Ф. Ф. Вигеля, часть III, Москва, 1892, стр. 119—121.

происходилъ тотъ знаменитый смотръ русской арміи, въ которомъ принимало участіе полтораста тысячъ воиновъ съ 540 орудіями [43]).

Въ это время тамбовское общество, вмѣстѣ съ волненіемъ политическимъ, переживало и пожарный терроръ: съ мая 1815 г. пожары въ Тамбовѣ настолько усилились, что въ одномъ мѣсяцѣ было ихъ болѣе тридцати, такъ что новый тамбовскій губернаторъ А. М. Безобразовъ (4 марта принявшій губернію), объявилъ городъ на военномъ положеніи; эти поджоги—какъ позже выяснилось—совершались преимущественно учащейся молодежью, а грабежи—взрослыми подъ общимъ руководительствомъ совѣтника Тамбовской Казенной Палаты Гороховскаго [44]).

Въ іюлѣ разсылалось повсюду увѣдомленіе о предстоящемъ въ Москвѣ благодарственномъ молебствіи [45]) по случаю окончательной побѣды надъ Наполеономъ, и многіе изъ помѣщиковъ—а въ ихъ числѣ и дѣдъ—принимали живое участіе въ оффиціальныхъ торжествахъ. Тогда же, а быть можетъ и, немного ранѣе, губернскимъ предводителемъ И. И. Озноби шинымъ разсылались предназначенныя для тамбовскаго дворянства медали въ память Отечественной войны, на основаніи Высочайшаго манифеста 30 августа, въ которомъ такъ знаменательно были высказаны Государемъ заслуги дворянства; медали эти высылались изъ Правительствующаго Сената, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 15 день апрѣля 1815 г. Положенія Комитета министровъ, а самыя слова манифеста приводились въ циркулярахъ предводителей [46]).

---

[43]) Богдановичъ, Истор. царствов. Александра I, т. V, (1871 г.), стр. 88 и слѣд.; Лажечниковъ, Походн. записки русск. офицера, Спб., 1820 г., стр. 334 и слѣд. См. особенно Михайловскій-Данилевскій, Записки 1814—1815 гг. Изд. 4-е, Спб., 1841, стр. 169—186.

[44]) Къ удивленію слѣдственной комиссіи, открыта была цѣлая организованная шайка поджигателей, во главѣ которой стоялъ коллежскій совѣтникъ М. И. Гороховскій, совѣтникъ Казенной Палаты; онъ составилъ смѣлый планъ къ осуществленію котораго привлекъ массу бѣдной учащейся молодежи. Цѣль его заключалась въ грабежѣ и поджогѣ,—взорвать пороховой погребъ, поджечь винный магазинъ и т. д.; въ шайкѣ его состояло 50 поджигателей, мальчики были сманиваемы мелкими подачками, а взрослые—крупными деньгами, а соблазнителемъ тѣхъ и другихъ былъ семинаристъ Турдаковскій, сынъ священника Знаменской церкви. (Дубасовъ, Очерки изъ ист. Тамбовск. края, выпускъ I (Москва, 1883 г.), стр. 34, 44—45; выпускъ V (Тамбовъ, 1889 г.), стр. 77—78).

[45]) По случаю полученныхъ отъ Государя Императора изъ Парижа Ея Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною 19 числа, чрезъ прибывшаго генералъ-адъютанта князя Трубецкого, пріятнѣйшихъ извѣстій о успѣхахъ оружія союзныхъ войскъ и о занятіи Парижа; а 22 числа, чрезъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, о взятіи въ плѣнъ на островѣ Ре вѣроломнаго Бонапарте, приносимо будетъ въ Успенскомъ соборѣ 1-го числа будущаго августа, въ воскресенье, благодарственное Всемогущему Богу молебствіе, о чемъ чрезъ сіе извѣщается (Увѣдомленіе, разсылавшееся въ іюлѣ 1815 г.).

[46]) Циркуляры эти были составлены такъ: Г. дворянину (такому-то). По благополучномъ, съ помощію Вышняго, окончаніи войны съ французами, благоугодно было

Послѣ кончины Екатерины Фирсовны жизнь дѣда протекала главнымъ образомъ въ Оржевкѣ, среди молодыхъ незамужнихъ сестеръ; онъ писалъ стихи, волочился и какая-то „Варенька"—какъ это видно изъ его стиховъ—приковывала его чувство и вниманіе. Несомнѣнно, что имъ написаны, именно въ этотъ „холостой періодъ" жизни (1811—1825) нижеслѣдующія стихотворенія: „Эпистола Евдокіи" и „Димитрія", по всему вѣроятію въ эпоху 1812—1814 гг, быть можетъ также и „Призракъ", затѣмъ, вѣроятно послѣ 1815 г, посвященіе таинственной Варинькѣ „Карманные часы":

Ахти! часы мои не ровно какъ идутъ!
Коль у Раидѣ я сижу,—такъ отстаютъ,
Когда у Вареньки, такъ слишкомъ ужъ бѣгутъ!

И другое, посвященное всей той же Варинькѣ, стихотвореніе „Открытіе Амура";

Амуръ—плутишка вороватъ,
Близъ женщинъ любитъ хорониться
Какъ самый робкій изъ ребятъ...
(Конечно, онъ мужчинъ боится).
Я былъ у Вареньки въ гостяхъ
Вчера его ту хитрость смѣтилъ:
Онъ у хозяюшки въ глазахъ
Вспорхнулъ и я его замѣтилъ.
Амуръ былъ въ ямкахъ на щекахъ
Когда Варюта улыбалась,
Онъ прятался въ ея власахъ

Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйшему Государю нашему, между многими милостями, дарованными всѣмъ вообще вѣрнымъ его подданнымъ, отличить Россійское благородное дворянство особеннымъ знакомъ Высокомонаршаго своего благоволенія и признательности, которыя изъяснены въ манифестѣ отъ 30 августа 1814 года слѣдующими словами: Благородное дворянство наше, вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ Царю и отечеству, наипаче же нынѣ изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имущества, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на владимірской лентѣ медалію съ тѣмъ самымъ изображеніемъ, каковое находится уже на медали, учрежденной на 1812 годъ. Сію бронзовую, крѣпости духа ихъ сообразную, медаль, да возложатъ на себя отцы или старѣйшины семейства, въ которыхъ, по смерти носившихъ оную, остается она въ сохраненіи у потомковъ ихъ, яко знакъ оказанныхъ въ семъ году предками ихъ незабвенныхъ заслугъ отечеству". Нынѣ же бронзовыя медали доставлены ко мнѣ для украшенія ими дворянства Тамбовской губерніи, почему я исполняя предписаніе Правительствующаго Сената, препровождая при семъ одну таковую медаль къ вашему [illegible] для ношенія на владимірской лентѣ въ петлицѣ, какъ о томъ повелѣно въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества манифестѣ и указѣ, данномъ на имя г. министра юстиціи въ 30 день августа 1814 года. Тамбовскій губернскій предводитель дворянства дѣйств. ст. совѣт. И. Ознобишинъ.

Когда красотка убиралась,
Я нѣжну руку цѣловалъ
Прощаясь съ милою Варютой,
Шалунъ щипать мнѣ губы сталъ
И той же заразилъ минутой, и т. д.

Къ этому же времени должны относиться и „Виновные несчастливцы", переводъ Овиліева „Источника Превращенія", наконецъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ „Вино", въ которомъ упоминается другъ дѣтства его (Иванъ Димитріевичъ Мартыновъ?) и большое автобіографическое стихотвореніе „Про себя".

Въ 1816 г. въ семьѣ Е. П. Мартыновой произошли два брака дочерей ея, будущихъ belle-soeurs дѣда: 11 февраля Варвара Димитріевна вышла за корнета лейбъ-гвардіи Коннаго полка, саратовскаго помѣщика, Николая Степановича Беклемишева, а 22 октября въ Оржевкѣ состоялось вѣнчаніе Анны Димитріевны съ саратовскимъ-же помѣщикомъ Ѳеодоромъ Димитріевичемъ Хвощинскимъ; бабушкѣ моей, будущей супругѣ дѣда, было тогда еще 14 лѣтъ. Въ томъ-же 1816 г. у двоюроднаго брата Алексѣя Трофимовича (сына родной его тетки Анны Ивановны) Платона Степановича Свищова родился въ Оржевкѣ сынъ Николай, котораго крестили Е. П. Мартынова и мой дѣдъ. Свищовъ съ 1813 по 1816 г. служилъ въ Кирсановѣ уѣзднымъ судьею, одно время исправлялъ должность городничаго (въ концѣ 1814 г. назначенъ капитанъ Соболевскій), былъ женатъ на княжнѣ Елиз. Ник. Еникѣевой и владѣлъ въ уѣздѣ небольшимъ помѣстьемъ. Конецъ 1816 и половина 1817 г., кажется, ничѣмъ особеннымъ не ознаменовались для семей Слѣпцовыхъ и Мартыновыхъ и только 10 августа у Хвощинскихъ родилась ихъ единственная дочь Анна Ѳедоровна.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ черезъ Тамбовъ проѣзжалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, совершающій поѣздку по Россіи, а затѣмъ заграницу.

Въ тѣ времена, Тамбовъ, не освѣщенный и не мощенный, осенью утопалъ въ грязи, лѣтомъ задыхался отъ пыли, имѣлъ нѣсколько довольно хорошихъ зданій—преимущественно казенныхъ—но зато не имѣлъ почти никакихъ удобствъ; даже самый театръ, устроенный въ 1815 г. помѣщикомъ Масловымъ, состоялъ изъ простого деревяннаго балагана и стоялъ на площади противъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ теперь Александринскій Институтъ; съ 1812 г. въ городѣ проживалъ одно время грузинскій царевичъ католикосъ Антоній, сосланный за участіе въ возмущеніи на Кавказѣ и въ 1818 г. переведенный въ Нижній Новгородъ [47]). Въ Тамбовѣ, съ 1816 г. имѣлъ пребываніе герой 1812 г., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ графъ Карлъ

[47]) Дубасовъ, Очерки, т. I, стр. 35 и 115; т. III, стр. 146.

Осиповичъ Ламбертъ, командиръ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, состоявшаго изъ 2-й драгунской дивизіи—Казанскій, Рижскій, Тверской и Финляндскій полки—и 2-й конноегерской дивизіи—Переяславскій, Лифляндскій, Арзамасскій и Тираспольскій полки [48]).

Въ 1817 г. при корпусной квартирѣ сформированъ былъ Учебный эскадронъ, гдѣ подъ руководствомъ бригаднаго командира, генералъ-майора Н. М. Безобразова (вѣроятно родного брата тамбовскаго губернатора), отличнаго ѣздока и охотника, стали образовываться и люди и лошади и ему кавалерія обязана первыми манежными познаніями [49]).

До 1822 г. часть полковъ стояла въ Тамбовѣ и уѣздахъ и между прочимъ Лифляндскій конноегерскій короля Виртембергскаго полкъ, которымъ въ то время командовалъ полковникъ Лошкаревъ [50]), стоялъ сначала въ Тамбовѣ (или Козловѣ?), а потомъ, кажется, перешелъ въ Кирсановскій уѣздъ. Въ этомъ полку служилъ тогда полковникъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Константинъ Петровичъ Сухтеленъ, въ 1822 г. получившій въ командованіе Московскій драгунскій полкъ; родной братъ, его Павелъ Петровичъ, женатый на графинѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Зубовой, былъ тогда начальникъ 1-й бригады 2-й гусарской дивизіи (Павлоградскіе и Изюмскіе гусары), стоявшей въ Касимовѣ и Елатьмѣ. Во время пребыванія (съ 3 по 6 сентября) въ Тамбовѣ великаго князя, онъ случайно, по дѣламъ службы или можетъ быть для свиданія съ братомъ, Константиномъ Петровичемъ, былъ въ Тамбовѣ и въ своемъ письмѣ (отъ 8 сентября) къ своему отцу—послу при Шведскомъ дворѣ—описываетъ это событіе. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ въ Тамбовъ 3 сентября прямо изъ Пензы, направляясь на Воронежъ и югъ, былъ встрѣченъ въ соборѣ духовенствомъ, дворянствомъ, военной и гражданской властью; 4 сентября былъ парадъ, смотръ войскъ, и роскошный завтракъ устроенный купечествомъ, а вечеромъ былъ раутъ у корпуснаго командира графа Ламбертъ; на слѣдующій день, 5 сентября, въ день тезоименитства государыни Елизаветы Алексѣевны было молебствіе, парадъ, смотръ войскъ и обѣдъ (у губернатора Безобразова?); вечеромъ былъ большой балъ, устроенный тамбовскимъ дворянствомъ въ своемъ собраніи, которое было великолѣпно освѣщено. Великій

---

[48]) Въ 1817 г. послѣдовало новое расписаніе кавалеріи по корпусамъ и повелѣно: при первыхъ трехъ пѣхотныхъ корпусахъ состоять по одной гусарской дивизіи, а при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ одна драгунская дивизія; кромѣ того въ 1-й арміи состоять пяти резервнымъ кавалерійскимъ корпусамъ: три въ прежнемъ составѣ (съ 1814 г.), а 4-й и 5-й въ составѣ одной драгунской и одной конно-егерской дивизій, каждый (Ивановъ, Составъ русск. кавалеріи, стр. 216).

[49]) См. Ивановъ, op. cit., стр. 222.

[50]) Одинъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ арміи, какъ выражается про него Сухтеленъ въ письмѣ отъ 8 сентября 1817 г., приведенномъ въ Приложеніи IV.

князь посѣтилъ богадѣльни и страннопріемные дома, монастыри, тюрьму и кадетскій корпусъ, который—по выраженію Сухтелена—замѣчателенъ по красотѣ своей архитектуры и тѣмъ еще, что юношество получаетъ въ немъ хорошее образованіе; по собственному почину дворянство основало корпусъ, содержитъ его на свои средства и къ тому времени въ немъ находилось 80 кадетъ, не считая интернатовъ. Генералъ-лейтенантъ Паскевичъ, генералъ-маіоръ Алединскій (?), статскій совѣтникъ Глинка были въ свитѣ великаго князя, выѣхавшаго 6 сентября въ Воронежъ; туда его сопровождалъ Бенкендорфъ, котораго дивизія была расположена по пути [51]).

Для встрѣчи великаго князя и участія на балѣ 5 сентября съѣхалось въ Тамбовъ много дворянъ, въ числѣ которыхъ были А. Т. Слѣпцовъ, Мартыновы и Сабуровы. Другое же подобное событіе произошло въ маѣ 1818 года: государь, возвращаясь изъ Крыма въ Москву для встрѣчи короля Прусскаго, по тракту черезъ Маріуполь, Новочеркасскъ, Воронежъ и Рязань, проѣхалъ въ концѣ мая черезъ Тамбовскую губернію, черезъ Усмань и Козловъ и навстрѣчу ему выѣзжалъ губернаторъ Безобразовъ и военная власть, но дворянство не успѣло съѣхаться.

Оржевка той эпохи не имѣла ничего схожаго съ тѣмъ кулаческимъ селомъ, какимъ является она въ настоящее время, когда тамъ не осталось почти ни одного барина, а живутъ одни торгаши; Оржевка была окружена въ тѣ времена сплошнымъ лѣсомъ, который подходилъ къ ней съ востока, сѣвера и запада, оставляя только одну южную сторону открытой, насчитывала цѣлый рядъ господскихъ усадьбъ, окруженныхъ службами, и почти совсѣмъ не имѣла тѣхъ безконечныхъ мужичьихъ избъ, которыя въ настоящее время вытянулись на нѣсколько верстъ вдоль рѣки. При самомъ выѣздѣ изъ Кирсановскаго лѣса, съ сѣверной стороны, возвышался вправо отъ дороги большой каменный мрачной архитектуры домъ Нарышкиныхъ; далѣе, въ сосѣдствѣ, расположены были постройки Ивана Трофимовича Слѣпцова, а еще далѣе, въ недалекомъ разстояніи, слѣдовала родовая усадьба Мартыновыхъ—большой, съ мезониномъ, домъ со службами, окруженный громаднымъ вѣковымъ паркомъ. Лѣсъ же тянулся по всей западной сторонѣ, за Нарышкинскими службами, пересѣкалъ Слѣпцовскую и Мартыновскую усадьбы, и шелъ далѣе, сворачивая на Хилково, гдѣ было помѣстье Ивана Димитріевича Мартынова; съ востока лѣсъ подходилъ къ самой рѣчкѣ, на берегу которой находилась родовая усадьба Слѣпцовыхъ, обширный домъ съ садомъ и длинной, на полверсты тянущейся на сѣверъ, прямой аллеей отъ террасы дома ведущей къ южнымъ дверямъ Успенской церкви; вдали, на опушкѣ лѣса стояла Нарышкинская церковь во имя Троицы, а

[51]) См. въ Приложеніи IV письмо Павла Петровича Сухтеленъ своему отцу отъ 8 сентября 1817 г. изъ Касимова.

между этими главными усадьбами были расположены дома Войновыхъ, Полибиныхъ и Сабуровыхъ. Усадьба и домъ Тишенинова, большого меломана и театрала, у котораго былъ превосходный „крѣпостной“ балетъ, находились южнѣе Слѣпцовскаго дома, гдѣ жилъ дѣдъ; недалеко отъ Тишенинова, еще южнѣе, была небольшая усадьба капитана Шпикулова. Князья Вяземскіе, Чекмаревы, Языковы и другіе жили по сосѣдству, въ нѣсколькихъ верстахъ, а окружающія земли, лѣса и пашни принадлежали оржевскимъ помѣщикамъ. Такое случайное сосредоточеніе ихъ въ одномъ мѣстѣ, какъ уже ранѣе замѣтилъ Вигель, невольно дѣлало ихъ деревенскую жизнь весьма разнообразной и веселой: лѣтомъ это были верховыя прогулки, пикники въ лѣса съ цѣлымъ караваномъ провизіи и винъ, въ Семицкую недѣлю веселая молодежь отправлялась въ рощи завивать вѣнки изъ березъ и бросала ихъ съ наговорами въ воду, осенью „по чернотропу“ снаряжались цѣлые охотничіе эскадроны ловчихъ и стремянныхъ, борзятниковъ и доѣзжачихъ, называющихъ гончихъ на слѣдъ звѣря, зимою задавались настоящіе балы съ своими оркестрами, ставились театральныя, преимущественно балетныя, представленія съ участіемъ своихъ собственныхъ актеровъ, на святкахъ всѣ съ увлеченіемъ выливали воскъ, свинецъ, гадали на зеркалахъ, послѣ обѣда устраивались катанья и молодежь размѣстившись въ сани, въ розвальни, кто на тройкѣ, кто на парѣ, кто на облучкѣ, кто на запяткахъ, съ хохотомъ, шутками и искреннимъ весельемъ мчались по снѣгамъ, обгоняя другъ друга, а возвратясь разрумяненные домой, выдумывали разныя веселыя игры—колечко, почта, цвѣты, наборъ, туалетъ и т. д., или же открывали неожиданно домашній балъ подъ звуки стариннаго спинета, а старики садились за бостонъ. Такъ проводили время въ Оржевкѣ и жизнь дѣда, его холостаго—до 1825 г.—періода, охарактеризована его автобіографическимъ стихотвореніемъ „Про себя“, въ которомъ онъ описываетъ свое времяпрепровожденіе, вечера съ друзьями, ухаживаніе за таинственной „Варенькой“ и проч.

Коль царь на брань пошлетъ—сражаюсь,
Съ большимъ вельможею не знаюсь,
Каретъ, столовъ не завожу,—
Одѣтъ всегда обыкновенно,
Тщеславье вижу отдаленно
И ночь въ игрѣ не провожу...

Говоритъ онъ, и прибавляетъ:

Я льстить вельможѣ не умѣю
И глупости той не имѣю
Чтобы льстецовъ себѣ искать
Не слѣдую во нравахъ модѣ
Живу и тѣшусь я въ народѣ,
Себѣ чтобъ послѣ не пенять.

Иногда онъ любилъ потанцовать, а временами и поухаживать за „Варенькой“:

Люблю и я подъ часъ на балѣ
Число пріѣзжихъ умножать
И тамъ въ огромной свѣтлой залѣ
Кадриля два протанцовать
Люблю я временемъ, въ день ясный
Съ прогулки къ Варинькѣ зайдти
И въ сей красавицѣ опасной
Любезность ловкую найдти.

Зимою особенно онъ любилъ вечера съ друзьями, которымъ читалъ свои произведенія и выслушивалъ ихъ мнѣнія:

Люблю я вечера зимою
Съ друзьями дома проводить
Гдѣ всякъ съ свободною душою
Что хочетъ можетъ говорить;
Пьемъ съ ромомъ чай, когда захочемъ,
Читаемъ, рѣзвимся, хохочемъ,
Потомъ садимся мы за столъ:
У насъ безъ вычуръ вкусный ужинъ,
Французъ на кухнѣ намъ не нуженъ
И вечеръ такъ какъ мигъ прошелъ, и т. д.

Вѣроятно, къ этой же загадочной „Варинькѣ“ относится и французская шутка дѣда той же эпохи:

Vous me donnates espoir
De me recevoir
Ce soir
Dans votre reposoir... и т. д.

Въ Москву дѣдъ ѣздилъ довольно рѣдко, а въ Тамбовъ иногда и часто, проѣзжая черезъ дремучій въ тѣ времена Цнинскій лѣсъ, какъ и самъ онъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи „Призракъ“:

..... въ осенней часъ мятели
Шумитъ дремучій Цнинскій лѣсъ.

Къ своей сестрѣ Никифоровой въ Темниковскій уѣздъ дѣдъ ѣздилъ довольно часто и дорога шла изъ Оржевки на Керенскъ, Спасскъ, черезъ мордовскія села мокши и эрзи, въ Темниковъ, оттуда прямо въ село Бутаково; почти по всему пути тянулись дремучіе лѣса, во многихъ мѣстахъ встрѣчались непроходимыя дебри, а въ нѣкоторыхъ было и небезопасно, такъ что кое-гдѣ выставлялись пикеты для охраны обозовъ и путниковъ. Старшая сестра дѣда, Надежда Трофимовна, въ замужествѣ за Александромъ Ивановичемъ Никифоровымъ, темниковскимъ предводителемъ дворянства (см. выше стр. 17) жила съ мужемъ до переѣзда ихъ въ Москву въ родовомъ гнѣздѣ Никифоровыхъ, селѣ Бутаковѣ, въ 30—35 вер. отъ Темникова,

расположенномъ на дорогѣ изъ Воронежа въ Нижній Новгородъ, близъ р. Мокши; въ селѣ находилась обширная барская усадьба, остатки древняго татарскаго городища, камни съ куфическими надписями, которые еще въ эпоху путешествія, въ 30-хъ годахъ, Печерскаго существовали и описаны имъ въ его „Путевыхъ замѣткахъ". Вблизи Бутакова, верстахъ въ 12, находился чугунно-плавильный и литейный заводъ Баташева, сына тульскаго заводчика; единственная его внучка вышла замужъ за генералъ-лейтенанта Л. Д. Шепелева, которому и достались заводы послѣ смерти (въ январѣ 1821 г.) ея дѣда [52]).

Мордва мокша Темниковскаго уѣзда.

За нѣсколько лѣтъ до этой эпохи, только что кончилась тяжба Баташева съ потомками Фрола Богдановича Слѣпцова, продолжавшаяся болѣе двадцати лѣтъ: въ концѣ XVIII вѣка Прасковія Богдановна Моисеева, рожденная Слѣпцова (дочь Богдана Мелентьевича, внучка Мелентія Фроловича и правнучка Фрола Богдановича) продала Андрею Родіоновичу Баташеву доставшійся ей отъ прадѣда ея Фрола Слѣпцова принадлежащій къ д. Ивановской (Темниковскаго уѣзда) за р. Еремшею хоромной и дровяной поверстный (который мѣрился верстами) лѣсъ, весь, не оставивъ за собой ничего [53]); тому же Баташеву продала она доставшееся ей послѣ дѣда ея Мелентія Слѣп-

---

[52]) См. подробности въ статьѣ Свиньина „Заводы бывшіе Баташева" въ Отечествен. Запискахъ, 1826 г., №№ 72, 73 и 74.

[53]) Во владѣніи Фрола Богдановича Слѣпцова по писцовымъ книгамъ Шацкаго уѣзда 153—169 годовъ (1647—1661 г.) значился между прочимъ и „лѣсъ хоромной и дровяной за рѣкою зв Еремшою по красную сосну и за красную сосну на двадцать верстъ", что выходило 41,666 десятинъ 1600 саж. (См. Дѣло Тамб. Историч. Архива № 2866, стр. 270 обор.).

пова имѣніе Кадомскаго уѣзда, находившееся въ общемъ владѣніи ея, сына ея, родныхъ племянниковъ ея князей Андрея и Александра Ивановичей Енгалычевыхъ (сыновей сестры ея, княгини Прасковіи Богдановны Енгалычевой, рожденной Слѣпцовой) и двоюродныхъ ея племянниковъ Трофима и Александра Ивановичей Слѣпцовыхъ (сыновей Ивана Трофимовича, внуковъ Трофима Мелентьевича и правнуковъ Мелентія Фроловича). Дѣло о продажѣ тянулось болѣе 20 лѣтъ: Баташевъ доказывалъ свои права на поверстный лѣсъ, а племянники и внуки Моисеевой, въ томъ числѣ Никифоровы, оспари-

Мордва эрзя Темниковскаго уѣзда.

вали эти права [54]); наконецъ все дѣло кончилось въ 1806 или 1807, въ то самое время когда Трофимъ Ивановичъ уже умеръ, сынъ его Алексѣй Трофимовичъ и князь Иванъ Александровичъ Енгалычевъ (внукъ Слѣпцовой) были еще на службѣ и такимъ образомъ не могло быть съ ихъ стороны протеста.

[54]) Норцовъ, „Матеріалы для исторіи родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“, часть I, стр. 200; часть II, стр. 219.

Въ послѣдніе годы своей жизни А. И. Никифоровъ съ семьей переѣхалъ въ Москву, гдѣ купилъ на Остоженкѣ домъ и, кажется, въ этомъ играло не послѣднюю роль столкновеніе его съ адмираломъ Ѳеод. Ѳеод. Ушаковымъ, († 1817), героемъ Синопа, Гаджибея, Калакріи и Корфу; въ 1807 г. адмиралъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ свое имѣніе, расположенное въ трехъ верстахъ отъ Темникова; въ 1813 или 1816 г., во время дворянскихъ выборовъ, произошла какая-то ссора между нимъ и А. И. Никифоровымъ, въ кото-

Костюмъ с. Бутакова Темниковскаго уѣзда.

рой принималъ также участіе и cousin Алексѣя Трофимовича, князь Ив. Алекс. Енгалычевъ, съ 1808 г. жившій въ своемъ темниковскомъ помѣстьѣ [55]).

Пока Никифоровы жили въ Бутаковѣ, А. Т. вмѣстѣ съ сестрами довольно часто гостили у нихъ и неоднократно посѣщали въ 40 вер-

[55]) Д. И. Никифоровъ, Воспоминанія изъ временъ императора Николая I, М., 1903, стр. 6—7.

стахъ отъ Бутакова находящуюся знаменитую Саровскую обитель, вблизи которой въ дремучемъ лѣсу подвизались въ то время пустынники, прославившіе Саровъ по всей Россіи. Осенью 1818 г. командиръ гусарской бригады, баронъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Лифляндскимъ коннымъ егеремъ Константиномъ (см. выше, стр. 44), былъ на смотру 2-й бригады, произведенномъ начальникомъ дивизіи, княземъ Голицынымъ, который остался особенно доволенъ елизаветградцами [56]). Послѣ смотра оба Сухтелена проводили князя Голицына въ Саровъ, а затѣмъ, пріѣхавъ въ Темниковъ, Павелъ уѣхалъ въ Елатьму, останавливаясь по пути въ Бутаковѣ, а Константинъ вернулся въ свой полкъ, въ Кирсановскій уѣздъ. Въ письмѣ обоихъ братьевъ отъ 30 сентября (1818) изъ Темникова ихъ отцу, послу въ Стокгольмѣ, сохранилось описаніе монастыря и свиданія ихъ съ однимъ изъ старцевъ обители. Сказавъ нѣсколько словъ про историческое прошлое монастыря, и замѣтивъ, что пещеры тѣсны и сыры, жизнь тяжела и строга, невѣжество монаховъ поразительно, а столъ ихъ ужасенъ, П. П. Сухтеленъ пишетъ дальше, что среди этихъ набожныхъ иноковъ есть одинъ, въ теченіе 26 лѣтъ пребывающій въ молчаніи и затворѣ, совершенно отрекшійся отъ міра земного; въ день проѣзда Голицына онъ пріобщался, а затѣмъ благословлялъ народъ, и почтенный видъ этого старца, или вѣрнѣе святого, произвелъ на Сухтелена сильное впечатлѣніе: прекрасное лицо, бѣлые волосы и что-то лучезарное въ чертахъ его, отпечатокъ душевнаго міра; говорятъ, что такая жизнь есть исключительно слѣдствіе его призванія и самаго чистаго благочестія [57]).

Послѣ свиданія съ братомъ, К. П. Сухтеленъ вернулся обратно въ свой конно-егерскій короля Виртембергскаго полкъ, расположенный на квартирахъ въ Кирсановѣ и Оржевкѣ; командиромъ въ то время былъ полковникъ Лошкаревъ, о которомъ П. П. Сухтеленъ съ своемъ письмѣ къ отцу далъ такой прекрасный отзывъ (см. стр. 44). Зимой

---

[56]) 2-я гусарская дивизія, подъ начальствомъ князя Голицына, въ то время состояла: 1-я бригада, подъ командой барона Сухтелена,—Павлоградскій полкъ стоялъ въ Елатьмѣ и Изюмскій въ Касимовѣ; съ 1817 г. павлоградцами командовалъ баронъ Ѳ. П. Оффенбергъ I, бывшій эскадронный командиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка; 2-я бригада—Елизаветградскій полкъ, командиромъ котораго былъ полковникъ Розенъ, и Иркутскій полкъ; оба эти полка были расположены гдѣ-то въ Нижегородской губерніи, вблизи тамбовскихъ границъ.

[57]) См. въ Приложеніи IV письмо отъ 30 сентября 1818 г. изъ Темникова; тамъ же и приписка К. П. Сухтелена о старцѣ и Елизаветградскихъ гусарахъ. Довольно трудно опредѣлить кого именно изъ старцевъ подразумѣвалъ П. П. въ своемъ письмѣ. Не преподобнаго ли Серафима слѣдуетъ предполагать въ этомъ старцѣ, тѣмъ болѣе что и лѣта затвора приблизительно подходятъ? онъ постригся въ 1786 г., іеродіаконъ 1787, іеромонахъ 1793, въ 1794 г. удаляется въ пустынь, въ 1808 г. молчальникъ, въ 1808 г. затворникъ, въ 1816 г. вышелъ изъ затвора. (См. Общежит. Саровская пустынь, 4 изд., М., 1884, сказаніе о Серафимѣ, стр. 72; Житіе старца Серафима, 3 изд., М., 1884, стр. 33, 75).

одинъ изъ конноегерскихъ офицеровъ, поручикъ Андрей Павловичъ Кулябко [58]) сдѣлалъ предложеніе Маріи Трофимовнѣ Слѣпцовой и весной—20 апрѣля 1819 г.—въ фамильной церкви Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ, въ Оржевкѣ, состоялся ихъ бракъ; 28 іюля того же года Константинъ Петровичъ Сухтеленъ женился на Елизаветѣ Яковлевнѣ Ланской, дочери моршанскаго помѣщика Я. Д. Ланского и княжны П. Н. Долгорукой, и свадьба была въ с. Кашмѣ-Никольское, Моршанскаго уѣзда. Тою же зимой, на дворянскихъ выборахъ въ Тамбовѣ, былъ избранъ въ Кирсановскіе предводители Борисъ Димитріевичъ Хвощинскій, братъ Ѳеодора Димитріевича (женатаго на А. Д. Мартыновой) и двѣ дочери его—Софія Борисовна (впослѣдствіи за А. Н. Бологовскимъ) и Екатерина Борисовна (позже за Н. В. Чичеринымъ), были тогда еще совсѣми дѣтьми; мѣстное дворянство и конные егеря всю зиму веселились, волочились, охотились, танцовали экосезъ, попури, котильонъ, отплясывали молоденки мазурку и отъ общаго веселья, разумѣется, не отставали ни А. Т. Слѣпцовъ, ни друзья его Мартыновы.

Конные егеря въ это время уже готовились къ царскому смотру и маневрамъ, происходившимъ въ іюлѣ 1820 г. подъ Козловомъ, куда собрался весь 5-й резервный кавалерійскій корпусъ, въ которомъ были и рижскіе драгуны, мундиръ коихъ впервые носилъ дѣдъ, и четыре артиллерійскія роты № 23-го, 24-го, 25-го и 26-го. Въ Козловъ государь пріѣхалъ утромъ 20-го іюля и остановился въ домѣ купца Воронова: его сопровождали генералы-адъютанты: князь Волконскій, князь Меншиковъ, Ожаровскій, Уваровъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Горчаковъ, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, флигель-адъютанты Соломко и Мансуровъ 3-й и лейбъ-медикъ Вилье. При въѣздѣ на квартиру государя встрѣтили: главнокомандующій 1-й арміей, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Сакенъ, генералъ-губернаторъ Балашовъ, князь Яшвиль, генералъ-адъютантъ Дибичъ, генералъ-маіоръ Мезенцовъ и весь генералитетъ 5-го резервнаго корпуса, т. е. корпусный командиръ, генералъ-адъютантъ графъ Ламбертъ, начальникъ драгунской дивизіи генералъ-маіоръ Ридигеръ и бригадные командиры той-же дивизіи, генералы-маіоры Ефимовичъ и Деляновъ, начальникъ конноегерской дивизіи генералъ-лейтенантъ графъ Паленъ 2-й и бригадные конноегерскіе командиры генералы-маіоры Репнинской и Томиловской, наконецъ начальникъ артиллеріи корпуса полковникъ Бракенъ. На другой день, 21 іюля, государь производилъ смотръ полкамъ и артиллерійскимъ ротамъ корпуса, расположеннымъ на долинахъ близъ города. По возвращеніи со смотра на квартиру государю представлялось дворянство и нѣкоторые изъ высшихъ чиновниковъ; въ

---

[58]) Изъ дворянскаго рода Кулябко, къ которому принадлежалъ извѣстный архіепископъ „С.-Петербургскій и Ревельскій“ Сильвестръ Кулябко (1700—1761).

8 час. вечера государь посѣтилъ балъ, данный въ галлереѣ тамбовскимъ дворянствомъ; противъ галлереи горѣла прозрачная картина, а весь городъ былъ иллюминованъ. На другой день, 22-го іюля, происходили маневры и генералъ-лейтенантъ Д. Б. Броневскій оставилъ довольно подробное описаніе смотра и маневровъ; нижніе чины были одѣты щеголевато въ англійское сукно, пожалованное тогда арміи государемъ, но объ учебныхъ маневрахъ войска не имѣли понятія, такъ что составить маневры было поручено полковнику князю Горчакову (впослѣдствіи, въ 1858 г., главнокомандующему), который разставилъ по полю жалонеровъ и въ подробнѣйшемъ описаніи показалъ движенія не только полковыхъ и бригадныхъ колоннъ, но даже дивизіоновъ; при этомъ Броневскій вспоминаетъ бывшій тогда въ большой модѣ укороченный аллюръ кавалеріи: галопъ былъ такой короткій, что на церемоніальномъ маршѣ конная артиллерія постоянно врѣзывалась въ задній эскадронъ. На смотръ и на маневры съѣхалось много помѣщиковъ, были и оржевскіе—дѣдъ мой, Мартыновы и Сабуровы,—а стеченіе публики было такъ велико, что многіе останавливались по сосѣднимъ деревнямъ, не находя пристанища въ городѣ. Послѣ завтрака, даннаго военными въ галлереѣ, устроенной внѣ города, государь выѣхалъ въ тотъ же день на Липецкъ и далѣе. По всему вѣроятію, по дорогѣ изъ Липецка, былъ еще смотръ, потому что у Иванова упоминается высочайшій смотръ 1 августа, гдѣ участвовалъ Павлоградскій гусарскій полкъ и особенно отличился: пропуская полкъ съ права по одному съ перемѣною аллюра, государь сказалъ командиру павлоградцевъ, барону Оффенбергу I: „ты мнѣ представилъ семьсотъ берейторовъ“ [59]).

У Беклемишевыхъ 22 іюля родился сынъ Михаилъ, и Елизавета Петровна Мартынова поѣхала съ своими двумя дочерьми къ нимъ, въ саратовское имѣніе. Около этого же времени въ Москвѣ заболѣлъ горячкой А. И. Никифоровъ, скончался и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ; опекуномъ надъ малолѣтними дѣтьми (Иваномъ, Николаемъ и Наталіею) былъ назначенъ дядя ихъ, а мой дѣдъ; что же касается Надежды Трофимовны, то она со смерти мужа предалась совершенно аскетизму, жила среди монахинь и духовенства, построила церковь надъ воротами Арзамасскаго монастыря и тамъ же скончалась, принявъ тайный постригъ [60]).

По возвращеніи съ маневровъ на свои старыя квартиры, коннымъ егерямъ короля Виртембергскаго пришлось вскорѣ снова повеселиться во главѣ съ своимъ командиромъ Лошкаревымъ: осенью 1820 г., въ имѣніи генерала В. А. Недоброво, Васильевкѣ, отдѣленномъ отъ

[59]) „Русскій Инвалидъ“ 1858 г., №№ 76 и 152; Ивановъ, Обозрѣніе состава и устройства регулярн. русск. кавалеріи, Спб., 1864, стр. 225 и 227; Тамбовск. Епархіальн. Вѣдомости 1878 г., часть неоффиціальная, № 5 (мартъ), стр. 134—137.

[60]) Никифоровъ, Воспоминанія, стр. 9.

Ершова однимъ лѣсомъ, произошла помоловка полкового адъютанта съ дѣвицей Бѣляевой, и къ этому же дню пріѣхалъ ея братъ, А. П. Бѣляевъ, морякъ, впослѣдствіи извѣстный декабристъ. Въ это же время изъ Петербурга пріѣзжалъ поэтъ Боратынскій и впервые видѣлся съ дѣдомъ; кажется, между ними возникло даже небольшая переписка, какъ я слышалъ отъ родныхъ, но я никогда не видѣлъ этой переписки и не могу ничего сказать утвердительнаго [61]).

Вскорѣ, въ 1822 г., баронъ Петръ Корнильевичъ Сухтеленъ, посолъ въ Стокгольмѣ, былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское великаго княжества Финляндскаго достоинство, второй сынъ его Константинъ въ томъ же году получилъ въ командованіе Московскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ Павлоградѣ. Конные егеря короля Виртембергскаго устроили графу Сухтелену и женѣ его товарищескіе проводы и многіе изъ кирсановскихъ помѣщиковъ, а оржевскіе всѣ, принимали въ этомъ участіе. На слѣдующій, 1823-й, годъ конные егеря ушли подъ Орелъ, гдѣ 4—7 сентября происходилъ высочайшій смотръ войскъ,—собраннымъ 5-му резервному кавалерійскому корпусу графа Ламберта—драгунамъ и конно-егерямъ, 2-му такому же корпусу генерала-лейтенанта Дуки, въ которомъбылъ и родной полкъ дѣда, кирасиры Военнаго Ордена, и другимъ частямъ войскъ, всего въ числѣ 43000 человѣкъ [62]).

Въ этомъ же 1823 году, тетка Мартыновыхъ, знаменитая игумена Дорооея окончила совсѣмъ соборный храмъ въ своемъ монастырѣ, котораго вообще устройство стоило болѣе 200 тысячъ руб., изъ нихъ 160000 были пріобрѣтены трудами и усердіемъ игумени [63]).

---

[61]) Съ пріѣздомъ моимъ совпала помоловка моей сестры съ полковымъ адъютантомъ конно-егерскаго короля Виртембергскаго полка, поручикомъ Ж., который былъ страстно въ нее влюбленъ. Помоловка происходила въ домѣ генерала Василія Александровича Недоброво, бывшаго командира лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка которому Павелъ I подарилъ 1000 душъ въ Кирсановскомъ уѣздѣ. Въ имѣніи у него былъ большой барскій домъ, огромный садъ, прекрасная каменная церковь, знаменитый конскій заводъ и множество различныхъ флигелей и другихъ помѣщеній, такъ что Васильевка представляла истинную барскую усадьбу. . . Въ день помоловки сестры и моего пріѣзда, случилось много гостей: командиръ Лошкаревъ и нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ изъ его полка, который стоялъ въ Кирсановѣ, и еще много сосѣдей помѣщиковъ . . . Иногда ѣзжали къ сосѣдямъ дружески знакомымъ, между которыми были Хвощинскіе, Боратынскіе, жившіе недалеко отъ Васильевки. Поэтъ Е. А. Боратынскій въ этотъ годъ тоже пріѣзжалъ изъ Петербурга" (Бѣляевъ, Воспоминанія декабриста, Спб., 1882, стр. 77—78, 81).

[62]) Богдановичъ, Ист. царствованія Александра I, т. VI, Спб, 1871 г., стр. 364—366. Составъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса: 3-я кирасирская дивизія—Военнаго Ордена, Стародубовскій, Малороссійскій и Новгородскій полки; 5-я (впослѣдствіи 3-я) уланская дивизія—Украинскій, Новоархангельскій, Новомиргородскій и Елисаветградскій полки.

[63]) Мат. для ист. родовъ Мартын. и Слѣпцов., ч. I, стр. 30—31; Нижегородск. Крестовоздвиж. м-рь Соловьева, Н.-Новгор., 1887 г., стр. 11—15.

Этотъ же годъ ознаменовался для Оржевки необычайнымъ происшествіемъ—появленіемъ чудотворной иконы у, такъ называемаго, Варваринскаго колодца, въ трехъ верстахъ отъ Оржевки и грандіознымъ скандаломъ, въ которомъ принималъ дѣятельное, но скверное, участіе мѣстный причтъ [64]).

Въ августѣ 1824 г. въ Тамбовѣ было большое торжество, въ которомъ принялъ самое живое участіе и дѣдъ мой, вмѣстѣ со всѣмъ тамбовскимъ дворянствомъ: 26 августа Тамбовъ проѣзжалъ Императоръ Александръ I, а 27-го дворянство дало въ честь государя блестящій балъ, собравъ заранѣе 200000 рублей [65]).

Наступилъ 1825 годъ, который долженъ былъ имѣть такое большое значеніе въ жизни дѣда. Въ самомъ началѣ его состоялся бракъ родного брата Любови Александровны Слѣпцовой, офицера лейбъ-

---

[64]) Въ бумагахъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи сохранилась нижеслѣдующая выпись, сдѣланная рукою извѣстнаго историка Тамбовскаго края Ив. Ив. Дубасова: „Въ 1823 году, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, на одномъ изъ полей села Большой (?) Оржевки сталъ собираться большими массами простой народъ. Собранія эти происходили главнымъ образомъ по ночамъ. Поводомъ къ составленію этихъ странныхъ простонародныхъ сборищъ послужило явленіе будто бы чудотворнаго колодца. Въ скоромъ времени около колодца была выстроена часовня, въ часовнѣ появились иконы, разукрашенныя разными приношеніями усердныхъ богомольцевъ, напр. шитыми полотенцами. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ дошелъ слухъ до Тамбовскаго епархіальнаго начальства, до епископа Ѳеофилакта. И вотъ духовная власть, нисколько не вникая въ сущность событія и не прилагая къ дѣлу своего нравственнаго вліянія, отнеслась къ Гражданскому Суду, передавая ему всецѣло на разныя мытарства суевѣрныя дѣянія невѣжественнаго, но чего-то жаждущаго народа. А между тѣмъ мѣстный сельскій причтъ, чуя, что простонародныя сборища около мнимо святого колодца отзываются уголовщиною, поступилъ слѣдующимъ образомъ. Разъ въ полночь, когда около св. колодца собрался народъ, послышался звонъ колокольчиковъ. Ближе и ближе... Около народа остановились три тройки. Съ телѣгъ слѣзли священникъ села Большой (?) Оржевки, діаконъ, дьячекъ и пономарь. Всѣ они были пьяны, совершенно (не?) проникнуты сознаніемъ своего оффиціальнаго значенія въ данномъ случаѣ и потому ругались. Чтобы сильнѣе напугать народъ, пожилой сельскій пастырь, о. Алексѣй Архиповъ, началъ стрѣлять въ народъ изъ пистолета, конечно, холостыми зарядами. А діаконъ съ причтомъ, между тѣмъ, началъ обшаривать часовню и всю ее обобралъ. Народъ, смущенный такимъ неожиданнымъ и воинственнымъ наѣздомъ, тронулся по домамъ. Возникло дѣло, тянувшееся почти три года. Главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ Кирсановскій Нижній Земскій Судъ, точнѣе—кирсановскій исправникъ, какой-то отставной маіоръ. Были безконечныя прижимки, вымогательства. Долго бы еще тянулось дѣло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вѣроятно, любезное кирсановскому исправнику, если бы не Всемилостивѣйшій манифестъ 1826 г. Дѣло было прекращено, сдано въ архивъ и записано подъ № 203. Ив. И. Дубасовъ“.—Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время, вблизи этого святого колодца, выстроенъ съ 1890 г. Александро-Невскій мужской монастырь, а внизу, въ оврагѣ по южной сторонѣ, находится родникъ Великомученицы Варвары, чтимый мѣстнымъ населеніемъ, подъ родникомъ устроена деревянная часовня для совершенія молебновъ. (См. Андріевскаго Историко-Статистич. Описаніе Тамбовской епархіи, Тамбовъ, 1911 г., стр. 847—849).

[65]) Извѣстія Тамб. Учен. Арх. Ком., вып. XXIII, стр. 75.

гвардіи Волынскаго полка, Ивана Александровича Малевинскаго съ дочерью В. Ѳ Недоброво—Надеждой Васильевной, и по случаю этого семейнаго торжества въ Васильевкѣ, у генерала, были постоянно сосѣди и сплошныя удовольствія, танцы и проч. [66]).

Съ самого дѣтства, привыкнувши къ семьѣ покойнаго Д. М. Мартынова, съ которымъ былъ такъ друженъ его отецъ, дѣдъ мой всѣмъ сердцемъ привязался къ младшей дочери Елизаветы Петровны и въ концѣ января этого же года просилъ у нея руки Елизаветы Димитріевны. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ бумагъ и портретовъ семейнаго архива, у меня хранится рисунокъ карандашомъ, сдѣланный бабушкой Е. Д-вной, и изображающій Мадонну со сложенными на молитву руками и съ покрытою наклоненною головою; этотъ рисунокъ былъ сдѣланъ невѣстой для своего жениха, вѣроятно, во второй половинѣ февраля, потому что стихотвореніе А. Т. подъ названіемъ „Пѣсня“, въ которомъ говорится про этотъ рисунокъ, помѣченъ 22 февраля 1825 г.:

Кто эта юна нѣжна дѣвица
Легкимъ порханіемъ карандаша
Изображая ангеловъ лица
Пишетъ свой образъ? Лиза душа... и т. д.

Подъ рисункомъ рукою бабушки надпись: „Dessiné par mademoiselle Martinoff pour son promis Alexis Sleptzoff“. Въ апрѣлѣ А. Т. посвящаетъ своей невѣстѣ другое стихотвореніе—„Милой Лизѣ“, помѣченное 5 апрѣля. Въ маѣ мѣсяцѣ дѣлъ, вмѣстѣ съ своей младшей сестрой Екатериной Трофимовной, ѣдетъ въ Москву, для закупки подарковъ невѣстѣ по случаю приближающагося дня свадьбы. Выѣхавъ изъ Тамбова 15 мая, только 17-аго къ ночи они пріѣхали въ Рязань, по случаю размытой дождями дороги, а въ Москву надѣются попасть не ранѣе 20-го, какъ оба и пишутъ изъ Рязани Е. П. Мартыновой; далѣе А. Т. посвящаетъ нѣсколько строкъ своей невѣстѣ, наполненныхъ комплиментами, а въ концѣ неожиданная приписка: „эхъ, барышня! и ужъ!“, вѣроятно, напоминающая имъ что нибудь смѣшное; далѣе слѣдуютъ приписки Екатерины Трофимовны невѣстѣ, сестрѣ и Евдокіи Димитріевнѣ Мартыновой и т. д. Это письмо отъ 17 мая изъ Рязани, случайно уцѣлѣвшее отъ гибели, хранится у меня какъ и то немногое, что осталось отъ дѣда, и приводится цѣликомъ ниже, въ Приложеніи V.

---

[66]) Вѣляевъ, Воспоминанія, стр. 146. Дочь Ив. Алекс. и Надежды Вас. Малевинскихъ, Анна Ивановна, которая, по выраженію Вѣляева, въ 1847 г. была „прелестная 16-тилѣтняя дѣвушка съ прекрасными черными глазами, стройная и чрезвычайно граціозная брюнетка“ („Русск. Старина“ 1884 года, май, стр. 310), вышла впослѣдствіи за князя В. А. Вяземскаго, помѣщика с. Паники, близъ Оржевки.

Пріѣхавши въ Москву, А. Т. посылаетъ невѣстѣ маленькое полушутливое стихотвореніе „à Lise", и возвращается вмѣстѣ съ сестрой въ Оржевку, по всему вѣроятію въ іюнѣ, а 6 іюля состоялось вѣнчаніе его съ Е. Д. Мартыновой въ с. Оржевкѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ ихъ свадьбы, 12 августа, скончалась въ Пензѣ Пелагея Михайловна Мартынова, старая дѣвица, 54 лѣтъ, и погребена въ Пензенскомъ мужскомъ монастырѣ, въ оградѣ противъ воротъ; впослѣдствіи надъ могилой былъ поставленъ прекрасный мраморный памятникъ въ видѣ гробницы, существующій еще и до сихъ поръ. Осенью молодые отправились съ визитами къ пензенской роднѣ, посѣтили могилу П. М. и видѣли въ с. Рамзаѣ въ послѣдній разъ свою тетку Н. М. Загоскину, которая вскорѣ послѣ того умерла; затѣмъ зимою молодые поѣхали въ Москву къ Никифоровымъ, Саввѣ Михайловичу Мартынову и другимъ родственникамъ и событія 14 декабря застали ихъ въ Москвѣ передъ отъѣздомъ въ Оржевку. 12 апрѣля 1826 г. родился у нихъ первенецъ Димитрій Алексѣевичъ и крестили его тетка Александра Трофимовна Слѣпцова и дядя Алексѣй Димитріевичъ Мартыновъ; въ томъ же году Екатерина Трофимовна вышла замужъ за темниковскаго помѣщика, отставного лейтенанта черноморскаго флота, князя Василія Петровича Ишеева, который былъ уже давно къ ней неравнодушенъ; 3 октября состоялась въ Оржевкѣ ихъ свадьба и вскорѣ они уѣхали въ свое имѣніе Итяково, близъ Темникова, гдѣ преимущественно и жили.

За этотъ послѣдній періодъ жизни дѣда, Оржевка и окрестности ея все также были многолюдны и веселились, какъ было уже сказано раньше. Сосѣдніе помѣщики крайне рѣдко и съ неохотой предпринимали утомительныя путешествія въ столицы и жили въ своихъ помѣстьяхъ, ни въ чемъ не нуждаясь, окруженные штатами дворовыхъ, имѣя свой собственный театръ, балериновъ и актеровъ, музыкантовъ, охотничью команду, мастерскія и проч. челядь; ѣздили другъ къ другу или въ городъ шестерикомъ въ четверомѣстныхъ желтыхъ каретахъ съ важами или въ двумѣстныхъ цугомъ запряженныхъ каретахъ съ росписными гербами на дверцахъ, съ выѣздными лакеями, въ ливреяхъ и треуголкахъ, на запяткахъ, которые отворяли дверцы и раскладывали со стукомъ подножку въ три—четыре ступени, покрытыя ковриками для схода. По праздникамъ давались торжественные обѣды, на которые непремѣнно приглашался священникъ съ попадьей. Зимой устраивались балы, на своей сценѣ давали балетъ, игралъ собственный оркестръ и т. д.

Е. П. Мартынова жила въ старой Мартыновской усадьбѣ съ своей дочерью Евдокіей Димитріевной, не вышедшей замужъ: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ просилъ ея руки кирсановскій помѣщикъ Скобельцынъ, но Елизавета Петровна объявила, что предпочитаетъ лучше видѣть свою дочь въ гробу, чѣмъ сдѣлавшую такое mésalliance

и Евдокія Димитріевна такъ и осталась до самой смерти дѣвицей. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ она проживала почти безвыѣздно въ Оржевкѣ и къ ней часто ѣздили сосѣди ея Кривцовы: извѣстный Ник. Иван. Кривцовъ, бывшій воинъ, дипломатъ и администраторъ, который въ 1836 г. выйдя въ отставку, поселился въ с. Любичахъ (близъ Оржевки), развелъ паркъ, выстроилъ прекрасную усадьбу въ англійскомъ вкусѣ и жилъ въ ней съ своей женой Екатериной Федоровной Вадковской, сестрой декабриста [67]). Во время одной изъ поѣздокъ Евдокіи Димитріевны къ Кривцовымъ, лошади, чего то испугавшись, понесли, карета опрокинулась и Е. Д. при паденіи получила сильную контузію въ грудь, отъ которой вскорѣ и скончалась. Старшій братъ ея, мой grand oncle, Иванъ Димитріевичъ Мартыновъ, жилъ большею частью въ Хилковѣ, сюда къ нему съѣзжались сосѣди, онъ задавалъ пиры, балы и различныя театральныя представленія; Сергѣй Димитріевичъ жилъ въ Уметѣ, близъ Любичей, гдѣ у него было имѣніе, впослѣдствіи доставшееся Хвощинскимъ [68]).

Молодые Слѣпцовы жили въ своемъ родовомъ домѣ и теперь съ ними оставалась одна Александра Трофимовна; 27 февраля 1827 г. родилась у нихъ дочь Екатерина (maman) и крестили ее бабушка ея, Елизавета Петровна и дядя ея, генералъ-маіоръ корпуса инженеровъ Алексѣй Николаевичъ Загоскинъ, сынъ Наталіи Михаиловны Заго-

---

[67]) Н. И. Кривцовъ, род. 1791 г., въ службу вступилъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ 1 сентября 1807 г., портупей-юнкеръ 17 декабря того же года, прапорщикъ 13 сентября 1809 г., подпоручикъ 24 іюня 1810 г., поручикъ 12 октября 1811 г., штабсъ-капитанъ 15 іюля 1813 г., капитанъ 20 мая 1814 г., 15 іюля 1815 г. подполковникъ съ оставленіемъ по арміи. Подъ Кульмомъ (17 августа 1813 г.) ему оторвало ногу; за ранами онъ уволенъ въ отставку коллежскимъ совѣтникомъ и опредѣленъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ, камергеръ 10 апрѣля 1817 г. и причисленъ къ Россійской миссіи въ Лондонѣ; отчисленъ оттуда въ декабрѣ 1821 г., въ 1824 г. статскій совѣтникъ и назначенъ Тульскимъ губернаторомъ, въ 1826 г. Нижегородскимъ губернаторомъ. Въ февралѣ 1836 г. уволенъ въ отставку и переѣхалъ въ Любичи, принадлежащіе женѣ его, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Вадковской; по 8-ой ревизіи въ имѣніи числилось 528 душъ и 2642 десятины (См. дѣло Кривцовыхъ въ Архивѣ Тамб. Дворян. Депутат. Собр.) Никол. Ив умеръ 31 іюля 1843 г.; единственная дочь его Софія Николаевна (род. 1829 г.) вышедшая за П. Н. Батюшкова (брата поэта) продала Любичи Софіи Павловнѣ Плещеевой, рожден. графинѣ Ферзенъ, которой наслѣдовалъ сынъ ея А. А. Плещеевъ, женатый на двоюродной внучкѣ Н. И-ча, Софіи Федоровнѣ Кривцовой; нѣсколько лѣтъ тому назадъ Любичи были проданы какому-то купцу, но въ настоящее время вновь попали въ дворянскія руки.

[68]) Объ Евдокіи Димитріевнѣ и Иванѣ Димитріевичѣ Мартыновыхъ пишетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Б. Н. Чичеринъ, извѣстный ученый и философъ: „Иванъ Димитріевичъ, добродушный хлѣбосолъ, жилъ въ сосѣднемъ съ Оржевкою селѣ Хилковѣ. Сюда въ день его рожденія или именинъ, 1 августа, стекались толпы народа, не только изъ Кирсановскаго уѣзда, но даже изъ сосѣднихъ губерній. Тутъ съ утра до ночи былъ пиръ горой, театральныя представленія, музыка, балъ, продолжавшійся до восхожденія солнца когда всѣ разъѣзжались“. (Воспоминанія Б. Н. Чичерина, „Русск. Архив.“ 1890 г., книга I, стр. 512) См. также мои „Матеріалы“, часть I, стр. 58 и 66.

Александра Трофимовна Слѣпцова.

скиной, рожденной Мартыновой, извѣстный своею феноменальною разсѣянностью, о чемъ много писали въ разныхъ Запискахъ [69]). Въ этомъ же году племянникъ дѣда, Иванъ Александровичъ Никифоровъ окончилъ курсъ въ Дворянскомъ пансіонѣ однимъ изъ первыхъ [70]), а 8 августа, еще не достигши и 40 лѣтъ, неожиданно скончалась въ Оржевкѣ Александра Трофимовна. Среди тѣхъ уцѣлѣвшихъ фамильныхъ портретовъ, которые въ настоящее время хранятся у меня, имѣется одинъ акварельный портретъ, изображающій ее въ свѣтло-лиловомъ платьѣ съ пышнымъ тройнымъ кружевнымъ воротникомъ, съ накинутой на плечи бѣлой шалью и головой, убранной въ букли; внизу четверостишіе, написанное крупнымъ красивымъ почеркомъ:

A ces doux traits, me faut-il craindre
Qu'on te nomme en he'sitant;
Toi qu'on eut nomme' à l'instant,
Si ton cœur pouvait se peindre.

Несмотря на такое убѣжденіе анонимнаго поэта, внукъ Александры Трофимовны, все-таки не можетъ безъ „he'sitation“ сказать положительно чей это портретъ, потому что никто изъ оставшихся еще въ живыхъ родственниковъ не могъ мнѣ этого выяснить; съ другой стороны, слѣпцовскія, столь родственныя съ Алексѣемъ Трофимовичемъ, черты и нѣкоторыя другія данныя даютъ мнѣ право видѣть въ этой акварели изображеніе Александры Трофимовны.

Въ концѣ октября въ Оржевку дошло извѣстіе о морской, 8 октября, битвѣ при Наваринѣ, покрывшей славой русскій флотъ, и по этому случаю было большое ликованіе въ Оржевкѣ и въ уѣздѣ; на слѣдующій годъ, 14 апрѣля, послѣдовалъ манифестъ о войнѣ съ Турціей и многіе изъ родныхъ и друзей кирсановскихъ помѣщиковъ ушли съ полками или на Кавказъ, или за Балканы. Въ этомъ же 1828 году у А. Т. и Е. Д. Слѣпцовыхъ 8 февраля родился сынъ Николай, который прожилъ очень недолго и 4 іюля скончался, а сынъ Надежды Трофимовны, Николай Александровичъ Никифоровъ, по ходатайству своего дяди и опекуна А. Т-ча, получивъ свидѣтельство на право вступленія въ военную службу, вступилъ тогда же въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ; впослѣдствіи вышелъ въ отставку въ 1837 г. поручикомъ, женился

---

69) См. Воспоминанія С. М. Загоскина въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1900 г.; Матеріалы для исторіи родовъ Мартыновыхъ, часть II, стр. 87—91.

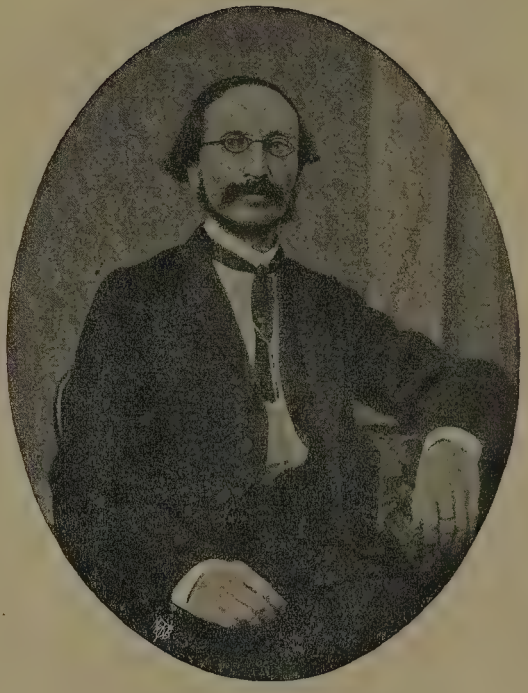
70) И. А. Никифоровъ впослѣдствіи много писалъ и переводилъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ издалъ книгу „Юрьевъ день“, въ журналѣ Кони была напечатана его пьеса въ стихахъ „Куликовская битва“, написано имъ для Сарова „Житіе старца Серафима“ и проч. (Никифоровъ, Воспоминанія изъ временъ Николая I, стр. 11—13). У меня имѣется его поэма „Леонидъ или Ночная Лампада, стихотворный разсказъ“, сочиненіе И. Н-ва, Москва, 1840 г., 133 стр.; на обложкѣ собственноручная надпись автора: „Милостивому государю дядюшкѣ Петру Петровичу (тайному совѣтнику Никифорову) отъ сочинителя, 1841 г., февр. 13“.

на княжнѣ С. И. Енгалычевой и съ 1860—1864 гг. былъ Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Въ концѣ года, по всему вѣроятію во время своей поѣздки въ Москву по дѣламъ Никифоровыхъ, дѣдъ мой представилъ въ Московскій Цензурный Комитетъ для просмотра рукопись сдѣланнаго имъ въ 1826—1828 гг. изъ Макферсонова „Оссіана“ перевода подъ заглавіемъ „Пѣсни въ Сельмѣ, поэма изъ Оссіана А. Слѣпцова“. Дозволеніе цензуры было дано 18 декабря за подписью цензора Ивана Снегирева, а въ началѣ слѣдующаго 1829 года, въ типографіи Семена Селивановскаго, въ Москвѣ же, былъ напечатанъ этотъ переводъ (приводимый ниже цѣликомъ), который въ настоящее время сталъ библіографической рѣдкостью и я имѣю только одинъ экземпляръ его.

За этотъ же періодъ времени (1825—1831) относятся и послѣднія произведенія дѣда моего, которыя уцѣлѣли или цѣликомъ, или въ отрывкахъ,—т. е. кромѣ перевода „Оссіана“ и трехъ стихотвореній, посвященныхъ m-lle Мартыновой, упоминаемыхъ выше, слѣдуетъ еще отнести стихотворенія „Виновные несчастливцы“, два отрывка, безъ конца, переводы въ то время весьма модныхъ „писемъ Демутье“—„Lettres à Emilie sur la mythologie, par Demoustier“—части I, письма первое и пятое; вѣроятно, были переведены и промежуточныя письма, но, къ сожалѣнію, онѣ не сохранились, какъ и многое другое; наконецъ сюда же относятся глубокія по мысли „Ода“ и „Заблужденіе ума“:

Спокойно по полямъ блуждая
И вмѣстѣ съ Юнгомъ размышляя
Терялся въ мысли я моей.
Соображая разны роды,
Я видѣлъ ясно связь природы
Искалъ я цѣли всѣхъ вещей...
Въ семъ умствованіи дерзновенномъ
Къ кладбищу вдругъ я подошелъ
И тутъ, въ порядкѣ неизмѣнномъ
Системы міра цѣль нашелъ...
Ничтожество! я рекъ душевно
Ты все объемлешь несомнѣнно
Пріявши подъ безмолвну сѣнь...
Одно лишь ты пребудешь вѣчно
А прочее все скоротечно
И цѣлый міръ есть прахъ и тлѣнь!..
Ничтожество! въ тебѣ теряюсь,
Но я тебя не ужасаюсь:
Я былъ въ тебѣ и вновь приду
Конецъ съ началомъ съединяя
Бытье протекши начиная
Безтрепетно въ тебя паду и т. д.



Николай Александровичъ Никифоровъ.

По всему вѣроятію въ февралѣ 1829 г. въ Тамбовѣ было дворянское экстренное собраніе, потому что дѣдъ въ своемъ коротенькомъ письмѣ (факсимиле котораго прилагается) отъ 21 февраля пишетъ бабушкѣ слѣдующее: „Цѣлую тебя, милая Лиза, и ребятишекъ (т. е. дядю Димитрія Алексѣевича и maman). Я, слава Богу, здоровъ. Собраніе наше кончано и разладомъ. Я только сегодня могу заняться своими дѣлами, то есть выручить рекрутскую квитанцію и сдѣлать покупки, чепчикъ тебѣ купилъ и прекрасной, какъ мнѣ кажется, заплатилъ 40 рублей ассигнаціями. Не знаю успѣю ли завтра кончить все намъ здѣсь нужное? потому пишу къ тебѣ сегодня, деньги въ банкъ отправилъ. Прощай, милушка, перецѣлуй за меня ребятишекъ. Твой вѣрный другъ Алексѣй Слѣпцовъ. У маменьки (т. е. Елиз. Петр. Мартыновой) цѣлую ручьки—всѣмъ кланяюсь".

Въ тотъ же годъ, 24 іюля, родился у дѣда сынъ Александръ и крестили его Елиз. Петровна и Иванъ Трофимовичъ, у котораго тоже, черезъ три мѣсяца, 14 октября, родился сынъ Димитрій и воспріемниками его при крещеніи были Ив. Александр. Малевинскій и А. Т. Слѣпцовъ. Здѣсь нельзя не сказать нѣсколько словъ про приходскаго священника Мартыновской и Слѣпцовской (Успенской) церкви—отца Владиміра Яковлева, потомство котораго подъ фамиліей Оржевскихъ получило впослѣдствіи дворянское достоинство. Онъ перекрестилъ всѣхъ дѣтей Алексѣя Трофимовича, и перевѣнчалъ и похоронилъ многихъ изъ семей Слѣпцовыхъ и Мартыновыхъ; будучи священникомъ съ 1802 года и пользовался большимъ авторитетомъ и уваженіемъ; изъ двухъ сыновей его — одинъ, Василій, достигъ впослѣдствіи—въ сороковыхъ годахъ—мѣста директора Департамента исполнительной полиціи, получивъ предварительно дворянство [71]).

---

[71]) Въ Архивѣ Тамбовской Духовной Консисторіи родъ Оржевскихъ показанъ такъ: священникъ Архипъ Ивановъ († 1788), а у него два сына—Архипъ Архиповъ, священникъ въ Оржевкѣ и Яковъ Архиповъ. У перваго дѣти: Алексѣй Архиповъ, съ 1819 г. благочинный въ Оржевкѣ (не участникъ ли исторіи 1823 г.? См. прим. 64) и Яковъ Архиповъ Младшій, священникъ: у этого послѣдняго дочь Евфросинія въ 1802 г., 15-ти лѣтъ, просвирня („просфиры печетъ не худо", какъ записано въ Вѣдомости). У Якова Архипова Старшаго сынъ Владиміръ, род. 1771 г., съ 1802 г. священникъ въ Оржевкѣ, а у него два сына—Василій, р. 1796 г., и Николай, р. 1800 г. (См. „Вѣдомость учиненнаго Кирсановск. Духовн. Правленія состоянія за 1802 и 1819 гг. священно-церковно-служителей с. Оржевки", хранящуюся въ Архивѣ Консисторіи въ Тамбовѣ). Судьба Николая мнѣ неизвѣстна, а Василій вышелъ изъ Тамбовской семинаріи въ Духовную академію, оттуда на гражданскую службу, женился на богатой купчихѣ Мѣняевой, былъ директоромъ Департамента полиціи исполнительной, а въ 1855 г. тайный совѣтникъ; слѣдуетъ замѣтить, что онъ навсегда сохранилъ самыя лучшія чувства и къ своимъ роднымъ, и къ семьѣ моего дѣда и бабушки Елизаветы Димитріевны, какъ свидѣтельствуютъ его письма, черта благородная и рѣдкая, въ настоящее время современнымъ „достигающимъ дворянства" даже совершенно неизвѣстная. У него было, кажется, два сына: Владиміръ, род. 1838 г., бригадный командиръ 22-й пѣхотной дивизіи и Петръ, род. 1839, † 1897 г., ген.-отъ кавалеріи, генералъ-губер-

Извѣстный Тамбовскій историкъ Дубасовъ выражается о немъ такъ: „изъ убогихъ каморъ Тамбовской Семинаріи и въ убогихъ одеждахъ, скромные и терпѣливые вышли на свѣтъ Божій многіе дѣятели; даже на административномъ поприщѣ, наименѣе доступномъ людямъ безъ всякой протекціи, Тамбовская Семинарія имѣла своихъ представителей и одинъ изъ нихъ въ качествѣ департаментскаго директора (Оржевскій) въ сороковыхъ годахъ былъ огромною силою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ“ [72]).

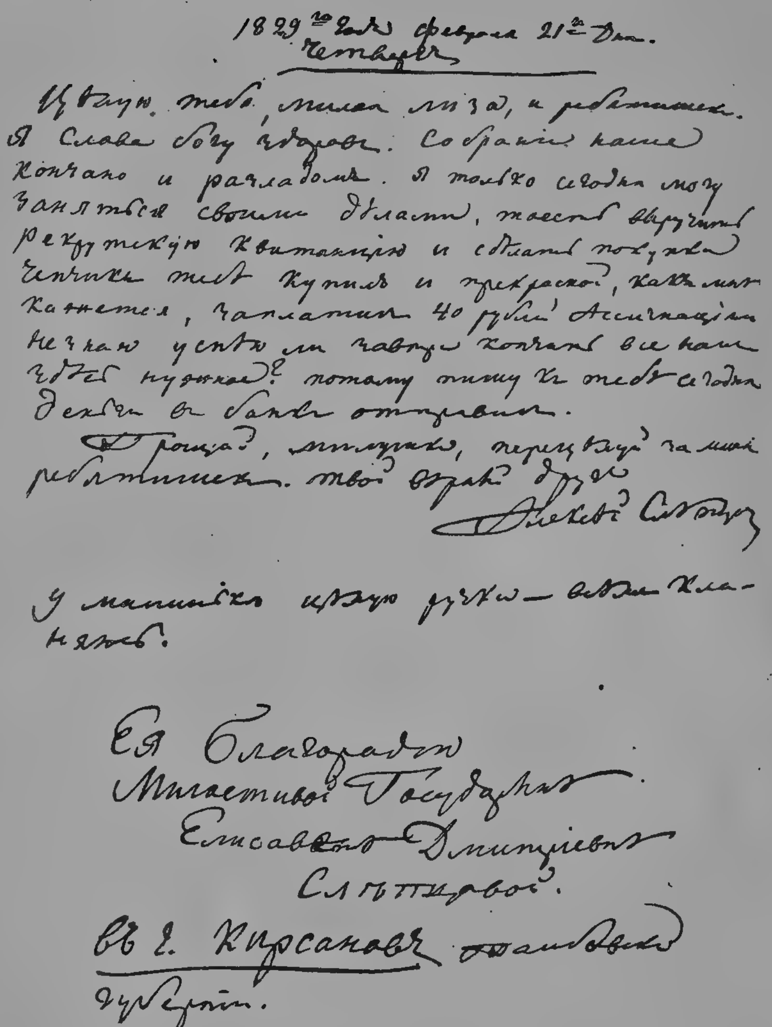
Въ слѣдующемъ, 1830-мъ, году скончался въ Оржевкѣ, 12 апрѣля, Иванъ Трофимовичъ, а его вдова Любовь Александровна осенью переѣхала съ дѣтьми на постоянное мѣстожительство въ Москву; 10 іюля у Алексѣя Трофимовича и Елизаветы Димитріевны родился сынъ Владиміръ, но вскорѣ умеръ; осенью появилась въ Тамбовскомъ краѣ холера, а въ концѣ года произошло два событія, по странной случайности почти совпавшія по времени: 17 ноября вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ, а 26 ноября произошелъ „холерный“ бунтъ въ Тамбовѣ. За нѣсколько дней до этого по городу стали ходить слухи между народомъ, что „господа отравляютъ воду въ колодезахъ“—слухи, распространяемые не только невѣжественными городскими обывателями, но даже мѣстнымъ вице-губернаторомъ, женой его, крещеной еврейкой, и ихъ пріятелемъ, предсѣдателемъ Гражданской Палаты, вѣроятно съ такимъ же точно образовательнымъ цензомъ [73]). Благодаря нелѣпымъ слухамъ и дѣятельному распространенію ихъ съ помощью этихъ чиновниковъ, народъ въ концѣ концовъ взбунтовался, утромъ 26 ноября толпа насильно потащила губернатора Миронова [74]) въ больницу, провела его по всѣмъ палатамъ, осыпая его бранными словами, укоряя въ смерти больныхъ холерою, и только на возвратномъ пути, на Студенецкомъ мосту, жандармы отбили Миронова и отвезли его въ губернаторскій домъ, который тогда находился на мѣстѣ Александринскаго Института. Вскорѣ

наторъ въ западной Россіи, женатъ на княжнѣ Шаховской. Потомство Оржевскихъ мнѣ неизвѣстно (См. „Матеріалы для исторіи рода Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“, часть I, стр. 250—251).

[72]) Дубасовъ „Очерки изъ исторіи Тамб. края“, вып. 2, стр. 124.—Слѣдуетъ прибавить, что изъ учебныхъ заведеній того времени выходили спартанцы закаленные не только духомъ, но и тѣломъ; какъ извѣстно, порка составляла тогда модный спортъ въ вопросѣ воспитанія, но нигдѣ не достигала такихъ художественныхъ совершенствъ какъ въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя записки современниковъ; дѣло доходило до того, что при самыхъ консисторіяхъ всѣхъ церковно-служителей сѣкли, сажали въ „стулъ съ желѣзомъ“, надѣвали на нихъ рогатки и т. п. (См. Дубасовъ, Очерки, вып. I, стр. 53 и 111; вып. VI, стр. 144,-145; Записки Ростиславова въ „Русской Старинѣ“, 1880, январь, стр. 9-10 и т. д.)

[73]) Достойно вниманія то, что этотъ предсѣдатель Гражданск. Палаты исполнялъ съ февраля 1820 г. по май 1821 г. должность губернатора, тотчасъ послѣ А. М. Безобразова.

[74]) Былъ Тамбовскимъ губернаторомъ съ 1823 г. по 2 іюля 1831 г.


1829го Года февраля 21го Дня.
Четвергъ

Цѣлую тебя, милая Лиза, и ребятишекъ. Я слава Богу здоровъ. Собранiе наше кончано и разъѣхались. Я только сегодня могу заняться своими дѣлами, то есть выручить рекрутскую квитанцiю и сдѣлать покупки. Чепчики тебѣ купилъ и прекрасной, какъ мнѣ кажется, заплатилъ 40 рублей Ассигнацiями. Не знаю успѣю ли завтра кончить все наши дѣла нужное? потому пишу къ тебѣ сегодня деньги въ банкѣ отправилъ.

Прощай, милушка, перецѣлуй за меня ребятишекъ. твой вѣрный другъ

Алексѣй Слѣпцовъ

У маменьки цѣлую ручки — всѣмъ кланяюсь.

Ея Благородiю
Милостивой Государынѣ
Елисаветѣ Дмитрiевнѣ
Слѣпцовой.
въ г. Кирсановѣ Тамбовской
губернiи.

Письмо А. Т. Слѣпцова 1829 г.

толпа оцѣпила домъ и, несмотря на увѣщанія епископа Евгенія, не расходилась, войска внутренняго гарнизона отказались стрѣлять „въ своихъ“ и среди гражданскихъ чиновъ, собравшихся въ губернаторскомъ домѣ, господствовала полная паника. Передъ разсвѣтомъ, 27-го, изъ Липецка прискакала конно-піонерная рота, а немного позднѣе, изъ Козлова и Кирсанова, на подводахъ прибыли инвалидныя роты. На помощь бунтующихъ мѣщанъ шло 2000 крестьянъ съ вилами, косами и топорами, но были остановлены у астраханской заставы, а мѣщане были усмирены прибывшими частями войскъ. На слѣдующій день, 28-го, рано утромъ пришелъ форсированнымъ маршемъ изъ Владимірской губерніи Митавскій гусарскій полкъ, а 30 ноября прибыли въ Тамбовъ пѣхотные полки Казанскій и Вятскій, возвращавшіеся изъ турецкаго похода и проходившіе черезъ сосѣднюю Воронежскую губернію. Наконецъ 6-го декабря, по высочайшему повелѣнію, пріѣхалъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Закревскій и оставался въ Тамбовѣ до 12-го декабря; прибыли также генералъ Гедеоновъ и флигель-адъютантъ графъ Ивеличъ; губернаторъ былъ отстраненъ, вице-губернаторъ и его пріятель отданы подъ судъ, бунтовщики сосланы въ каторжныя работы, а тамбовскій баталіонъ внутренней стражи, въ полномъ составѣ, сосланъ на Кавказъ. Всѣ прибывшіе въ Тамбовъ войска простояли болѣе пяти мѣсяцевъ расквартированныя по домамъ мѣщанъ на правахъ постойной экзекуціи [75]).

Наступилъ роковой 1831-й годъ, ознаменованный кончиной многихъ представителей рода Мартыновыхъ и дѣда Слѣпцова. Уже въ самомъ началѣ этого года, 23-го января, скончался въ Оржевкѣ Алексѣй Димитріевичъ Мартыновъ, а черезъ мѣсяцъ родная тетка его игуменія Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря Дорооѳея (въ міру Дарія Михаиловна Новикова), пользующаяся и до сего дня большой популярностью въ монастырѣ; пробывши почти 30 лѣтъ игуменьей, она скончалась 22 февраля. Вскорѣ умерла и ея родная племянница Варвара Димитріевна Беклемишева, въ Петербургѣ отъ тифа, а тѣло ея перевезено въ Тамбовскую губернію и погребено при Трегуляевскомъ мужскомъ монастырѣ, въ трехъ верстахъ отъ Тамбова. Великимъ постомъ (?) Елизавета Петровна Мартынова была на богомоліи въ Воронежѣ, внезапно скончалась отъ холеры и похоронена тамъ же. Наконецъ, за полтора мѣсяца до рокового дня родился у А. Т. и Е. Д. Слѣпцовыхъ, 30 мая, сынъ Василій, а 14 іюля, неожиданно скончался дѣдъ, схвативъ горловое воспаленіе отъ выпитаго холоднаго шампанскаго и погребенъ при своей Успенской церкви.

---

[75]) Якунинъ, Холера въ Тамбовѣ въ 1830 году („Вѣстникъ Европы“ 1875 г., сентябрь, стр. 204—223).

Послѣ кончины дѣда, бабушка Елизавета Димитріевна осталась владѣлицей, помимо тамбовскихъ, помѣстьевъ заволжскихъ, владимірскихъ и пензенскихъ, всего около десяти тысячъ десятинъ; черезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ она переѣхала для воспитанія дѣтей въ Петербургъ, гдѣ жили въ то время многіе изъ ея родныхъ—дядя ея Савва Михаиловичъ Мартыновъ съ семьей, Загоскины и другіе; весьма сблизилась съ извѣстной княгиней Татьяной Борисовной Потемкиной, въ домѣ которой тогда воспитывались племянникъ ея князь Б. А. Голицынъ и маленькая графиня Т. А. Рибопьеръ, впослѣдствіи княгиня Юсупова. Вмѣстѣ съ ними росъ и второй сынъ Е. Д.—дядя Александръ Алексѣевичъ, отданный ею въ домъ княгини для совмѣстнаго воспитанія; въ 1843 г., 12-ти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ Училище Правовѣдѣнія и приблизительно около этого же времени, или немного ранѣе, поступила дочь Е. Д-вны, Екатерина Алексѣевна (моя матушка) въ Училище ордена св. Екатерины, а старшій дядя мой Димитрій Алексѣевичъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; немного позже въ Училище Правовѣдѣнія опредѣленъ былъ младшій дядя мой Василій Алексѣевичъ. Въ 1846 г. Димитрій Алексѣевичъ былъ выпущенъ не въ гвардію, а въ Прагскій пѣхотный полкъ, стоявшій тогда въ Кишиневѣ, а въ 1848 году вышелъ въ отставку подпоручикомъ; во время Крымской войны вновь вступилъ на службу въ Сибирскій гренадерскій полкъ, былъ прикомандированъ къ образцовому пѣхотному полку, участвовалъ въ составѣ войскъ, охранявшихъ Петербургъ и прибрежіе, вышелъ въ отставку поручикомъ 4 октября 1856 г., переѣхалъ въ свое имѣніе, родовое Мартыновское, въ с. Кучкахъ, Пензенскаго уѣзда, послѣдніе годы своей жизни прожилъ въ Оржевкѣ, въ домѣ своей матери, гдѣ и скончался старымъ холостякомъ 2 ноября 1881 г.

Въ 1847 г. окончила курсъ Института и maman, въ 17-мъ выпускѣ, вмѣстѣ съ своими подругами, графиней Гендриковой, двумя графинями Буксгевденъ, m-lles Долгово-Сабуровой, Иванчиной, и т. д. Выпускомъ раньше, въ 1844 г., вышли баронесса Шлиппенбахъ, впослѣдствіи Неплюева, мать извѣстнаго филантропа Черниговской губерніи; княжна Одоевская, впослѣдствіи Маслова, кирсановская помѣщица, и мать князя Одоевскаго-Маслова, начальника Дворцоваго Управленія въ Москвѣ; Нина Мартынова, тетка maman (дочь Саввы Михаиловича), впослѣдствіи княгиня Багратіонъ, m-lle Ратчъ, вышедшая позже за Атрыганьева, и т. д. Черезъ годъ, въ 1848 году, вышелъ и Александръ Алексѣевичъ изъ Правовѣдѣнія, вступилъ въ канцелярію Петербургскаго военнаго генерала-губернатора, вышелъ въ отставку въ 1851 г. и жилъ съ бабушкой до самой ея кончины, вмѣстѣ путешествуя по Европѣ, зимуя въ Петербургѣ или живя въ Оржевкѣ. Вскорѣ вышелъ и младшій дядя мой Василій Алексѣевичъ изъ правовѣдовъ, вступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій

Екатерина Алексѣевна Норцова,
рожденная Слѣпцова (снимокъ 1900 г.).

А. Н. Норцовъ (снимокъ осени 1911 г.).

полкъ, а изъ этого полка прапорщикомъ въ Сибирскій гренадерскій полкъ, стоявшій тогда въ Новгородѣ. Въ 1852 г. скончался Иванъ Димитріевичъ Мартыновъ и послѣ раздѣла его имѣній между дѣтьми его сестеръ,—моей матушкѣ досталось его кирсановское имѣніе, помимо котораго ей было отдѣлено еще Слѣпцовское—Ярославское и Сабуровское (отъ бабки)—Владимірское, Вязниковскаго уѣзда. Въ ноябрѣ 1853 г. состоялся бракъ матушки съ моимъ отцомъ, ротмистромъ Драгунскаго Наслѣдника Цесаревича (лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества) полка, Н. П. Норцовымъ, харьковскимъ дворяниномъ, который послѣ Крымской кампаніи, вслѣдствіе полученной имъ подъ Евпаторіей контузіи, вышелъ въ отставку подполковникомъ, купилъ имѣніе въ Кирсановскомъ уѣздѣ, рядомъ съ имѣніемъ maman, гдѣ я и родился. Въ 1857 г. вышелъ поручикомъ въ отставку и дядя Василій Алексѣевичъ и поселился въ своемъ кирсановскомъ имѣніи, въ доставшемся ему родовомъ Слѣпцовскомъ домѣ, въ Оржевкѣ, вскорѣ послѣ того проданныхъ имъ—домъ и старая усадьба съ садомъ одному полицейскому, а имѣніе родственнику этого полицейскаго; въ 1868 году онъ женился на А. З. Ивановой и поселился въ Оржевкѣ въ усадьбѣ, купленной имъ у брата своего Александра Алексѣевича. Бабушка много и долго путешествовала съ сыномъ своимъ Александромъ по Италіи, Германіи, Швейцаріи и особенно часто и надолго пріѣзжала въ Ниццу и въ Парижъ. Эти путешествія не могли не повліять на средства и въ половинѣ семидесятыхъ годовъ у нея лично уже оставалось всего-на-всего около 300 десятинъ и родовая, въ Оржевкѣ, Мартыновская усадьба, въ которой послѣдніе годы она и жила, изрѣдка выѣзжая на зиму въ Петербургъ; съ нею вмѣстѣ, до самой ея смерти, жилъ и дядя Александръ, имѣніе котораго было недалеко отъ Оржевки, а одно время жилъ и дядя Димитрій Алексѣевичъ послѣ продажи своего пензенскаго имѣнія, умершій въ 1881 г.; въ 1885 г. скончалась въ Оржевкѣ бабушка, а черезъ три года, въ 1888 г., мой отецъ въ своемъ имѣніи. Послѣ кончины бабушки, дядя А. А. продалъ Мартыновскую усадьбу, (которая въ настоящее время принадлежитъ генералу-лейтенанту Н. К. Клаверъ), а самъ переѣхалъ въ свое имѣніе, въ 1890 г. уѣхалъ въ Ниццу, гдѣ скончался холостякомъ въ 1891 г. и тамъ же погребенъ. Младшій дядя Василій Алексѣевичъ скончался бездѣтнымъ въ августѣ 1900 г. въ Тамбовѣ, а maman въ январѣ 1908 г. въ Тамбовѣ же, и въ настоящее время пишущій эти строки—послѣдній потомокъ „тамбовскихъ“ Слѣпцовыхъ [76]).

---

[76]) Подробности см. „Матеріалы для исторіи дворянск. родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“.

Сочиненія

Трагедія.—Стихотворенія.—Поэма.

(1801—1831).

Все то немногое, что уцѣлѣло у меня отъ твореній дѣда, печатается здѣсь, безъ всякихъ пропусковъ; большая часть этихъ твореній переписана въ тетрадѣ въ 1/4 листа синей толстой бумаги, на которой на первой страницѣ крупно написано: *„Мое препровожденіе времени отъ скуки или моги бездѣлки, 1801 года“*, затѣмъ, тотчасъ же, со слѣдующей страницы трагедія „Мицеринъ и Феоклида“, написанная—не слѣдуетъ забывать—тогда когда дѣду моему было только 15 лѣтъ. Надъ словомъ „Трагедія“ рукою дѣда замѣтка: „3 раза *худо*. Покорно прошу не читать. Самъ счелъ А. С.“ Вслѣдъ за трагедіей, такимъ же точно крупнымъ почеркомъ, переписано стихотвореніе „Добродѣтель“, а далѣе слѣдуютъ написанныя болѣе мелкимъ почеркомъ дѣда стихотворенія въ слѣдующемъ порядкѣ: пѣсенки 1-я и 2-я изъ Оржевки въ Оренбургъ, изъ Клейнъ-Юнфернгофа въ Оренбургъ, Эпитафіи 1-я и 2-я, пѣсенка 3-я, Баснь Осада, пѣсенка 4-я, Эпистола Евдокіи Димитрію Донскому и отвѣтъ его, переводъ изъ Овидія Гермафродитъ и Салмація, пѣсенка 5-я, Вино, Пѣсенка 6-я, Ода, Элегія, пѣсенка 7-я, Злая Женщина, На смерть отца, На смерть брата, Призракъ, Эпиграмма, Карманные часы, Про себя, Открытіе Амура, Заблужденіе ума, Къ невѣрной и Виновные несчастливцы (безъ конца, который сохранился въ спискахъ, сдѣланныхъ рукою покойной моей матушки)—всего на 75 страницахъ, считая и заглавный листъ. Кромѣ этой тетради, у меня хранится экземпляръ крайне рѣдкаго перевода дѣда изъ поэмы Оссіана, сдѣланнаго, по всему вѣроятію, въ 1826—1828 гг. и напечатанному въ Москвѣ въ 1829 г. Все остальное здѣсь издаваемое уцѣлѣло на клочкахъ, на отдѣльныхъ листахъ или же просто въ спискахъ maman. Въ моей памяти прекрасно сохранилась другая толстая тетрадь, вся исписанная рукою дѣда, но и эта тетрадь и все остальное безслѣдно и безвозвратно погибло, какъ я уже ранѣе писалъ.

Въ первомъ изданіи сочиненій дѣда, вошедшихъ въ составъ XLVII выпуска Извѣстій Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи [77]), не вошло нѣсколько стихотвореній; теперь-же все остальное печатается здѣсь безъ всякихъ пропусковъ, а именно: пѣсенки 5-я, 6-я и 7-я, Эпитафіи 1-я и 2-я, Элегія, Эпистолы, Вино и Отрывки изъ писемъ Дюмутье; все впервые печатаемое отмѣчено звѣздочкой. Въ настоящемъ изданіи всюду придерживается болѣе или менѣе вѣроятная дата стихотвореній. Написанные въ самомъ началѣ XIX столѣтія, стихи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страдаютъ устарѣлымъ слогомъ и оборотами, но каждый отмѣтитъ, конечно, нѣкоторыя произведенія какъ напр. Ода, Про себя, Заблужденіе ума, Виновные несчастливцы—написанныя подъ вліяніемъ глубокой мысли. Впрочемъ, быть можетъ, эти произведенія эпохи Александра I ни для кого не будутъ имѣть цѣны, но я ихъ издаю съ чувствомъ сердечной любви и благоговѣнія къ памяти дѣда моего, съ искреннимъ сожалѣніемъ, что утеряно все остальное, имъ написанное.

---

77) Матеріалы для исторіи Тамбовскаго, Пензенскаго и Саратовскаго дворянства, т. I,—или въ отдѣльныхъ оттискахъ „Матеріалы для исторіи дворянск. родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“.—изд. 1904, Приложеніе XIV, стр. 308—382.

1801 г.

(см. стр. 14)

Мицеринъ и Феоклида

ТРАГЕДІЯ.

Дѣйствующія лица:

Хеопсъ, египетскій царь.
Хефренъ, братъ Хеопсовъ.
Мицеринъ, сынъ Хеопсовъ.
Феоклида, дщерь Хефренова.
Пеламиръ, наперсникъ Хеопсовъ.
Вѣстникъ.
Воины.
Узники.

(Дѣйствіе въ царскомъ домѣ).

Дѣйствіе 1-е.

Пеламиръ (*одинъ*)

Ужъ правосудія не зрятся здѣсь уставы!
Невинныхъ мучаютъ, виновные-же правы;
И самый царскій домъ, что бѣднымъ былъ покровъ,
Отъ крови египтянъ нещасливыхъ багровъ.
Мемфисъ, гдѣ древле храмъ имѣла добродѣтель,
Наполненъ грабежомъ; сему Хеопсъ содѣтель,
И братъ его Хефренъ. Иль имъ подвластенъ тронъ,
Затѣмъ, чтобъ умножать повсюду бѣдныхъ стонъ?
О боги! боги! вы, создатели вселенны!
Возрите на Мемфисъ, на храмы разоренны,
На бѣдственный народъ, на нашу злую часть,
И уничтожьте вы тирановъ сильну власть,
Которы болѣе день каждый свирѣпѣютъ

И тѣмъ тщеславятся, что власть казнить имѣютъ
Воззрите какъ сіи безбожные цари
Повергли ваши всѣ священны алтари!
И сжальтесь зря сего наслѣдника любезна,
Которому судьба поистинѣ преслезна,
Велѣла слезы лить за бѣдныхъ согражданъ...
За что ему такой жестокій жребій данъ!
За что терзаемъ онъ, а варвары щасливы,
Что горды такъ и злы, напрасливы и лживы.

Мицеринъ (*входя*).

О боги, сколько бѣдствъ любезный Пеламиръ,
Мнѣ мнится подо мной колеблется весь міръ
Здѣсь вопль несчастливыхъ, упреки осужденныхъ;
Тамъ плачутъ матери о сыновьяхъ казненныхъ...
Печальныхъ сколь картинъ!

Пеламиръ.

А кто тому вина?

Мицеринъ.

Упрека-ль мнѣ сіе, и отъ тебя ль она?

Пеламиръ.

О, нѣтъ, совсѣмъ не то! а духа возбужденье,
Дабъ уничтожить всѣ злодѣйскія стремленья
Ахъ! сколь то рѣдко есть, любезный Мицеринъ,
Чтобъ злаго столь отца былъ столько кроткій сынъ.

Мицеринъ.

Увы, мнѣ въ сердцѣ мысль чинитъ глубоку рану,
Что вѣкъ родителя звать добрымъ я не стану,
Что вмѣсто сихъ столь сладостныхъ утѣхъ,
Я только ждать могу упреки ото всѣхъ.
Отецъ твой (скажутъ мнѣ) не царь былъ, а мучитель,
Ты добръ и милостивъ, но звѣрь былъ твой родитель.
Хоть праведно сіе и мнѣ хоть похвала,
Но сносна ли кому родителя хула?

Пеламиръ.

Хеопсъ тебѣ отецъ, а родина Египетъ —
По истину Тифонъ всѣ бѣды тебѣ сыпетъ...
А мнѣ, которому страна моя въ предметъ,
Позволь пріять съ тобой, о князь! противный слѣдъ.

Мицеринъ.

Не знаю, дѣлать что!.. Отечество... родитель...
Хоть хищникъ, но отецъ; мой долгъ мнѣ повелитель,
Чтобъ я хранилъ законъ естественный сыновъ,
Который на землѣ уставленъ отъ боговъ,
А если мнѣ признать отцовскія въ немъ права,
Такъ можетъ тѣмъ ниспасть египетска держава...
Въ смятеніяхъ такихъ утѣха мнѣ одна,
О ты, прекрасная и нѣжная княжна!
Лишился бъ жизни я, когда-бъ не Феоклида...
Поистину—что жить, лишившись ея вида?

Пеламиръ.

Надежду возложи на праведныхъ боговъ,
Они освободятъ тебя изъ сихъ оковъ,
Сколь добродѣтеленъ, толико ты нещастенъ...
Познай, перемѣнить сіе законъ ихъ властенъ
И добрая душа не сгибнетъ никогда—
Надъ злою будетъ верхъ имѣть она всегда.
При самомъ бѣдствіи, послѣднемъ издыханіи,
Надежду не теряй, крѣпись, пребудь въ желаніи,
Чтобъ бѣднымъ помогать, какъ прежде помогалъ.

Мицеринъ.

Хотя-бы свою жизнь я онымъ потерялъ,
Но нраву моему премѣнности не будетъ
И вѣкъ меня никто за злобу не осудитъ.

Пеламиръ.

Позволь мнѣ отойти, убавить бѣдныхъ слезъ.

Мицеринъ (*одинъ*).

Увы! гласъ истины въ Египтѣ ужъ исчезъ,
Въ Мемфисѣ зрятся лишь разнообразны виды
Темницъ и казней въ нихъ да горды пирамиды,
Что къ небесамъ главу бездушную несутъ...
Законы божески и царскіе падутъ,
Презрѣнны старики и ихъ благи совѣты,
Не чтутся ни умы, ни доблести, ни лѣты
И торжествуетъ лишь мой дядя и отецъ....
Увы, когда узрятъ египтяне конецъ
Дѣяній ихъ?... О вы, разгнѣванные боги,
Что медлите пресѣчь кровавы ихъ дороги?

А ты, княжна моя, которая судьбой,
Лѣтами, нравами столь сходственна со мной,
Которой красота все въ свѣтѣ превышаетъ,
О горе! и тебя духъ смутный угнетаетъ!
Ужели жребій твоей красѣ такой свирѣпъ?
Достойна лучшихъ ты по истинѣ судебъ,
Но боги гнѣвные, рѣшимость взявши скору,
Отнынѣ египтянъ казнятъ всѣхъ безъ разбору.

Хеопсъ *(входя)*.

Ахъ!... всѣ преступники, которые мой гнѣвъ,
Свирѣпость самую въ ничтожествѣ презрѣвъ,
Хотятъ и власть отнять... и кто же?! эта дѣва,
Котора тѣмъ гордясь, что братня дщерь царева,
Дерзаетъ ужъ меня, Хеопса, презирать,
Хеопса, предъ коимъ должно все трепетать!
Но я преобращу несклонности всѣ прахомъ —
Склоню ее ко мнѣ любовью или страхомъ.

Мицеринъ.

Позволь спросить, кто смѣлъ тебѣ противустать?

Хеопсъ.

Готовься дерзости безумныя внимать!
Меня, предъ кѣмъ Египтъ колѣна преклоняетъ,
Дочь брата моего отъ брака отвергаетъ!
Ко Феоклидѣ я стрѣлой любви сраженъ....

Мицеринъ *(тихо)*.

Ахъ, въ грудь мою ударъ ужасный нанесенъ!

Хеопсъ.

Скрывался долго я; но страсти оной сила
Меня открыться вдругъ внезапно побудила,
Предъ Феоклидой я пріялъ любовный видъ,
И вдругъ отвергнутъ былъ! Однако этотъ стыдъ
Заглушу какъ нибудь! и самая геенна
Увидитъ мщеніе Хеопса раздраженна.

Мицеринъ.

Ахъ, что ты предпріялъ, виновникъ моихъ дней!

Хеопсъ.

То, чтобы въ жертву дать княжну любви своей,
Предъ коей ползалъ я рабомъ преуниженнымъ...

Содѣлаюсь теперь тираномъ озлобленнымъ.
Но что я! .. Лишь узрю я дѣву красоты,
Какъ всѣ жестокости мной сразу забыты
И сердце злобное, живущее лишь кровью
Смиряется въ груди и тѣшится любовью.
До сихъ временъ, мой сынъ, не вѣдалъ твой отецъ
Жестокую любовь и нѣжности сердецъ.
А нынѣ, чтобы имъ оказывать пріязни,
Онъ долженъ оставлять и пиршества и казни.
За онымъ только лишь, чтобъ думать объ любви,
Которая зажгла огонь въ моей крови
И Феоклидинъ взоръ, ко мнѣ который злобенъ,
Мнѣ мнится въ нѣжности и въ гнѣвѣ безподобенъ
Увы! отчаянью родителя внемли;
Я будучи большой владыка на земли,
Странами предводя, полки распоряжая
И собственный народъ работой угнетая
И властью муча ихъ, какъ кровожадный тигръ,
Не въ силахъ презирать любовныхъ нѣжныхъ игръ.

Мицеринъ.

Диковины тутъ нѣтъ, любовь вездѣ стремится
Но оныя любви не должно укрѣпиться
И иго отъ нее воскорости свергать
Есть дѣло сродное для смертныхъ учинять,
Ты долженъ, отче мой, презрѣть ея отравы

Хеопсъ.

Не мнѣ перемѣнять свои любые нравы
Царю, которому подвластно все какъ мнѣ,
Возможно то чинить что зрится лишь во снѣ

Мицеринъ.

Но вспомни что себя ты онымъ обезславишь,
Когда любовь сію, ты тотчасъ не оставишь
Всѣ скажутъ: оный царь, что властвовать рожденъ
Столь слабъ, что силою дѣвицы побѣжденъ!
Я чаю, что сіе лишь мщенье кое боги
Тебѣ поставили за ихъ святы чертоги,
Которыхъ ты велѣлъ въ Египтѣ разорить.

Хеопсъ.

Престань, престань, мой сынъ, объ этомъ говорить;
Вѣдь неестественность была бъ весьма велика,

Коль болѣе бъ меня явился здѣсь владыка..
Сей только лишь пустой народный робкій шумъ,
Что боги есть коихъ не постигаетъ умъ,.
Коль болѣ есть меня, на что я повелитель?
На что же человѣкъ людскихъ здѣсь дѣлъ рѣшитель?
Ненадобно царей Египту уже днесь—
Вѣдь боги вмѣсто ихъ распоряжаютъ здѣсь
И святость ихъ въ краяхъ вселенныя летаетъ. .
Нѣтъ, сынъ мой! ихъ бытье въ себѣ не заключаетъ...
Ты зришь—я рушу ихъ престолъ, алтарь и храмъ
Не подвергаяся ихъ мстительнымъ громамъ.

Мицеринъ.

Не зрится-ль милости божественной въ семъ око?

Хеопсъ.

Престань о семъ твердить, невѣжество глубоко
Во всякой черни есть; но что святый законъ,
Какую принесетъ, намъ смертнымъ, прибыль онъ?
А я тебѣ скажу: едина Феоклида—
Коль боги есть, одна божественнаго вида,
Сія любезная, прекрасная княжна,
И въ сердцѣ и въ умѣ моемъ царитъ одна.

Мицеринъ.

Но оно мнѣніе не для тебя, родитель,
Преодолѣй себя, любви будь побѣдитель
И скажутъ всѣ тогда, что ты достойный царь.
(тихо отходя)
О рокъ мой, въ грудь мою злой смертію ударь.

Хефренъ *(входя).*

Ты дщери моея супругомъ быть желаешь
И съединить опять едино племя чаешь;
Но, братъ мой, неужель забылъ ты, что она
Царю Нубійскому въ невѣсты суждена?

Хеопсъ.

Ахъ, братъ мой и отецъ! любовницы родитель!
И въ огорченіи будь также утѣшитель!
Такъ, помню я сіе, но пылкая любовь
Мой разумъ отняла и взволновала кровь,
Велитъ мнѣ пренебречь обѣтъ и данно слово.

Хефренъ.

Но къ оному мое желанье не готово.

Хеопсъ.

Но я тебя прошу...

Хефренъ.

Не внемлю просьбѣ сей.

Хеопсъ.

Такъ знай же, что она неминетъ быть моей.

Хефренъ.

Иль ты ужъ позабылъ, что я ея родитель?

Хеопсъ.

Иль ты ужъ позабылъ, что здѣсь я повелитель?

Хефренъ.

Но ты мнѣ равенъ здѣсь: египетскій престолъ
Обоимъ намъ съ тобой по равенству пришелъ.

Хеопсъ.

Несчастный! или ты не видишь крови рѣки,
Которы мной лютъ въ Египтѣ человѣки?

Хефренъ.

Но я тебѣ ни въ чемъ, злой братъ, не упущу
И также, какъ и ты, на оныхъ казнь мещу,
Беги свою главу!

Хеопсъ.

Страшись самъ смерти лютой!
Возжегъ я ненависть къ тебѣ со сей минутой!

Хефренъ.

Жди мщенія, дрожи! забылъ я, что ты братъ

Хеопсъ.

Хотя погибну самъ, но ты пойдешь во адъ,
Се наконецъ достигъ благополучно время
И свергну я съ себя толико тяжко бремя!
Пришли желанны дни, отрадные мнѣ дни,
Въ кои противъ своей возстану я родни.

Дѣйствіе 2-е.

Хеопсъ и Пеламиръ.

Хеопсъ.

Достойны казни всѣ,—родня, друзья, вселенна
И будетъ въ скорости земля опустошенна,
Прольется кровь и я пролиту буду пить...
Сколь сладостно царю отмщеніе любить.

Пеламиръ.

Но кто тебя довелъ до этого отмщенья?
Лишъ братъ твой показалъ тебѣ сопротивленье.

Хеопсъ.

Достойны мести всѣ, виновны или нѣтъ,—
Царь ужъ всегда вину подданному найдетъ,
Погибнутъ всѣ и я послѣдній погублюся
И пагубой своей я самъ возвеселюся.

Пеламиръ.

Но отъ чего сіе, позволь себя спросить?

Хеопсъ.

Затѣмъ, что надобно то мною тако быть,
Царю то нравится,—достаточны причины.

Пеламиръ.

Нѣтъ къ оному, о царь, причинъ и половины,
Для наказанія, мнѣ мнится, есть законъ.

Хеопсъ.

Знай--заключается въ моей особѣ онъ!
Любовь, отмщеніе и варварство суть страсти,
Которы надо мной берутъ всю силу власти:
Хефреновъ злой конецъ и гибель сограждан
Суть-тѣ желанія къ коимъ стремлюсь.

(уходитъ).

Пеламиръ *(одинъ).*

Тиранъ!
Пробудешь ли всегда въ Египтѣ на престолѣ?
И будемъ ли когда въ щасливѣйшей мы долѣ?
Коль ты ужъ самъ себя не можешь пощадить
Такъ вѣрно египтянъ не дрогнешь погубить.

(входитъ вѣстникъ).

Пеламиръ.

О боги, что еще?

Вѣстникъ.

Война междоусобна,
Котору, Пеламиръ, дала судьба намъ злобна,
Пришла опять смущать родной страны покой,
Не видано еще несчастій сборъ такой...
Озлобленный Хефренъ на брата ополчился
И обступить Мемфисъ со всѣхъ сторонъ рѣшился,
Хеопсъ велѣлъ тебѣ войска свои собрать
И дикій замыселъ Хефрена покарать (*оба уходятъ*).

Феоклида (*входитъ плачущая*).

Противу брата братъ неслыханное бѣдство!
Какое можетъ быть изъ онаго послѣдство?
А я несчастная египетска княжна
Среди враговъ моихъ осталася одна!
Лишь только Мицеринъ кинжалъ остановляетъ,
До сихъ который поръ меня не поражаетъ.

Хеопсъ (*входя*).

Колеблется мой тронъ, колеблется вѣнецъ
И близко моего зрю царствія конецъ,
Лишь ты осталась мнѣ, о нѣжная утѣха!
Въ тебѣ начало я кладу всего успѣха.
О! восхоти княжна! вступить со мной во бракъ,
Престани отвергать, разсѣй ты овый мракъ,
Что вкругъ меня лежитъ. Сіе соединенье
Загладитъ прежнее твое сопротивленье,
Пойдемъ... Но ты молчишь! пойдемъ со мной во храмъ,
Въ супружней вѣрности чтобы поклясться тамъ.

Феоклида.

Но ты отвергъ боговъ, предъ кѣмъ же будемъ клясться,
Предъ кѣмъ съ тобою намъ, о царь! соединяться?

Хеопсъ.

Для случая сего я ихъ возобновлю,
Въ нихъ вѣровать на часъ и подданнымъ велю—
Я царь, мнѣ можно все.

Феоклида.

Ты тѣмъ лишишься чести.

Хеопсъ.

Царь честенъ, царь хорошъ, коли свирѣпой мести
Онъ предаетъ за все, предъ нимъ дрожитъ народъ,
Не смѣетъ на него никто разинуть ротъ!
А коли онъ казнитъ людей несправедливо
То всѣ лишь говорятъ—казнитъ онъ всѣхъ правдиво
Я царь Достаточно. Мнѣ можно убивать
И не теряя честь безчестно поступать.

Феоклида.

Такъ стало ты одинъ изъ сихъ звѣрей ужасныхъ,
Которые пьютъ кровь жертвъ своихъ несчастныхъ!
Хоть царь ты, но и ты такой же человѣкъ...

Хеопсъ.

Такой же, но посколь щасливѣе мой вѣкъ!
Я царь..

Феоклида.

Такъ что жъ?

Хеопсъ.

Я царь, то имя заключаетъ,—
Кто носитъ оное, людей всѣхъ превышаетъ.

Феоклида.

Есть тысяча царей, не у тебя лишь тронъ:
Въ Европѣ, въ Азіи есть множество коронъ;
Ты равенъ съ оными, а дѣлитъ добродѣтель
Лишь тотъ великій мужъ кто оныя содѣтель!
Упившійся въ крови невинныхъ хоть и царь,
Но чтится Истиной за саму низку тварь.

Хеопсъ.

Противъ себя речешь, противу сильной власти,
Котора властвуетъ надъ нами черезъ страсти
Но я не съ тѣмъ пришелъ сюда чтобъ разсуждать
А согласить тебя со мною раздѣлять
Тронъ, царствіе мое, начальство и корону.

Феоклида.

Пожди, дай срокъ пройти сему въ Египтѣ стону
Тогда женою ставъ твоей, забывъ себя
На свѣтѣ буду жить тогда лишь для тебя.

Хеопсъ.

Коль хочешь, для тебя я брань остановляю...
Сколь трустно зрѣть отца противникомъ, я знаю,—
Коль будетъ онъ моимъ, отдамъ тебѣ его,
Простишь родителя сама ты своего
Оставлю здѣсь тебя, бывъ въ лестной той надеждѣ
Что ты со мной теперь небудешь такъ какъ прежде...
Сюда придетъ къ тебѣ, дрожайшая, мой сынъ—
Утѣшить всякаго умѣетъ Мицеринъ
(*уходитъ*).

Феоклида (*одна*).

О боги! дайте силъ, нѣтъ мочи! о мученье!
Когда пройдетъ сіе въ Египтѣ злоключенье?
Когда падетъ злодѣй? Когда престану я
Лукавить такъ ему? Горька ты, часть моя!
Любезный Мицеринъ, нещастны мы съ тобою!
Почто нельзя смѣнять намъ съ пастырьми судьбою?
Тѣ щасливы всегда, пріемлютъ сколь утѣхъ
Въ лобзаніяхъ своихъ незрятъ они помѣхъ
А мы, хотя должны довольствоваться троном
Подвласны же любви единомъ только стономъ.
Почто зачаты мы въ утробахъ матерей,
Что были женами великихъ сихъ царей!
О боги! лучше бы отъ трона отдаленны
Хотя бъ пастырьми, но были бъ съединенны;
Увы, нещасна я! о ты любовь, любовь!
Ты нѣжность мнѣ дала, теперь мнѣ смерть готовь!
О стѣны! васъ беру въ свидѣтели кончины!
Что можетъ тяжелѣе быть моей судьбины?!...
(*вынимаетъ изъ кармана пузырекъ съ ядомъ*).
Сейчасъ свершится все... (*хочетъ пить*) ахъ, выпить
или нѣтъ?
Остануся на часъ, позрю еще на свѣтъ
(*прячетъ пузырекъ*).
Проститься съ княземъ мнѣ любовь повелѣваетъ
Что на меня свои оковы налагаетъ
(*входитъ Мицеринъ*)
Надежды болѣ нѣтъ, возлюбленный мой, намъ
Не достигаетъ стонъ мой скорбный къ небесамъ,
Ниспасли въ бездну мы великія напасти,
Нельзя пренебрегать Хеопсовой намъ власти!

Мицеринъ.

Препонъ я некладу... Соединяйся съ нимъ...
Пусть буду я одинъ страданьемъ одержимъ...

Феоклида (*смятенна*)

Ахъ, что ты говоришь!

Мицеринъ.

Не самъ собой вѣщаю, —
Желаніе твое я этимъ исполняю

Феоклида.

Ужели?.. Боги!.. Ты!...

Мицеринъ.

Довольно знаю я!
О ты жестокая! измѣна мнѣ твоя
Увы, являетъ намъ сколь можно ошибаться
Захощемъ коль на дѣвичьи слова мы полагаться

Феоклида.

Ревнивость зрю твою!

Мицеринъ.

На истинѣ одной
Основана она, поступокъ вижу твой
(*вынимаетъ мечъ и хочетъ заколоться*)
Зри смерть любовника нещаснаго!
Феоклида (*отнимаетъ у него мечъ*) О боги!

Мицеринъ.

Почто ко счастію пресѣкла мнѣ дороги?
Владычествуй ты здѣсь, бывъ царскою женой...
Мнѣ должно умереть

Феоклида.

Живи, мой князь, со мной
Ревнивости твоей познала я причину
Снимаю для тебя теперь свою личину:
Хеопсу льстила я, онъ звалъ меня во храмъ
Коль не польстила бы, нещастнымъ быть бы намъ!
Просила я его отсрочить брака время
За тѣмъ чтобъ разсудить съ тобой какъ свергнуть бремя;
А ты пріялъ сіе съ противной стороны?

Мицеринъ.

Ахъ сколько можемъ мы быть въ семъ обольщены!
Зрю правду я твою и страсти ухищренья
Ревнивости своей могу ль просить прощенья?

Феоклида.

Ахъ, милый Мицеринъ, намъ надо поспѣшать,
Намъ слѣдуетъ съ тобой всѣ средства избирать
Избавиться скорѣй отъ случая противна...
Десница Божія въ дѣлахъ чувесъ предивна!

Мицеринъ.

Увы, погибло все! незнаю что чинить!
Чью сторону теперь должно мнѣ защитить?
Здѣсь мой родной отецъ, тамъ твой стоитъ родитель
И каждый же изъ нихъ страны своей мучитель;
Что мнѣ чинить? Увы, я чувствую, конецъ
Любви печальныя положитъ мой отецъ.

Феоклида.

Ты тайно хочешь ли изъ града удалится?
И браномъ съединясь отъ всѣхъ на вѣкъ сокрыться?

Мицеринъ.

Ты зришь сама—Мемфисъ во вражескомъ огнѣ
Возможно ль оставлять его при бѣдствахъ мнѣ?
Бывъ злаго сынъ царя я долженъ быть народа
Убѣжище, покровъ,—то требуетъ природа,
Дано оберегать престолъ мнѣ отъ боговъ

Феоклида.

Ты праведно сказалъ, но если рокъ таковъ
На что мнѣ жизнь тогда? ты князь, живешь для царства
А я живу за тѣмъ чтобъ бѣдствій зрѣть мытарства
Такъ лучше сниду я во преисподній адъ
Чѣмъ жить мнѣ здѣсь одной и мучиться стократъ
(вынимаетъ пузырекъ).
Прощай, любезный князь, скажи отцу и дядѣ...
Что умираю я твоей любови ради.

Мицеринъ *(выхватывая пузырекъ).*

Постой остановись! живу я для тебя,
Въ твои желанія я отдаю себя

Феоклида.

Почто не далъ умреть?

Мицеринъ.

О, нѣжна Феоклида,
Чуть твоего на вѣкъ я не лишился вида!
Милѣй ты мнѣ всего, любезная княжна,
И въ сердцѣ, и въ умѣ моемъ царишь одна.
На произволъ боговъ отечество оставлю
И путь мой по твоимъ веленіямъ направлю

Феоклида.

Пойдемъ!

Мицеринъ.

Постой!

Феоклида.

Пойдемъ!

Мицеринъ.

Ахъ, сильная любовь
Воспламенила ты во мнѣ младую кровь
(*Взявшись руками уходятъ*).

Дѣйствіе 3-е.

Хеопсъ (*одинъ*).

О, рокъ, о, верхъ бѣды! Княжну и Мицерина
Сейчасъ бы разорвалъ. Сколь злая мнѣ судьбина!..
Обманщики сіи! противъ меня возстать
Да мало этого—осмѣлился пылать
Любовію онъ къ той, которой я плѣнился,
И съ ней еще ушелъ! О, сколь я поразился
Моею злобною, противною судьбой.
Мнѣ мнится, я вражду началъ бы самъ съ собой,
Хоть царь я, но бѣднѣй бѣднѣйша рыболова,
Мнѣ кромѣ казни нѣтъ довольствія другого,
Кровь подданныхъ моихъ гласитъ на небеса.
Ахъ, поздно на боговъ вскрываю я глаза,
Не смѣю приступить ко алтарямъ священнымъ,
Въ странѣ египетской мной дерзко разореннымъ.

Такъ пусть отчаянный безбожникомъ умру;
Но прежде подданныхъ жизнь казнію пожру.
(*Входитъ Пеламиръ*).
Какія вѣсти?

Пеламиръ.

Царь, съ Хефреномъ мы сразились
И воины его съ моими храбро бились;
Но напослѣдокъ рокъ Хефрена поразилъ,
Хефрена Пеламиръ на полѣ побѣдилъ,
Живымъ попался мнѣ и ждетъ твоей онъ мести.

Хеопсъ.

Ахъ, сколько, другъ царевъ, я радъ отъ этой вѣсти!
Сейчасъ его представь.
(*Пеламиръ уходитъ*).
Ликуй, Хеопсъ! мой врагъ теперь въ моихъ рукахъ.
Умри, злой братъ! умри! развѣю твой я прахъ.
(*Входятъ Пеламиръ, Хефренъ и двое солдатъ, его ведущіе*).

Хефренъ.

Рази, тиранъ, свершай!...

Хеопсъ.

Попался ты мнѣ въ руки
Затѣмъ, чтобы пріять за дерзость тяжки муки.

Хефренъ.

Неустрашаюсь симъ; на что мнѣ жизнь теперь,
Коль мучить не могу тебя, о, лютый звѣрь!
Мнѣ казнію своей осталось веселиться,
О, рокъ! почто нельзя мнѣ самому убиться.

Хеопсъ.

То рокъ тому вручилъ, кто здѣсь есть государь,
Казнитъ и милуетъ преступниковъ самъ царь;
Мой сынъ и дщерь твоя изъ града убѣжали,
Не у тебя ль они?

Хефренъ.

Ихъ нѣтъ, они пропали;
Но лучше бы убилъ своею ихъ рукой
И былъ бы радъ тому, что сынъ твой умеръ мной.

Хеопсъ.

Но тщетно льстишься ты и что теперь вѣщаешь?
Тѣмъ самымъ ты себѣ казнь злую обѣщаешь.

Хефренъ.

Желаю смерти я, чтобъ выдти изъ оковъ
И выгнать на тебя изъ ада всѣхъ бѣсовъ,
Мой духъ, мой злобный духъ Хеопса не оставитъ.

Хеопсъ.

Мнѣ скорости твой духъ ко смерти не прибавитъ:
А я могу его и въ тѣлѣ истребить
И по концѣ своемъ не будешь больше жить

Хефренъ.

Отмщай, злодѣй!

Хеопсъ.

Отмщу и, отомстивши брату
Я удовольствіе возьму себѣ въ уплату,
Какъ сладко будетъ мнѣ на кровь твою взирать,
Трупъ бездыханный твой ногами попирать.
Для случая сего блага моя судьбина!

Хефренъ.

Коль ты пребудешь живъ, пріятна мнѣ кончина.

Хеопсъ.

Въ тюрьму его!

(*Воины Хефрена уводятъ*)

Повсюду бѣглецовъ
Велѣлъ ли ты искать, послалъ ли ты гонцовъ?

Пеламиръ.

Поспѣшно бѣгаютъ, въ лѣсахъ, въ болотахъ ищутъ,
По ихъ слѣдамъ египтяне всѣ рыщутъ.

Хеопсъ.

Я вижу тѣ труды, что ты являешь мнѣ,
За это награжденъ въ сей будешь странѣ.

Пеламиръ (*одинъ*).

Ты скоро упадешь жестоко съ пышна трона.
Ужъ на главѣ твоей колеблется корона,
Врагъ человѣчеству, ты врагъ и божеству;
Но также, какъ и мы, подверженъ естеству.
Падешь, тиранъ, падешь, и падши не возстанешь
И поздно проклинать свою жестокость станешь.

Ты гордъ, напрасливъ, лживъ, жестокъ, безпутенъ, золъ;
Подъ властію твоей великій сей престолъ,
Который ты багришь лишь кровію неечастныхъ,
Но знай! погибнешь ты отъ этихъ же подвластныхъ,
Которыхъ ты казнишь; узрю я твой конецъ,
О, бѣдной сей страны палачъ, а не отецъ!
А ты сугубишь зло, дневное о свѣтило!
Какъ ты упадъ, давно злодѣя не покрыло!
И ты земля, о! какъ развершися подъ нимъ,
Его ты не пожрешь и мерзости всѣ съ нимъ!
О, боги, воружить потщитесь Пеламира,
Дабы странѣ своей сталъ онъ предтечей мира.
На что мнѣ жизнію своей дорожить,
Когда отечеству ей можно послужить?
Умру, тиранъ, умру, себя я симъ прославлю
И дни блаженные отечеству доставлю.

Вѣстникъ (*входя*).

Готовься отъ меня внимать ты страшну вѣсть,
Что долженъ я тебѣ, увы! теперь донесть!

Пеламиръ.

Вѣщай!

Вѣстникъ.

Увы! нашли княжну и Мицерина.
О! добродѣтельныхъ печальная судьбина!
Они ужъ во дворцѣ со стражами вокругъ...
Что дѣлать намъ теперь, о нещасливыхъ другъ?

Пеламиръ.

Ступай, скажи про нихъ и будь въ притворномъ видѣ.
(*Вѣстникъ уходитъ*).
Пойду ко князю я и къ бѣдной Феоклидѣ.

Дѣйствіе 4-е.

Хеопсъ и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

О, царь! Благая вѣсть—угодно небесамъ,
Чтобъ Мицеринъ съ княжной попались въ руки намъ.
Она покрыта была вся мужской одеждой,
Тѣмъ очи обмануть ласкался надеждой,

Но не могла стаить себя отъ нашихъ глазъ,
Ихъ выслѣдили мы внимая твой приказъ,
И въ градъ ихъ привели. Свершай надъ ними казни
Или являй ты имъ опять свои пріязни.

Хеопсъ.

Введи мнѣ ихъ сюда скорѣе (*Вѣстникъ уходитъ*)
Какъ рѣшить
Его ли одного иль вмѣстѣ съ ней убить?
Убью обоихъ ихъ! пусть это наказанье
Египту въ грозное послужитъ назиданье
(*Входятъ Мицеринъ, Феоклида одѣтая въ мужское платье, Пеламиръ и воины*).

Феоклида.

Карай, злодѣй, карай, кинь молнію и громъ,
И собственный рази, губи нещасный домъ.

Хеопсъ.

Вы рано-ль, поздно-ли, попались напослѣдокъ!

Мицеринъ.

Несчастія ударъ! Колико въ насъ ты мѣтокъ!

Хеопсъ.

Неблагодарный сынъ, ты раздражилъ отца,
Но знай что ты достигъ ужь дней твоихъ конца,
Княжна, умрешь и ты!

Мицеринъ.

Я не достоинъ жити,
Отецъ мой, поспѣшай скорѣй меня казнити...
Княжну прости, вѣдь я виновенъ, не она.

Феоклида.

Коль ты умрешь и я пусть буду казнена,
Что мнѣ за жизнь здѣсь безъ тебя, о милый!
Мнѣ будетъ бѣлый свѣтъ противный и постылый.

Хеопсъ.

Коварная, лукавь передо мной теперь!

Феоклида.

Скажу ли правду я тебѣ, о дикій звѣрь!
Лукавила тебѣ, плѣняя умъ твой звѣрскій.

Хеопсъ.

Наказана за сей поступокъ будешь дерзкій

Феоклида.

Пусть будетъ такъ: умру не премѣня любовь
И не воспламенивъ свою къ другому кровь.

Хеопсъ.

Но я мой гнѣвъ съ тебя съ условіемъ слагаю
А казнь лишь одному я сыну полагаю.

Феоклида.

Нѣтъ, нѣтъ умру и я!

Мицеринъ.

Живи, живи, княжна!

Феоклида.

Другая мысль въ моей душѣ положена:
Хочу я умереть съ тобой неразлучаясь.

Мицеринъ.

Я прожилъ свою жизнь лишь съ бѣдствіями встрѣчаясь;
О, верхъ всѣхъ бѣдствъ моихъ...

Пеламиръ (*Хеопсу*).

И сына жалкій стонъ
Не тронетъ, царь, тебя?

Хеопсъ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ мерзокъ онъ!
Ахъ ты княжна, когда ты хочешь быть на свѣтѣ,
Такъ согласись во мнѣ царя—супруга зрѣти,
Получишь жизнь себѣ ты этою цѣной.

Феоклида.

Злодѣй! какъ думать смѣлъ ты утѣшаться мной?!
Женою-ли мнѣ быть тому кто тигра злѣе,
Кто царь по имени, но смерда кто подлѣе!

Мицеринъ.

Отдайся и живи...

Феоклида.

Хочу чтобы и тѣнь
Моя была съ твоей!

Хеопсъ.

Пусть такъ! И въ сей же день
Не будетъ вашего на свѣтѣ ономъ праха.

Феоклида.

О, смерть! къ тебѣ иду я радостно, безъ страха!
Я вмѣстѣ съ нимъ умру! О радость! князь, умремъ!
Но въ казни мы вѣнцы безсмертья обрѣтемъ

Мицеринъ.

Умремъ! Судьба велитъ, ей должно покориться
О боги! дайте намъ по смерти съединиться!

Хеопсъ.

Молчи и трепещи, несчастный!.. Я взбѣшенъ...
(*Пеламиру*)
Хефрена привести, пусть просьбъ приложитъ онъ

Пеламиръ (*тихо отходя*).

Придетъ твоя чреда.
(*Воины за нимъ уходятъ*).

Хеопсъ.

Польются крови токи

Феоклида.

Представь себѣ свои злодѣйскіе пороки...
Честнѣе умереть, чѣмъ звѣрски обладать

Хеопсъ.

Нещастная! не тщись Хеопса раздражать!
Забыла ты кто онъ?

Феоклида.

Онъ бѣдныхъ утѣснитель
А добродѣтельныхъ палачъ и злой гонитель,
Онъ извергъ, онъ злодѣй и недостойный царь!

Хеопсъ.

Преступница, себя жесточе не ударь

Феоклида.

Пролей ты кровь мою, терзай и рѣжь мнѣ жилы
Мнѣ смертные часы ужъ болѣ жизни милы,
Рази—вотъ грудь моя!

Хеопсъ.

Въ тебѣ не женскій духъ!
Потщусь чтобъ отъ руки моея онъ потухъ
(*Входитъ Хефренъ въ цѣпяхъ, 2 воина и Неламиръ*).

Хефренъ.

Зачѣмъ велѣлъ меня передъ себя привести?
Иль хочешь своея удвоить силу мести?

Хеопсъ.

Нѣтъ, знай: я властелинъ надъ дщерію твоей;
Коль хочетъ быть она супругой моей
Я возвращу тебѣ свободу, власть и силу
Лишь приклони ко мнѣ ты Феоклиду милу

Хефренъ (*Феоклидѣ*).

Нѣтъ, лучше ты умри и я умру съ тобой

Хеопсъ.

Такъ въ сей же день вы казнь узрите надъ собой

Хефренъ.

Съ тобой единая носила насъ утроба;
Но я твой злѣйшій врагъ до самаго до гроба!
Убей меня, злодѣй! Содѣлай мнѣ конецъ.

Феоклида (*къ Хефрену*).

Что повелѣлъ ты мнѣ, исполню, мой отецъ!

Хеопсъ (*воинамъ*).

Въ темницу узниковъ: Хефрена отдалите,
А сихъ любовниковъ въ едину посадите.
Пусть мучатся они, кляня свой злобный рокъ.

Хефренъ (*уходитъ*).

О еслибъ задушить тебя я тотчасъ могъ!
(*Плѣнники уходятъ*).

Хеопсъ.

О, Пеламиръ! узрю я скоро ихъ кончину,
Но тѣмъ не умягчу сердечную кручину.
Придется самому себя мнѣ заколоть.
Я вижу—обуздать сколь трудно свою плоть...
Но прежде все падетъ, оставь меня едина!
(*Пеламиръ уходитъ*).
О, что за страшная ужасная картина
Я вижу—фуріи летаютъ всѣ вокругъ...
Ихъ хохотъ дикій мой внимаетъ въ страхѣ слухъ.
Умри, злодѣй, умри!—онѣ мнѣ всѣ вѣщаютъ...
Что это?.. никого... мечты мой духъ смущаютъ.
Предчувство мрачное не кажетъ ли впередъ
Что рокъ меня теперь къ погибели ведетъ?!..
О боги! коль вы есть, часъ только подождите
Мою ужасну смерть на часъ остановите;
Да буду отомщенъ: мечъ кровью обагривъ
Семейныхъ всѣхъ моихъ, сойду во адъ счастливъ.

Дѣйствіе 5-е.

Мицеринъ, Феоклида и воины.

Воинъ.

Тамъ узники таща тяжелыя оковы
Желаютъ вамъ предстать

Мицеринъ.

Мы видѣть ихъ готовы,
Но коли для того чтобъ милость испросить —
Не можемъ никому теперь мы пособить!

Феоклида.

Пусть внидутъ, пусть узрятъ царевича страданье,
Пусть къ нашимъ и свое соединятъ рыданіе.

Мицеринъ.

Впусти (*воинъ уходитъ*) Ахъ, тяжко зрѣть мнѣ оныхъ
сограждан!..
Сколь каждому изъ нихъ жестокій жребій данъ

Узникъ (*входя съ другими узниками*).

Пришли въ послѣдній разъ увидѣть васъ, коль можно,
Васъ коихъ добрыми зовутъ вездѣ неложно!

Пришли вамъ возвѣстить что наша смерть славна,
Коль съ вашею она теперь сопряжена

Мицеринъ.

(*Показывая на свои оковы*) Вотъ, зрите... о! друзья, вы
плачете со мною!
О боги! пораженъ такою я судьбою!
Не о себѣ, друзья, объ васъ я бѣдныхъ плачу;
Увы! какъ вамъ помочь? я днесь ничто не значу.

Узникъ.

На свѣтѣ семъ, увы, кто добрымъ хочетъ быть,
Тотъ долженъ слезъ потоки горькіе испить!

Мицеринъ.

Увы мнѣ, о, друзья! помочь вамъ не умѣю!

Феоклида.

Безъ грусти можно жить, о боги! лишь злодѣю!
Смятенная во мнѣ охладѣваетъ кровь
О, злобный рокъ! скорѣй ты смерть мою готовь,
Приди, послѣдняя, желанная минута!
Ступай ты отъ меня, о, жизнь толико люта!

Воинъ. (*входя*).

Отъ имени царя я извѣщаю васъ—
Готово къ казни все, пришелъ вашъ смертный часъ
Самъ царь сюда придетъ

Мицеринъ (*узникамъ*).

Скорѣе удалитесь:
Хеопсъ увидитъ васъ и жизни вы лишитесь.

Узникъ.

Готовы мы съ тобой быть въ пыткѣ на огнѣ

Мицеринъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ступайте прочь, то зрѣть несносно мнѣ.
Послушны будьте напослѣдокъ Мицерину,
Не учините злѣй его теперь кончину.

Узники.

Прощай, о князь! послушны мы тебѣ
Идемъ хотя чинимъ насильство тѣмъ себѣ
(*Уходятъ*).

Феоклида.

Не будетъ и во вѣкъ судьбы другой подобной
Гонимые отца ненавистію злобной,
Умремъ сраженные злодѣйской рукой

Мицеринъ.

Крѣпись, княжна, намъ рокъ, увы теперь такой:
Опредѣленное надъ нами совершится,
Душа отъ горести и мукъ освободится...
Великодушный духъ съ добротою храня,
Престань печалиться хотя бы для меня.

Феоклида.

Египетъ разоренъ, а самъ ты въ заключеньи
И смерть насъ ждетъ. Судьбы безъ жалости теченье

Мицеринъ.

О боги! се конецъ всѣмъ добрымъ тѣмъ дѣламъ
Что дѣлали мы съ ней, послѣдуя въ томъ вамъ.
(*Феоклидѣ*) Не плачь! не лучше ли по смерть не разлучаться,
Чѣмъ разлученными на свѣтѣ жить остаться?

Пеламиръ (*входя*).

Любезные князья, пришелъ васъ навѣстить.

Мицеринъ.

Тѣхъ, что ужъ черезъ часъ не будутъ болѣ жить?
Сказали намъ сейчасъ готовыми быть къ казни

Пеламиръ.

Ахъ!.. Ждите отъ меня вы лучшія пріязни

Мицеринъ.

Что хочешь..

Пеламиръ.

Время нѣтъ того мнѣ объявить;
Но вѣдай, что страну хочу я исцѣлить.

(*Уходитъ*)

Феоклида.

Боюсь, чтобъ изъ-за насъ онъ не попалъ въ напасти..
Забывъ, что отвратить нашъ рокъ онъ не во власти,

Ввергнетъ себя въ бѣду. По ревности его
Льзя ждать чего нибудь чрезмѣрно отъ него

Мицеринъ.

Ты правду говоришь—хоть Пеламиръ и смертный
Но добродѣтелью и благостью безсмертный
О боги! слѣлайте, чтобъ въ случаѣ семъ онъ
Изъ очевидныхъ бѣдъ безвредныхъ вышелъ вонъ.
Я что-то чувствую, мнѣ что то предвѣщаетъ,
Что Пеламиръ себя въ опасность повергаетъ

Вѣстникъ (*вбѣгая*).

Внимайте, о, князья! пришелъ вамъ возвѣстить!
Хеопсъ не преминулъ Хефрена умертвить
И не довольнъ бывъ Хефреновой злой муки
Пылая гнѣвомъ, онъ беретъ сосудецъ въ руки
Наполнилъ весь его онъ кровію изъ ранъ,
Которая текла Хефреновыхъ,—какъ вранъ,
Алкая выпить то; вдругъ Пеламиръ явился,
Кинжалъ имѣлъ въ рукѣ, къ Хеопсу устремился,
Ударилъ, умертвилъ, Хеопса въ адъ ввергнулъ,
Потомъ противъ себя кинжалъ онъ повернулъ,
Рекъ: лучше я умру какъ царства отомститель,
И Мицерина бывъ отъ смерти избавитель!
Кинжалъ блеснулъ .. увы! его ужь больше нѣтъ,
И въ рай душа его навѣрно ужъ идетъ.

Феоклида.

Десница божія въ семъ дѣлѣ вѣрно править
За добродѣтели котора не оставитъ!

Мицеринъ.

Ахъ, онъ уже не живъ, любезный Пеламиръ,
Который ото зла избавилъ сразу міръ!

(*Входитъ Пеламиръ, воины поддерживаютъ его*).

Пеламиръ.

Благія небеса щедроту мнѣ явили,
На нѣсколько часовъ мнѣ жизнь остановили...
Во мнѣ убійцу зри ты своего отца
И благоденствія Египета творца.

Мицеринъ.

Увы! твоей рукой, о другъ, убитъ родитель!

Пеламиръ.

Не долго будетъ жить на свѣтѣ твой отмститель,
Хочу я умереть... Египетъ защитивъ
И жало... отъ него Хеопса отвративъ.
Да здравствуетъ нашъ царь! Щастливымъ умираю,
Коль Мицерина я Египту оставляю
Жить болѣ не хочу... жду своего конца...
Мнѣ лучше смерть чѣмъ зрѣть скорбь твоего лица,

Мицеринъ.

Ты невиновенъ въ томъ, виновно Провидѣнье,
Которое кладетъ на злыхъ свое отмщенье.
Счастливою страной тогда бъ Египетъ былъ,
Коль много бы тебѣ подобныхъ породилъ.
Повѣрь, то истина, что я тебѣ вѣщаю.
На случай сей родство совсѣмъ я забываю.

Пеламиръ.

Ничто не пропускай, и это говори:
Коль были бы тебѣ подобны въ немъ цари.
Ты добръ! я при смерти твой путь благословляю,
На тронѣ семъ тебѣ я долго быть желаю.

Феоклида.

О боги, смерть его насъ скорбію разитъ!

Мицеринъ.

Ахъ, другъ мой, смертію твоею я убитъ!

Пеламиръ.

Напрасно! не грусти! конецъ тебѣ мой кстати,
Коли не хочешь ты природѣ прирекати,
Которая велитъ за сродниковъ отмщать,
А паче за своихъ отца или за мать.
О, царь, и ты, княжна, счастливо съединитесь,
Забывши прошлое, о подданныхъ пекитесь!

Мицеринъ.

Я волю зрю боговъ!

Пеламиръ.

Приходитъ смерти часъ. .
Въ туманѣ... и въ дали, о други, вижу васъ.
Со добродѣтелью царите на престолѣ
Страна египетска и люди въ вашей волѣ,
Старайтесь учинять щастливыми рабовъ,
А мнѣ повелѣно умрети отъ боговъ!

(*Падаетъ на руки воинамъ*).

Конецъ трагедіи.

1802—1808 гг.

(См. стр. 16—18, 27).

---

1. Добродѣтель.

Законъ тогда ничто, какъ чужда добродѣтель
И только лишь тогда блаженъ есть человѣкъ,
Когда онъ добрыхъ дѣлъ на свѣтѣ семъ содѣтель
И если мудрости его исполненъ вѣкъ;
Хотя въ невѣріи онъ древнемъ утопаетъ,
Но это класть ему не можно за вину,
Затѣмъ что вѣру онъ земли той исполняетъ,
Гдѣ Богъ ему опредѣлилъ быть рожденъ;
Но тотъ виновнѣе, кто въ истинномъ законѣ
Грабитель и злодѣй, къ стенаньямъ бѣдныхъ глухъ:
Нерону злому сей подобится на тронѣ
А къ первому возьмемъ Аврельенъ добрый духъ.

(1802)

---

2. Пѣсенка 1-я.

(На голосъ „Помнишь ли меня, мой другъ, въ дальней сторонѣ“).

Можетъ ли утѣшиться
Сердце въ семъ краю
И предать забвенію
Родину свою?
Сердце удрученное!
Вздохъ есть твой отвѣтъ...
Ты чрезъ грудь стѣсненную
Шепчешь мнѣ: Ахъ, нѣтъ!
Можно-ль гдѣ спокойнѣе
Быть какъ въ тѣхъ мѣстахъ
Гдѣ родясь играли мы
Въ молодыхъ лѣтахъ?

Гдѣ сперва мы встрѣтили
Видъ природы всей,
Гдѣ сперва имѣли мы
Молодыхъ друзей?
Есть мѣста прелестныя
На чужомъ краю...
Ахъ! но сердце клонится
Въ родину свою.
Тамъ оно покоится,
Тамъ оно живетъ,
Гдѣ его отечество—
Весь его тамъ свѣтъ,
Кажется, пріятнѣе
Птички тамъ поютъ,
Рѣки и источники
Чище тамъ текутъ;
Сторону далекую
Какъ бы не любить,
Но со отчизной милою
Можно ли сравнить?..
Полюбить чтобъ болѣе
Родину свою
Надобно пространствовать
На чужомъ краю...

(Писано въ Клейнъ Юнфернгофѣ въ 1803 г.).

---

3. Изъ Оржевки въ Оренбургъ.

Любезный братъ Николай Трофимовичъ!
Чрезъ степи, чрезъ лѣса, чрезъ горы, черезъ рѣки
Я приношу къ тебѣ медлительный отвѣтъ,
Который можетъ быть, чрезъ путь идя далекій,
Отъ безпокойствія пріиметъ блѣдный цвѣтъ
И слабые стихи придя въ изнеможенье,
Несносны бывши здѣсь, несноснѣй будутъ тамъ..
О ты! что мнѣ внушилъ поэта восхищенье!
Почто ты крѣпости не далъ моимъ стихамъ?!
Иль муза что на часть мою опредѣленна,
За злой болѣзню идти не можетъ въ путь,
Вокругъ Кирсанова скитаться принуждена
Она за рубежи не можетъ и шагнуть?
Увы! въ сей крайности ты видишь, братъ любезный,
Колико я гонимъ жестокою судьбой

И то что я пріялъ совѣтъ теперь полезный
Въ опасность не ввергать съ стихами томъ большой,
Но удовольствуйся ты малымъ симъ писаньемъ
Что нынѣ я сложилъ изъ двадцати стиховъ
А для тебя мой трудъ съ напраснымъ прилежаньемъ
И часъ и два часа я потерять готовъ.

1803 года. Твой вѣрный братъ А. С.

---

4. Пѣсенка 2-я.

(Сочиненная мною въ Клейнъ Юнфернгофѣ 1804-го года, марта 3-го дня, на голосъ „Au bord d'un ruisseau" и т. д.).

Напрасно, сонъ прелесной,
Меня ты обманулъ!
И о странѣ любезной
Напрасно вспомянулъ!
Проснувшись въ тужъ минуту
Узналъ я горесть люту,
Что зрѣлъ я лишь мечту.
Какой мнѣ милъ предметъ
Коль милыхъ со мной нѣтъ?
Мнѣ снилось быть въ объятьяхъ
Родителей моихъ
И близь любезныхъ братьевъ
Мечталъ я быть своихъ;
Вдругъ свѣтъ блеснулъ мнѣ въ очи,
Сталъ день скучнѣе ночи...
Гдѣ пѣснь моихъ сестеръ?
Одинъ какъ средь степей
Въ странѣ я скучной сей!
О скука, скука люта!
Почто меня такъ гнать?
Приди хотя минута
Покой мнѣ даровать.
Иль только сонъ единый
Миритъ меня съ судьбиной,
Довольство мнѣ даритъ?
Всегда, драгой Тамбовъ,
Летѣть къ тебѣ готовъ.
Тамъ кажется, свѣжѣе
И воздухъ для меня,
Красавицы нѣжнѣе

И самъ здоровѣй я;
А здѣсь сама природа
Какъ мрачная погода
Мнѣ кажется всегда!
Хоть солнца лучъ блеститъ
Но сердце все груститъ.

---

5. Элегія на смерть отца.

Увы, какая вѣсть мнѣ! мрачная могила
Прахъ тлѣнный моего родителя сокрыла!
Лишенъ виновника я юныхъ моихъ дней
И горесть отдалась теперь въ душѣ моей...
Почто я не могу обнять хотя могилы
Гдѣ онъ лежитъ теперь безъ жизненныя силы!
Природа, спутница чувствительныхъ людей,
Я почитатель былъ всегда красы твоей...
По тихимъ вечерамъ какъ ясное свѣтило
Величественный бѣгъ свой къ западу клонило
И легкій вѣтръ зефиръ порхалъ между древесъ,
Тогда любуяся пріятностью небесъ
И свѣжесть вечера на берегу вкушая,
Заботы свѣтскія совсѣмъ я забывалъ,
Сводъ синій искрами усѣянъ созерцая
Я униженный духъ къ восторгамъ возвышалъ.
Тамъ нѣжный соловей въ тѣни зеленой рощи
Привѣтствуя приходъ пріятной лунной нощи
Пѣснь разсыпалъ свою и услаждалъ мой слухъ.
Въ муравныхъ здѣсь брегахъ источникъ свѣтлый, чистый
Влача стремительно хребетъ свой серебристый
И взоръ мой веселилъ и утѣшалъ мой духъ;
Свѣтла душа моя была какъ тока волны
И я пріятности небесныя вкушалъ
А нынѣ уже я печали мрачной полной
Напрасно-бъ радостей искать подобныхъ сталъ..
Природа самая меня не привлекаетъ,
Въ глазахъ моихъ все видъ печальный принимаетъ:
Печаленъ древній лѣсъ, печаленъ чистый долъ,
Гласъ нѣжный соловья похожъ на гласъ надгробный,
Шумъ чистаго ручья—то вѣчности глаголъ
А звѣзды—свѣточи небесной сферы темной,
Зелена мурава являетъ крыши видъ
Подъ коей прахъ отца безчувственный лежитъ

О, грусть душевная! ударъ судьбы жестокій
Осталось проливать лишь только слезъ потоки
Ко облегченію ужасныя тоски.
Горящая слеза, изъ глазъ ты истеки,
Омой не монументъ надменностью сваянный,
Но холмъ могилы лишь любовію созданный.

(1804).

---

6. Изъ Клейнъ Юнфернгофа въ Оренбургъ къ брату Николаю Трофимовичу второе письмо.

Любезный братъ Николай Трофимовичъ!

Еще свои стихи тебѣ я посвящаю
И рифмотворствовать я Музу заставляю;
Ты самъ сего просилъ и точно для того
Съ конца отечества въ другой конецъ его
Нескладныя сіи я строки посылаю.
Любезный братъ! Твое я снисхожденье знаю;
Я знаю, что меня въ ошибкахъ извинишь
И осмѣяніе надъ слогомъ отмѣнишь.
Всякъ склонности свои къ чему нибудь имѣетъ:
Виновенъ ли и я, что Муза мной владѣетъ
А ни трубы и ни свирѣли не даетъ...
Охота или страсть меня къ стихамъ влечетъ
Хотя, по истинѣ сказать, и безтолковымъ—
Но я кажусь всегда къ признанію готовымъ
Да впрямь—и то сказать: кто въ странной жизни сей
Ослиныхъ не носилъ когда нибудь ушей?
Николушка мой другъ! Коль нѣтъ трубы, свирѣли
Съ простой волынкою туда-жъ мы загремѣли,
Лишь въ сердцѣ бъ братная покоилась любовь
И помнилъ бы я то, что въ насъ едина кровь.
Теперь склоняю я къ тебѣ свое прошенье
Въ чемъ вѣрно получу я удовлетворенье,—
Займися нѣсколько ты для меня часовъ,
Пришли картиночку ко мнѣ своихъ трудовъ.
Изобрази ты въ сей картинѣ вожделѣнной
Склонивъ свое чело чтобы башкирецъ плѣнный
Свои законныя оковы лобызалъ,
Иль чтобы злой киргизъ лукъ тяжкій напрягалъ,
Но страхомъ вдругъ объятъ, Россіи бъ устрашился
И силѣ оныя мгновенно покорился,
Чтобъ онъ... но мнѣ-ль тебя въ искусствѣ семъ учить?

Напрасно буду симъ письмо свое я длить
Ужь нощь... давно Морфей зоветъ меня къ покою
И Муза говоритъ, что лишнее я строю,
И такъ прощай! скажу безъ околичныхъ словъ,
Что я твой вѣрный братъ, твой Алексѣй Слѣпцовъ.

1804.

---

7. Пѣсенька 3-я.

Переведенная съ французскаго на россійскій языкъ изъ Флоріановой „Галатеи“ мною.

Не зрѣли бъ никогда мы чистый день нигдѣ
Всегда бы душу скорбь жестоко угнетала
Когда бы нашу жизнь любовь не утѣшала,
Цвѣтами не слала-бъ печальный путь вездѣ.
Любовь, мы чтимъ твою неволю:
Коль два любовника грустятъ,—
Чтутъ бѣдствій половину долю,
Тобой двойную радость зрятъ.
Нещасну быть нельзя кто любитъ и любимъ
Отъ слова, отъ одной улыбки онъ зависитъ
Вотче враждебный рокъ бѣду его возвыситъ
Онъ слышитъ: „ты мнѣ милъ“, и счастливъ словомъ симъ
Любовь, мы чтимъ твою неволю и проч.
Подъ тѣнію ветлы случилось разъ мнѣ быть
Какъ два любовника про щастье говорили
Быть въ щастьи одному они не столько чтили,
Какъ вмѣстѣ быть двоимъ, хоть бѣдствіе сносить
Любовь, мы чтимъ твою неволю и проч.

---

8. Пѣсенька 4-я.

Полети, мой голубчикъ,
Къ той прекрасной сторонѣ
Гдѣ мой миленькій дружочикъ
Тужитъ, плачетъ обо мнѣ.
Самъ ты былъ свидѣтель скукѣ
Вздохамъ сердца моего:
Въ пренесносной сей разлукѣ
Будь посредникомъ его.
Разскажи моей любезной
Какъ страдаю и грущу

И въ моей судьбинѣ слезной
Облегченья не ищу.—
Безъ нее мнѣ все постыло
Ахъ, постылъ и цѣлый свѣтъ!
Все что прежде мнѣ не льстило,
Въ томъ утѣхи больше нѣтъ.
Безъ отрады я гуляю
По лѣсочкамъ, по лугамъ
И слезами омываю
Всѣ цвѣтки по берегамъ.
Соловьевъ ужъ громогласныхъ
Я не слушаю въ лѣску,
Пара горлинокъ прекрасныхъ
Раздражаютъ лишь тоску.
Ахъ, лети, лети поспѣшно
Къ нѣжной парочкѣ моей
То хоть будетъ мнѣ утѣшно,
Что мой вздохъ отдашь ты ей.
А за вздохъ мой мнѣ въ награду
Принеси ты вздохъ ея
И скажи ты ей въ отраду,
Что утѣшусь этимъ я.

---

9. Басня: Осада.

Учтивство хорошо; но въ мѣрѣ лишь своей,
Излишекъ же достоинъ смѣха;
Покажетъ случай сей
Что знатная изъ онаго произошла потѣха.
Французы, первые учтивцы на земли,
На нѣмцевъ нѣкогда войной жестокой шли,
Но въ крѣпости бывъ заперты врагами,
Рѣшились вылазку ночную учинить,
Чтобъ нѣмцевъ прочь отбить.
И бросились на сихъ съ отважными сердцами.
Тѣ въ тотъ же мигъ ихъ встрѣтили пальбой,
Въ минуту пули засвистали
Удачно галловъ поражали,
Свергали съ гласису долой.
Всѣ рвы французами покрылись,
Они всѣ мертвые валились.
Французскій генералъ,
То видя, въ крѣпость всѣмъ сбираться приказалъ...

Французы бросились туда бѣжать обратно...
Хотя то было имъ пріятно,
Но во воротахъ ни кто не захотѣлъ,
Чтобъ первый въ крѣпость онъ вошелъ
Другъ другу кланяясь, войти они просили
И тѣмъ учтивство изъявили.
А такъ какъ кланяясь не шли они впередъ,
Толкаясь у воротъ—
То нѣмцы, ихъ нагнавъ, всѣхъ изрубили
И тѣмъ учтивство наградили.

---

10. Элегія на смерть брата.

При блескѣ здѣсь лучей опущенныхъ луною,
Печальному нельзя вкушать мнѣ сладость сна
О, муза нѣжная! приди грустить со мною
Мнѣ къ утѣшенію осталась ты одна...
Къ отрадѣ въ горестяхъ въ семъ скучномъ тлѣнномъ мірѣ
Я брата милаго, и друга въ немъ имѣлъ,
Пріятнѣе тогда игралъ я и на лирѣ,
Теперь лишась его совсѣмъ осиротѣлъ!
Мнѣ міра радости не лестны ужъ ни мало
Что прежде бы себѣ я вышнимъ благомъ чтилъ
Теперь душѣ моей то льститъ ужъ перестало,
Мнѣ счастьемъ было то, что съ другомъ я дѣлилъ.
Ужъ не услышу я—струнъ пѣсни его нѣжной
И не узрятъ его пріятныхъ чертъ мой взоръ,
Гдѣ добродѣтели являлись безмятежны
И кротость умная, а сердцу былъ просторъ...
Не обниму его отъ искренняго чувства
Въ знакъ дружбы сильныя къ нему души моей,
Что увѣряло насъ другъ въ другѣ безъ искусства,—
И не услышу я его ко мнѣ рѣчей...
Сопутница часовъ моихъ уединенныхъ,
Не трать, о муза! словъ къ отрадѣ услажденныхъ
Коль истинно цѣню потерю я свою!
Нѣтъ, нѣтъ ты умалить не въ силахъ грусть мою...
Внемли, какъ въ рощицѣ стенаетъ феломела...
Въ немъ друга вѣрнаго, ахъ! и она имѣла!
Въ счастливы времена, какъ онъ существовалъ
Колико часто я бесѣду ихъ слыхалъ:
Весной по вечерамъ, средь тихія погоды,
День каждый прилеталъ сюда пѣвецъ природы

Со звукомъ струнъ его свой пѣвъ согласовать
И внемлющихъ сердца весельемъ напоять;
Еще она сюда день каждый прилетаетъ
Но, ахъ! лишь жалобой весь воздухъ наполняетъ
Увы! зоветъ его бесѣдовать съ собой!
Напрасенъ гласъ ея... О, бѣдна феломела,
Ты также, какъ и я, теперь осиротѣла...
Мы друга вѣрнаго лишилися съ тобой!
Могилу новую являетъ намъ долина...
Тамъ сердца моего сокрыта половина,
Въ ней духъ мой къ радостямъ препону вѣчну зритъ,
Тамъ брата моего и друга прахъ лежитъ,
Достигнувъ своего въ юдоли сей предѣла...
Веселіе мое онъ въ гробъ унесъ съ собой—
Коль слезъ ты лишена, печальна феломела,
Надъ прахомъ ты его надгробну пѣснь воспой.
Отъ мѣстъ исполненныхъ весельемъ безпрерывнымъ,
Гдѣ духъ покоится на высотѣ небесъ
Созданныхъ къ радости Творца велѣньемъ дивнымъ
Ты зришь, мой другъ, ручьи моихъ текущихъ слезъ,
Но то да не мрачитъ тамъ твоего покою
То жертва чувствъ моихъ, тебѣ ихъ приношу
Отъ горести къ тебѣ я духъ мой возношу,
Въ молчаніи съ тобой бесѣдую душою;
Пріятны мнѣ мѣста гдѣ я съ тобой бывалъ,
Гдѣ я бесѣдою твоею духъ питалъ...
Увы, питаюсь здѣсь однимъ воображеньемъ!
Столь строго пораженъ судьбы опредѣленьемъ
Я духомъ возношусь къ правдивымъ небесамъ:
Здѣсь горе вѣчное, блаженство наше тамъ.
О Ты содѣлавшій вселенну, Всемогущій,
Великій Царь всего, о Боже всюду сущій!
Ты древле въ мірѣ все судьбой опредѣлилъ
Всеуправляющій и истину любящій!
Прости отъ горести душѣ моей скорбящей
Межъ добродѣтельми Ты дружбу намъ создалъ
Намъ съ братомъ оныя Ты Самъ открылъ законы
И я пріятности божественны вкушалъ!
Лишеннаго же ихъ не праведны ли стоны?
Ты въ дружествѣ явилъ щедроту намъ Свою,
Въ душѣ моей его я святость почитаю
Все правящій! Ты далъ мнѣ сердце—я страдаю,
Ко облегченію далъ слезы—я ихъ лью!

1807.

1808—1811 гг.

(См. стр. 31).

---

* 11. Отчаяніе.

(Пѣсенка 5-я).

Надежда! слабая препона!
Прельщаешь тщетно ты меня!
Нельзя, нельзя прервать мнѣ стона
Мнѣ нѣтъ горчайше сего дня!
Увы, лишась сегодня милой,
Я чту и прочее въ ничто,
Мнѣ свѣтъ на вѣки сталъ постылый,
Мое въ немъ счастье отнято.
Бывало съ милой я гуляя
Цвѣточки въ рощицѣ срывалъ
И ихъ подружкѣ подавая
Ее съ улыбкой цѣловалъ.
Но, ахъ! тогда я былъ въ надеждѣ,
Не такъ какъ нынѣ несчастливъ
Увы, увы! я зналъ-ли прежде,
Что сей наступитъ злой разрывъ?
Пропало все! и я несчастенъ
Прощай, свирѣлочка моя,
Судьбинѣ злобной я подвластенъ
Не нужна пѣсня мнѣ твоя
Я не забуду то во вѣки,
Что должно лить мнѣ море слезъ
И зря какъ лживы человѣки
Уйду съ звѣрьми скитаться въ лѣсъ,

---

* 12. Вольный переводъ съ французской пѣсни, (6-ая).

*
* *

Со сворой псовъ, въ тамбовской сторонѣ
Одинъ господчикъ отличился...
До кошеля прикащикомъ своимъ

Плутомъ, онъ вскорѣ разорился.
Съ большимъ дворомъ весь домъ
Онъ продалъ тамъ а самъ
Въ другой уѣздъ ретировался,
Поѣхалъ на своемъ двоемъ,
Трактиръ тамъ отъискалъ и сталъ,
Изрядно въ горницѣ убрался.

***

Одну себѣ собаку сохранилъ,—
Вся состояла въ ней прислуга
Да куртку, въ чемъ въ лѣсахъ звѣрей ловилъ,
Онъ чтилъ какъ будто своо друга;
Сверхъ сихъ друзей—вещей
Имѣлъ онъ рогъ и могъ
На немъ трубить все туже ноту;
Вставая раньше птицъ синицъ
Свой старый рогъ хваталъ, игралъ
На память псовую охоту.

***

Нашъ этотъ хватъ не будучи сонливъ
Съ подушки вскакивалъ всечасно,
Взоръ на стѣнѣ въ картину устремивъ
Охоту разбиралъ онъ ясно;
Лежалъ и хохоталъ
И въ мигъ онъ тотъ встаетъ
Изъ угла въ уголъ онъ стремится
Порскаетъ весь въ поту: ату!
Ногами онъ стучитъ, трубитъ
Въ рогъ, такъ какъ прежде веселится.

***

Одинъ судья по имени Хваталъ
Не очень этимъ забавлялся
Онъ былъ безъ дѣлъ, поэтому лишь спалъ
Да взятками во снѣ обогащался;
Сошедъ къ нему, ему
Сказалъ: „сосѣдъ, не слѣдъ
Тебѣ меня такъ безпокоить!“—
—„Прекрасенъ твой совѣтъ—въ отвѣтъ
Охотникъ—какъ же быть? Ловить
И все могу у себя строить!“—

***

Что выдумалъ законникъ разсердясь?
Въ чемъ положилъ свое отмщенье?
Взошедъ на верхъ, рѣшился онъ тотчасъ
Устроить Ноя потопленье
Сто ведръ воды туды
Онъ льетъ на полъ презолъ
И въ этомъ морѣ въ своемъ родѣ
Въ полу сверлитъ дыры, норы
Охотнику вездѣ въ водѣ
Башку онъ моетъ не по модѣ.

*
* *

Въ мигъ прибѣжавъ, охотникъ нашъ въ сердцахъ
Зритъ судіи каррикатуру
Тотъ на столѣ и съ удочкой въ рукахъ
Взялъ рыболова позитуру.
—„Вотъ злая дрянь престань!
Меня мочить сердить
Не всякому, вѣдь, это вкусно!“—
—„Всякъ вкусъ имѣетъ свой, другъ мой,
Ты въ горницѣ своей звѣрей,
Я-жъ рыбу здѣсь ловлю искусно!“

---

13. Экспромтъ.

* **(Жалобы подозрѣваемаго въ измѣнѣ). Пѣсня 7-ая.**

Чѣмъ я, чѣмъ я, дорогая,
Злую горесть заслужилъ?
Или я, тобой сгорая,
Хоть минуту воленъ былъ?
Ты же ревности ужасной
Къ сердцу проложила путь!
Или я тебя, нещастной,
Забывалъ когда нибудь?

*
* *

Мной ты строго обладала
Вѣчно будешь обладать,
Неужель ты полагала,
Что я могъ невѣрнымъ стать!
Если бъ всѣхъ красотъ небесныхъ
Окружилъ соборъ меня
Но твоихъ очей прелестныхъ
Не былъ бы измѣнникъ я!

*
* *

Если-бъ я когда забылся
(Что никакъ не можетъ быть)
Твой бы образъ мнѣ явился,
Чтобъ опять меня плѣнить
Въ каждомъ, милая, мгновеньи
Образъ твой въ моихъ очахъ
И совсѣмъ тѣмъ я въ мученьѣ
И въ безвыходныхъ слезахъ!

*
* *

Взоръ твой ту имѣетъ силу
Чтобъ собой все восхищать,
Даже самую могилу
Въ видъ прелестный обращать;
На меня когда ты взглянешь
Духъ отрадой веселишь
Огорченный видъ покажешь —
И какъ громомъ поразишь!

*
* *

Отчего же происходитъ
Ревность, милая, твоя?
Иль твой взоръ кого находитъ
Здѣсь прекраснѣе тебя?
Нѣтъ, быть должно ослѣпленному
Чтобъ, хоть разъ зря образъ твой,
Всей природы, всей вселенной
Не почесть тебя главой.

*
* *

Ахъ, зачѣмъ несправедливо
Ты, владычица ко мнѣ?
Впредь меня столь несчастливо
Ждутъ лишь горести однѣ.
Если смерть меня разрушитъ
Смертнымъ лишь престану быть
Огнь страданій не потушитъ
И подъ камнемъ мнѣ грустить!

---

14. Эпиграмма.

Я знаю отъ чего ты въ радости, Памфилъ;
Сегодня точно ты подарокъ получилъ
На голову уборъ тебѣ прислали боги,
Мнѣ то жена твоя открыла—это роги.

---

15. Къ невѣрной.

Живи спокойно въ скорбномъ мірѣ
Будь счастлива въ своей судьбѣ
А я послѣдній разъ на лирѣ
Пою любовь мою къ тебѣ.
Ты измѣнила и въ природѣ
Нѣтъ благъ иныхъ душѣ моей.
Ахъ, можно-ль жить тому въ свободѣ
Кто разъ подъ властью былъ твоей!?
Любовь твоя меня живила,
Яснѣе мнѣ казались дни
Любовь мнѣ каждый день дарила
Лишь удовольствія одни;
Вездѣ сопровожденъ тобою
Минуты радостьми считалъ
И восхищенъ своей судьбою
Блаженства выше я не зналъ.
Ахъ, видно счастья совершенство
Начало лишь ужасныхъ бѣдъ,
Прошло, какъ сонъ, мое блаженство—
За нимъ примчалось горе вслѣдъ:
Другой блаженство то вкушаетъ,
Другой боготворитъ твой плѣнъ..
Судьба всѣмъ свѣтомъ управляетъ
И я лить слезы осужденъ.
Но ты не жди, чтобъ жалобъ стоны
Придутъ твой нѣжный слухъ терзать
Свершилися любви законы
И мнѣ не долго ужъ страдать:
Прерви любви несчастной силы
Прерви о, смерть и муки власть,
Да въ нѣдрѣ хладныя могилы
Утухнетъ пламенная страсть.

---

16. Злая женщина.

Каласъ, пріятелю хваля свою любезну,
Съ восторгомъ говорилъ,
Что въ разныхъ онъ мѣстахъ красавицъ видѣлъ бездну,
Но ей подобную ни гдѣ не находилъ.
—„Я вѣрю твоему исканью безполезну:—
Ты вѣрно въ адъ не заходилъ.“—

---

* 17. Эпитафія 1-я.

на смерть Теплова.

Прохожій, отдохни.
Сей камень стулъ тебѣ удобный представляетъ,—
Онъ прахъ несчастнаго супруга покрываетъ,
И если ты чувствителенъ, вздохни,
Иль слезъ излей потокъ.
Познай, что нѣжная любовь хоть не порокъ,
Но разъ къ такому насъ предмету привлекаетъ
Кто долгъ супружескій священный презираетъ,—
Нещаснѣйшій порочный рокъ
Постигнетъ насъ во время тоже.
Узнавъ совмѣстниковъ, о, Боже!
Къ самоубійствію Тепловъ прибѣгнуть могъ!

---

* 18. Эпитафія 2-я

на тотъ-же случай.

Прохожій, подожди.
Когда ты не рогатъ
На это мѣсто погляди
Гдѣ кости бѣднаго рогатаго лежатъ.
Коли ты жениться, коль ищешь ты невѣсту
Тебѣ сказать совѣтъ тутъ къ мѣсту:
Такую долженъ ты супругу отыскать,
Что не могла бы тебя рогами украшать,
А коль такую негдѣ взять
Такъ лучше вовсе не жениться,
Когда не хочешь, какъ Тепловъ, ты удавиться.

---

* 19. Элегія.

Полно играть,
Нѣжны овечки;
Полно блистать,
Чистыя рѣчки, —
Вы для меня
Ясность природы
Свѣтлаго дня
Чистой погоды,
Въ грусти стеня

Долженъ я вѣчно
Такъ проводить,
Все скоротечно!
Чѣмъ себя льстить?
Счастье, казалось,
Въ этой странѣ
Быть обязалось
Вѣчно при мнѣ:
Счастіе въ мірѣ
Я почиталъ
Въ милой Пленирѣ;
Я полагалъ
Имъ наслаждаться
Здѣсь навсегда
Можно-ль когда
Намъ полагаться
Въ свѣтѣ на рокъ?
Мнѣ же несчастну
Какъ онъ жестокъ!
Горесть ужасну
Льзя-ль перенесть?
Можно-ль возвѣсть
Голосъ свирѣли?
Жалкой трели
Идутъ изъ ней
Къ грусти моей,
О, звукъ унылый!
Смерти коса
Вдругъ моей милой
Скрывши глаза,
Въ это же время,
Грусти давъ бремя,
Все отъ меня
Счастье сокрыла
Жить мнѣ стеня
Опредѣлила.
Слезы! теките
Вы изъ очей,
Ахъ, окропите
Милой моей
Прахъ охладѣлый,
Блѣдный и бѣлый;
Ахъ, но слеза,
Въ бѣдственномъ мірѣ

Милой Пленирѣ
Вѣчно глаза
Ты не откроешь,
Пусть хоть омоешь
Прахъ ты ея!
Радость моя
Снидетъ подъ камень.
Милыя пламень
Вѣчно погасъ!
Нѣжна супруга!
Уже твой гласъ
Вѣрнаго друга
Въ грусти его
Во утѣшенье
Ввѣкъ не введетъ!
Въ семъ огорченьѣ
Кто подойдетъ
Ко безнадежну?
Грудь свою нѣжну
Къ груди моей
Въ горести сей
Кто теперь склонитъ?
Кто, кто прогонитъ
Грусть отъ меня?
Скорбно стеня
Жить, знать, мнѣ въ мірѣ
И о Пленирѣ
Слезы лишь лить
Пока унылый
Вѣкъ мнѣ влачить!
Ахъ, я могилы
Не трепещу,
Въ ней себѣ льщу
Щастіемъ вѣчнымъ
Зломъ безконечнымъ
Бывъ пораженъ
Я награжденъ
Смертію буду,
И не забуду
Милой предметъ
Оставивъ свѣтъ.
Жизнь ненавижу
Я безъ драгой...
Глядя въ другой

Свѣтъ, тамъ я вижу
Пристань себѣ
Въ лютой судьбѣ.
Будуща міра
Я не страшусь,—
Тамъ гдѣ Пленира
Туда стремлюсь
Полно играть,
Нѣжны овечки.
Полно блистать,
Чистыя рѣчки,
Вы для меня
Ясность природы,
Свѣтлаго дня,
Чистой погоды
Въ грусти стеня
Долженъ я вѣчно
Такъ проводить;
Все скоротечно
Чѣмъ себя льстить?

1811—1825 гг.

(См. стр. 42—43, 46—47).

---

* 20. Эпистола

отъ Евдокіи къ Димитрію Донскому.

Увы, не знаешь ты, какъ много я страдаю
Какъ въ тяжкой горести тебя я вспоминаю,
Какъ отъ ужасныхъ думъ вся стынетъ моя кровь..
Почти отчаявшись тебя узрѣть я вновь,—
Кляну тотъ самый часъ, въ который фурья злая
Воздвигла на тебя жестокаго Мамая!
Куда ни обращу смутившійся мой взглядъ
И стѣны самыя—сдается мнѣ—гласятъ:
Увы, Димитрія нѣтъ! изъ мертваго тѣла
Душа его давно на небо отлетѣла...
Ужели это такъ? О, сжалься надо мной
Ты, въ комъ моя любовь и счастье и покой!
Дражайшій, вспомни то о чемъ тебя просила
Когда въ рыданіѣ тебя я проводила.
Помысли хоть на часъ о дѣтяхъ, о женѣ
Какъ тяжко безъ тебя остаться имъ и мнѣ,
Какъ тяжко мнѣ вдовой быть, дѣтямъ сиротами...
Димитрій, мой супругъ! О, сжалься ты надъ нами,
Себя не погуби стремяся на враговъ!
Увы, ужель удѣлъ назначенъ намъ таковъ,
Чтобъ мы по храбрости твоей тебя лишились
Я съ мужемъ, сироты съ родителемъ простились;
Что будетъ если ты погибнешь вдругъ въ бою,
Когда ссѣченную узрятъ главу твою?
Тутъ россы отъ татаръ всѣ въ бѣгство обратятся
Монголамъ-ли Москвѣ позорно доставаться?
О, сжалься надъ дѣтьми, надъ родиной и мной
И ради этого не жертвуй ты собой!
Отъ грустныхъ чувствованій кровь во мнѣ хладѣетъ
И разумъ дѣйствіемъ моимъ ужъ не владѣетъ
Мнѣ представляется, что средь кровавыхъ сѣчъ

Пронзилъ насквозь тебя татарскій острый мечь
Что голова твоя, о, ужасъ! съ плечь скатилась
И жизнь любезная Россіи прекратилась!
Видѣніе сіе стоитъ въ моихъ очахъ,
Объемлетъ душу мою трепетную страхъ...
Быть можетъ, что въ сіи жестокія минуты
Татары на тебя метаютъ стрѣлы люты,
Быть можетъ что твоя безъ тѣла ужъ глава
И о концѣ твоемъ разносится молва.
О, дѣти бѣдныя, несчастные сироты
Лишенные на вѣкъ твоей любви, заботы
Едва узрѣвши свѣтъ и вдругъ осиротѣть!
Любезныхъ дѣтямъ ласкъ отцовскихъ не имѣть!
Ахъ, сердце мое думъ сихъ страшныхъ не выноситъ,
Молю, не отвергай что Евдокія проситъ
Не ставь сиротами Россію и дѣтей
И береги себя для славныхъ долгихъ дней
Чтобы страной своей доблестно мирно править
И въ благоденствіи наслѣднику оставить.
Благоразуміе съ отвагой съединять
Вотъ должно что князьямъ въ обязанность вмѣнять.
Но вѣрь, что ежели сойдешь ты въ область ночи
Мнѣ сердце скажетъ то и вмигъ сомкну я очи,
Жила съ тобой, умру съ тобой не разлучась
Дражайшій мой супругъ, мой несравненный князь!

---

* 21. Эпистола

отъ Димитрія къ Евдокіи.

Супруга милая! съ кѣмъ духъ у насъ единый
И съ кѣмъ я раздѣлилъ себя до половины!
Напрасно льешь ты слезъ мучительныхъ потокъ
Все что я пожелалъ, мнѣ все то сдѣлало рокъ
Побѣды надо мной татарскій царь лишился
И умыселъ его къ нему же обратился,
Онъ яму для меня глубокую копалъ
Съ своей онъ самъ татарвой въ нее попалъ!
Когда бы знала ты, любезна Евдокія,
Терзали здѣсь меня волненія какія!
Я мыслилъ о тебѣ, о дѣтяхъ, о войнѣ,
Отвага, долгъ, любовь боролися во мнѣ
И сердце все мое въ томленьи содрагалось
И словно пополамъ рвалося, мнѣ казалось...

Отвага, наконецъ, любовь превозмогла
И рать татарская побитая легла
И много ихъ князей поверженныхъ мечами
Погибло подъ конецъ подъ нашими ногами.
Въ сраженьи пламенномъ, залившійся въ крови
Не забывалъ, повѣрь, своей къ тебѣ любви!
Средь воиновъ своихъ безъ устали летая
Я думалъ о тебѣ и побѣдилъ Мамая.
Люблю тебя, люблю отечество, дѣтей,
Дѣла доблестныя достойныя князей
Пишу теперь сіе сердечное посланье
И нѣжнѣе къ тебѣ уносится мечтанье...
Въ глазахъ ты предо мной какъ на яву стоишь:
Окружена дѣтьми, такъ сладостно глядишь,
Я къ дѣтямъ и къ тебѣ протягиваю руки,
Любезныхъ голосовъ въ умѣ я слышу звуки,—
Видѣніе сіе пріемлю въ добрый знакъ.
Побѣда полная, въ погибель ввержонъ врагъ.
Прости. Спѣшу къ тебѣ скорѣе возвратиться
Въ Москвѣ, среди семьи покоемъ насладиться
Имѣя россіанъ мнѣ преданныхъ вокругъ
Люблю тебя, люблю. Димитрій, твой супругъ.

---

22. А. М.....

J'ai bonne mèmoire—
Vous me donnates espoir
De me recevoir
Ce soir
Dans votre reposoir...
Dieux! Quelle gloire
M'attend ce soir
Dans votre reposoir!

---

23. Карманные часы.

Ахти! часы мои не ровно какъ идутъ!..
Коль у Раиды я сижу,—такъ отстаютъ,
Когда у Вареньки, такъ слишкомъ ужъ бѣгутъ

---

24. Открытіе Амура.

Амуръ, плутишка вороватъ—
Близъ женщинъ любитъ хорониться
Какъ самый робкій изъ ребятъ...
Конечно онъ мущинъ боится.
Я бывъ у Вареньки въ гостяхъ
Вчера его ту хитрость смѣтилъ:
Онъ у хозяюшкѣ въ глазахъ
Вспорхнулъ, и я его замѣтилъ;
Прелестна Варенька для насъ
Къ гитарѣ нѣжно припѣвала
И тутъ амуровъ слышанъ гласъ!
Душа моя то ощущала...
Когда жъ Варюту въ скромный стыдъ
Я ввелъ моими похвалами,—
Амуръ, пріявъ румянца видъ,
Касался щекъ ея устами.
Амуръ былъ въ ямкахъ на щекахъ,
Когда Варюта улыбалась,
Онъ прятался въ ея власахъ
Когда красотка убиралась.
Я нѣжну руку цѣловалъ
Прощаясь съ милою Варютой,
Шалунъ щипать мнѣ губы сталъ
И той же заразилъ минутой—
Съ тѣхъ поръ я страстью воспламененъ,
Амуръ мнѣ мститъ за дерзновенье;
Но ахъ! любви какъ сладокъ плѣнъ
Къ Варютѣ коль ея стремлѣнье!
Амуръ, наказанъ я тобой
Но приманенъ тобой на уду,
Пріятной я пронзенъ стрѣлой
И раны я лѣчить не буду.

---

25. Призракъ.

Разсѣйтесь, мраки темной ночи,
Возстань ты, свѣтлая луна!
Не сонъ ли мнѣ явилъ предъ очи
Старинныхъ предковъ племена?
Вы, буйны вѣтры, не шумите
Престаньте, звѣри, вы рыкать

Пороги днѣпрски, замолчите
И не мѣшайте мнѣ внимать.
Кто во главѣ князей россійскихъ,
Славнѣйшихъ сихъ богатырей,
По силѣ Радегасту близкихъ
При блескѣ копій и мечей —
Какой мнѣ витязь вдругъ явился, —
Плечистъ, и грозенъ, тѣломъ здравъ,
Онъ на копье главой склонился?
То славный князь нашъ Святославъ!
Его молчаніе ужасно
Богатырей смущаетъ духъ.
Но вотъ онъ къ сонму велегласно,
Ударивъ въ щитъ, рѣчь началъ вдругъ:
— „Во мнѣ вы зрите Святослава,
Того россійскаго царя,
Котораго гремяща слава
Прошла обширныя моря,
Могущественна чья десница
Трясла сильнѣйшія града
И чья не дремляща зеница
Безъ лавръ не крылась никогда;
Не нѣга сладкаго покоя
Свою мнѣ простирала длань —
Для славна русскаго героя
Платить постыдно нѣгѣ дань;
Въ трудахъ я бранныхъ воспитался,
Труды и послѣ возлюбилъ,
Въ кровавыхъ битвахъ подвизался,
Враговъ отечества разилъ;
Разилъ — и сильною рукою
Я лавры на себя взлагалъ,
На мигъ предавшися покою
Я на сырой землѣ дремалъ,
Не подъ шатромъ — подъ сводомъ неба,
Служилъ мнѣ изголовьемъ шлемъ,
Кускомъ довольствовался хлѣба
И кто со мной сравнится въ семъ?
Но кто похвалится межъ нами,
Чтобъ вѣчно счастливо онъ жилъ?
Жизнь не усѣяна цвѣтами —
Всякъ въ жизни горе находилъ;
Я лавры славы собирая
Уже преклонныхъ дней достигъ

Какъ вдругъ судьба коварно злая
Меня сразила среди ихъ;
Измѣнnически пораженный
Я палъ; но палъ какъ вой съ мечемъ
И, силы жизненной лишенный,
Мой прахъ поруганъ былъ врагомъ.
Дѣла мои довольно громки—
Измѣнникъ ихъ не посрамилъ;
О храбрые мои потомки!
Кто за меня врагу отмстилъ?
Ужель, забытъ я, дѣти, вами?
Ужели славный Святославъ
Гордящійся тремя сынами,
Жить среди смертныхъ переставъ,
Поруганъ и забытъ остался?
Меня дрожалъ почти весь свѣтъ
Мой тронъ сынамъ моимъ достался
И кто изъ нихъ мнѣ дастъ отвѣтъ?“ —
Днѣпра пороги опѣненны
Не столько звуки издаютъ
Во время бури разъяренной,
Не столько моря волны бьютъ,
Не столь въ осенней часъ мятели
Шумитъ дремучій Чнинскій лѣсъ—
Какъ вдругъ герои возшумѣли
Отъ Святославовыхъ словесъ.
Подъялись копьи надъ главами,
Брони и панцыри гремятъ,
Бряцаютъ витязи мечами,
На раменахъ щиты трещатъ...
Всякъ хочетъ князю Святославу,
Отвѣтствовать въ своихъ дѣлахъ
Свою повѣдать громку славу
И свои подвиги въ войнахъ.
И уже Ярополкъ надменный
Впередъ шагъ выступить хотѣлъ
Какъ вдругъ сіяньемъ озаренный
На мѣстѣ онъ остолбенѣлъ.
Съ высотъ вдругъ возсіявша неба
Среди стемнѣвшихъ сразу звѣздъ
Въ подобье баснословна Феба,
Слетаетъ житель горнихъ мѣстъ...
Его пресвѣтло одѣянье,
Въ рукѣ сіяюща лоза,

Отъ лучъ главы его сіянье
Слѣпила зрителямъ глаза...
Путь огненъ сдѣлавъ за собою
Сей долу мужъ святый слетѣлъ,
Коснулся князя онъ лозою,
И омраченный тотъ прозрѣлъ.
—„Воззри, я родственникъ твой близкій
(Рекъ мужъ глаголомъ тихихъ лиръ)
Я прежде бывшій князь россійскій,
Познай: я сынъ твой Владиміръ.
Съ тѣхъ поръ какъ мы княжили оба
Ужъ многіе вѣка прошли,
Давно съ тобой за гранью гроба,
Но мы другъ друга не нашли.
Одна лишь истина святая
Легка парить на небеса,
Всѣ сумраки превозмогая
Какъ чиста утренія роса.
Позволь спросить тебя, родитель!
Ты былъ царемъ; какъ жилъ ты вѣкъ?
Ты скажешь: жилъ какъ побѣдитель!
Но жилъ ли такъ какъ человѣкъ?
Родитель! здѣсь, въ спокойствѣ вѣка
О мщеньи вопросить ты могъ!
О благѣ пекшись человѣка
Не то намъ повелѣлъ нашъ Богъ
Велики къ намъ Его щедроты:
Онъ добродѣтель намъ создалъ,
Онъ душу въ насъ вложилъ доброты
И путь къ блаженству указалъ.
Но смертный, умственно блуждая,
Съ стези сей шагъ свой совратилъ
Бѣды себѣ уготовляя,
Пороки обоготворилъ.
Ты мести требуешь, родитель..
Познай, что мною ты отмщенъ,—
Но я не такъ, какъ буйный мститель,
Къ тому былъ злобою возженъ:
Предѣлы моего владѣнья
Отъ печенѣгъ я защищалъ
И тотъ надъ кѣмъ ты просишь мщенья
Животъ въ войнѣ свой потерялъ.
Всевышній, Судія Всесильный
Казнитъ злодѣя за порокъ,

Но и прощеніемъ обильный
Онъ терпѣливъ и не жестокъ,
Собой Онъ смертныхъ научаетъ
По мудрому пути ступать,
Кто такъ живетъ, тотъ ощущаетъ
Его святую благодать.
Родитель мой, когда ты долу
Здѣсь внемлешь словесамъ моимъ,
Туда, къ пресвѣтлому престолу
Къ Причинѣ правды воспаримъ!"—
Онъ рекъ и съ Святославомъ скрылся
Въ пространныхъ высотахъ небесъ...
Сонмъ призраковъ за нимъ стремился...
Завѣялъ вѣтръ, и сонъ изчезъ.

---

26. Источникъ Превращенія или Гермафродитъ и Салмація
(Ovidii Metamorphos lib IV, 285—387).

См. Превращенія Овидіевы съ примѣч. Пер. Рембовскаго. т. I, М. 1794, стр. 359—367

Прекраснымъ днемъ смѣющась мая,
Когда едва лишь солнца лучь,
Младое утро озаряя
Возникъ изъ мрачныхъ ночи тучь,
Гермафродитъ младой прекрасный
Прошедши трудный путь опасный,
Искалъ зелененькой лужокъ,
Гдѣ бъ можно было утомленну
Удобно быть успокоенну
И гдѣ бы чистыхъ водъ протокъ
Отъ жажды могъ его избавить,
Смочить уста, покой доставить
И словомъ, освѣжить его.
Недолго онъ искалъ того.
Подъ тѣнію древесъ зеленыхъ,
Росою утро омоченныхъ
Онъ зритъ текущій ручеекъ;
Въ немъ чисты сребровидны воды
Не тмили отъ очей песокъ
И тихость всей тогда природы
Струить воды въ немъ не могла.
Ручей подобье былъ стекла...
Тамъ камень дна не покрываетъ,
Тростникъ надъ токомъ не шумитъ

Ликъ Феба ясно въ немъ блистаетъ
И воды тихія златитъ;
Муравный дернъ всегда зеленый
Его отвсюду окружалъ
Вездѣ цвѣтами украшенный
Прекрасный берегъ составлялъ.
Въ ручьѣ наяда обитала...
Салмація всѣхъ затмѣвала
Наядъ своею красотой
Она прогулкой не плѣнялась
Ручей не оставляла свой;
Ловитвой тожь не занималась.
Салмація въ себѣ вольна
Изъ всѣхъ наядъ была одна
Діана кою не видала.
Ни мало нимфа не желала
Понравиться богинѣ сей;
Вѣщали часто сестры ей:
„Салмація! Возьми лукъ, стрѣлы
„Вооружись и ты копьемъ!
„И къ намъ приди; мы будемъ смѣлы—
„На ловлю вмѣстѣ мы пойдемъ...
„Между пріятнымъ упражненьемъ
„И сладостнымъ отдохновеньемъ
„Свое ты время раздѣли!“
Но тщетно то онѣ рекли:
Всю жизнь ей праздность составляла;
Она другихъ утѣхъ не знала
Какъ лишь въ своемъ ручьѣ купаться
Или цвѣтами украшаться
Смотрясь въ кристалевый ручей.
Она изъ всѣхъ убранствъ различныхъ
Искала болѣе приличныхъ
Себѣ по нѣжности своей...
Она любила особливо
На дернъ зеленый нерадиво
Простясь ложиться иногда;
Само тончайше покрывало
На сей красавицѣ тогда
Прелестнымъ образомъ лежало;
Она любила изъ цвѣтовъ
На голову сплетать покровъ;
Затѣмъ цвѣтовъ она искала
Прекраснѣйшихъ по муравѣ,

Лилей и розъ она въ травѣ
Другимъ цвѣтамъ предпочитала.
Тѣмъ утромъ, радости полна,
Она цвѣтами занималась
И пышной розою прельщалась.
И вдругъ увидѣла она,
Что молодой Гермафродитъ
Къ ея источнику спѣшитъ.
Какъ искра къ сѣрѣ приближенна
Ея въ мигъ тотъ же пламенитъ,
Подобно нимфа изумленна
Любовью вдругъ къ нему горитъ.
Въ насъ всѣми чувствами владѣя
Какая страсть любви сильнѣе?—
Ничто! Ничто! весь свѣтъ гласитъ
Любовь всѣмъ свѣтомъ управляетъ
И самыхъ дикихъ покоряетъ,
Нигдѣ препятствія не зритъ;
Щастливый счастливъ ею болѣ
Бѣднякъ несчастный и въ неволѣ,
Коль онъ любовью огражденъ,
Свой тверже сноситъ рокъ и плѣнъ.
Салмація! Мы надъ тобою
Зримъ опытъ мощности ея—
Амуръ сразилъ тебя стрѣлою,
Отвѣть—гдѣ холодность твоя?
Ко всѣмъ забавамъ гдѣ презрѣнье?
Гдѣ твое кажуще смиренье,
Желанье отъ людей бѣжать?
Передъ любовью все пропало
И сердце юной дѣвы стало
Съ минуты встрѣчи той страдать...
Тотчасъ бы нимфа полетѣла
Въ объятья страстныя къ нему,
Но, пообдумавъ, восхотѣла
Дать прежде стану своему
Всю прелесть ту, котора прежде
Могла-бъ ласкать ея надеждѣ—
Упругость груди, ловкость плечь,
Уста, гдѣ розы разцвѣтали,
Глаза что пламенемъ пылали,—
Къ нему затѣмъ склонила рѣчь:
—„О странникъ юный! я не ложно
Скажу, что всякому возможно

За божество тебя почесть.
И если житель ты небесный
Навѣрно ты амуръ прелестный
Владѣтель всѣхъ сколь смертныхъ есть...
Но если, юноша красивый!
Простой ты смертный человѣкъ,
Какой отъ неба даръ счастливый
Для даровавшихъ тебѣ вѣкъ!
Такое видя совершенство
Сколь велико родныхъ блаженство
Коль ихъ имѣешь у себя.
Какое счастье получила
Та мать, которая тебя
Въ младенчествѣ твоемъ кормила!
Но данный высшій даръ судьбою
Для той счастливой заблеститъ,
Котору Гименей съ тобою
Чрезъ узлъ завѣтный съединитъ...
Хотя на краткое ты время,—
Коль ты спряженъ съ ней—измѣни,
Отъ сердца трепетнаго бремя
Хоть не надолго отжени...
Но коль ты, юноша! свободенъ,
Себя не отдалъ никому—
Молю тебя—будь мнѣ угоденъ,
Будь другъ ты сердцу моему!
Да бракъ счастливый, не разрывный
Соединитъ въ союзъ насъ дивный...“ —
Умолкла нимфа то сказавъ...
Гермафродитъ ея внимая,
Еще любви не понимая,
Отъ страсти плотской сердцемъ здравъ.
Стыдливость въ юношѣ невинна
Румянцемъ щеки его рдитъ,
Пріятность новая въ нихъ видна
И больше нимфу пламенитъ...
Его лице тогда казалось
Какъ яблони прекрасный плодъ,
Слоновой кости подоблялось
Гдѣ карминъ нѣжный цвѣтъ свой льетъ
Плѣняетъ взоръ и чрезъ искуство
Какъ будто бы даетъ ей чувство...
—„По крайней мѣрѣ, (продолжала
Салмація) въ часъ сладкій сей,

Предметъ любезный, я-бъ желала
Чтобъ ты такъ какъ сестрѣ своей
Мнѣ далъ отъ устъ своихъ прелестныхъ
Немного поцѣлуевъ нѣжныхъ..."
Сіе сказавъ, она бѣжитъ
Чтобъ броситься къ нему на шею;
Но юноша вдругъ рѣчью сею
Ея стремленію претитъ...
—„Постой, вѣщаетъ онъ мгновенно—
Ты хочешь, нимфа, несомнѣнно,
Чтобъ я сокрылся отъ тебя".—
Угрозы оной устрашилась
Салмація, его любя,
Она немного отдалилась.
—„Нѣтъ, нѣтъ (рекла она ему)
Останься здѣсь, любви предатель!
Будь господинъ ручью сему
Останься мѣстъ сихъ обладатель
А я нося любви бѣду
Со глазъ на вѣкъ твоихъ уйду .."—
Она, сказавъ то, притворилась
Какъ будто отъ него ушла,
За кустъ одинъ въ близи сокрылась
Гдѣ имъ невидима была.
Тогда сей юноша считая,
Что безъ свидѣтелей онъ былъ
Пріятный воздухъ тамъ вкушая
На берегу ручья ходилъ.
Въ ручей гдѣ зрѣлся сводъ небесный
Онъ ноги опустилъ прелесны,
Потомъ пріятна свѣжесть волнъ
Его понудила купаться,
Онъ сталъ на брегѣ раздѣваться
Блаженнаго восторга полнъ.
Сей видъ страсть нимфы умножаетъ
Отъ ней всю прелесть не тая...
Какъ сталь лучь солнца отражаетъ
Блистаютъ такъ глаза ея..
Какого стоило терпѣнья
Ей воздержаться восхищенья...
Но, ахъ! Салмація! постой!
Посмотримъ вмѣстѣ мы съ тобой:
Гермафродитъ въ ручей вступаетъ,
Плескается, въ водѣ играетъ

И плаваетъ искусно въ ней;
Лишь снѣгъ, да кость слонова бѣла
Сравнится съ бѣлизною тѣла:
Оно нѣжнѣе розъ, лилей...
Взирай на сей цвѣтокъ прелесный!
Конечно онъ Амуръ небесный,
Онъ можетъ всякую прельстить...
Что льзя съ красой его сравнить?
—„Я торжествую!“ въ изумленьи
Тутъ нимфа громко говоритъ.
Одежду съемля въ восхищеньи
Къ предмету своему спѣшитъ.
Она въ водѣ его поймала,
Къ груди пылающей прижала
Подъемля юношу въ рукахъ.
Ахъ! онъ не рвется—нимфа млѣла
И поцѣлуи печатлѣла
На розовыхъ его устахъ.
Овидій! съ правдой несогласны
Твои повѣствованья въ семъ,
Что будто юноша прекрасный
Любовнымъ не пылалъ огнемъ;
Ахъ можноль быть столь дерзку, тверду
Чтобъ прелесть столько милосерду
Презрѣть иль пренебречь въ тотъ мигъ,
Въ который самъ Амуръ прелестный
Внушаетъ поцѣлуй чудесный,
И кровь и сердце сущитъ въ нихъ!
Изъ смертныхъ кто, скажи, возмется
Сей сладкій мигъ изобразить?
Рука дрожитъ а сердце рвется...
Умомъ нельзя переводить!
Тутъ страсть сердечна существуетъ
А сердце млѣетъ, немощствуетъ,
Въ забвеніи оно тогда...
Храни, свирѣль моя, молчанье,
О мигѣ семъ повѣствованье
Не можешь сдѣлать никогда!
Скажи лишь просто, что крылатый
Амуръ надъ ними тутъ леталъ
И что колчанъ свой весь пернатый
На сихъ счастливыхъ изстрѣлялъ.
—„Богиня ль, нимфа-ль ты любезна!
(Въ восторгѣ вскрикнулъ нашъ герой)

Какая шуточка прелестна
Открыта нынѣ мнѣ тобой!
Почто въ странахъ я отдаленныхъ
Въ народахъ славныхъ просвѣщенныхъ
Искалъ блаженства жизни сей?
Въ тебѣ, въ тебѣ одной хранилось
Сіе блаженство для меня!
Мнѣ существо мое открылось
Съ сего торжественнаго дня!
О нимфа! будемъ не разлучны
И будемъ тѣмъ благополучны"—
Сіе онъ съ жаромъ говорилъ
И поцѣлуемъ заключилъ.
Румянецъ пламенный небесный
Ланиты нимфины прелесны
Украсилъ болѣе тогда.
Они уста соединили,
Завѣтъ имъ милый положили
Неразлучаться никогда.
Они въ восторгѣ совокупно
Во пламени любви своей
Боговъ просили неотступно
Ихъ съединить еще тѣснѣй...
Богиня мать любви всесильной,
Ея Меркурій дорогой,
По благости своей обильной,
Внимали ихъ молитвѣ той;
Они ко сыну умилились
И ихъ обѣтъ скрѣпить рѣшились:
Венера вдругъ рукой своей
Раздвинула эфиръ небесный,
Меркурій, чудодѣй извѣстный,
Взмахнулъ златой своей кадуцей—
О чудо!—странность непонятна!...
Вдругъ нимфа милая пріятна
И юный нѣжный сынъ боговъ
Изъ двухъ существъ едино стали,
Едино тѣло составляли:
Какъ отрасли младыхъ дубовъ
Срастаются и тамъ одною
Соединяются корою,—
Одна глава и грудь одна,
Едино сердце въ ней забило!
И даже знать не можно было

То мужъ ли былъ или жена.—
Съ тѣхъ поръ никто да не дерзаетъ
Въ Саламацинъ ручей вступить
Когда подобно не желаетъ
Гермафродитомъ новымъ быть.

(Всѣмъ читавшимъ Овидьевы превращенія извѣстно, что Гермафродитъ былъ сынъ Венеры и Меркурія; но кто не читалъ сего прекраснаго творенія? А. Слѣпцовъ)

---

* 27. Вино.

Вчера съ друзьями я немного подгулялъ
И радости такой нигдѣ не испыталъ:
Всѣ горести шли прочь и взоръ мой, взоръ угрюмый
Сталъ свѣтлъ какъ ясный день; всѣ я оставилъ думы,
Мечтать я не хотѣлъ про чинъ, богатство, честь,—
Большаго не желалъ, довольный тѣмъ что есть;
Не плавалъ въ горестяхъ и сѣтованьяхъ слезныхъ;
Не бывши шутомъ, я смѣшилъ друзей любезныхъ
Или возвысивши свой голосъ такъ тотчасъ
Къ Анютѣ Василька тянулъ, охриплый басъ,
Тянулъ—и всѣхъ друзей окинулъ важнымъ взоромъ;
Окинулъ—и друзья вдругъ затянули хоромъ.
Уныніе шло прочь, восторъ лишь чудный былъ,
И сладость онъ всѣмъ намъ, пѣвцамъ веселымъ, лилъ,
Не слезы горькія, не вздохи, не печали,—
Улыбки нѣжную ту пѣсню прерывали.
Противъ меня сидѣлъ пріятель дорогой,
Который проводилъ младенчество со мной,
Съ которымъ я давно въ саду отцовъ рѣзвился,
Съ которымъ вмѣстѣ я шесть цѣлыхъ лѣтъ учился.
Уже давно, мой другъ, не видѣлъ я тебя
И точно будто-бы другого я себя
Въ тебѣ увидѣлъ здѣсь. Мы съ нимъ напоминали
Другъ другу тѣ мѣста гдѣ прежде мы бывали,
Гдѣ мы съ нимъ въ младости невиннѣйшей цвѣли
Увы, уже тѣ дни блаженные прошли!
Прошли, и только тѣнь, одно воспоминанье
Взволнованную грудь приводитъ въ трепетанье,
Слеза заискрилась на дружескихъ очахъ
Изъ сердца грустнаго летѣлъ невольный „ахъ!“
Но полно! отойди, печальная картина!
Въ бесѣду вступимъ ту, гдѣ милая дружина
Желаетъ радостей драгой нектаръ вкусить
И горести въ винѣ живительномъ забыть!

О, ты что искришься такъ чудно предо мною
Какъ дорогой топазъ, прозрачной желтизною,
Причина радостей, пѣнистое вино!
Нѣтъ, ты не для однихъ лишь воиновъ дано!
Отчаянье, печаль, тоска, неудовольство,—
Все прогоняешь ты. Друзьямъ не своевольство,
Но смѣлое при всѣхъ открытье своихъ чувствъ
Тобой дозволено, безъ маски, безъ искусствъ.
Пусть злые стоики твердятъ вездѣ, всечасно,
Что людямъ вредно ты, для разума опасно
Почти смертельна ты чрезмѣрностью твоей...
Но что чрезмѣръ, не зло? спрошу я у людей
И что насъ отвлечетъ отъ тягостной охоты
Прельщаться пустотой, отъ горестной заботы,
Отъ тяжкихъ думъ подчасъ? И что людямъ дано
Чѣмъ бы забыть на часъ всѣ горести? Вино!
Кто веселиться радъ, кто рѣзвости желаетъ
О, милое вино! всегда тебя вкушаетъ,
Да несчастливые прогнать чтобы тоску
Тобой утѣшены въ ихъ темномъ уголку;
Да отъ безсонницы томящіеся души
Упившися тобой заткнутъ до утра уши,
Да съ „завтракомъ“ придя отъ стряпчей кто осы
Съ досады пьютъ тебя, повѣсивши носы,
Да сами, наконецъ, правители земли
Возможно-ль чтобъ тобой когда пренебрегали?
Но гдѣ ты, о вино! во всей красѣ своей,—
Такъ это въ радостной бесѣдѣ двухъ друзей!
Вотъ гдѣ ты истинно всѣ горести врачуешь,
И сердце веселишь и души образуешь,
Вскрываешь завѣсу коварства злыхъ людей
И чувства истиннаго любящихъ друзей.
Божественный нектаръ! Напитокъ чудотворный
Изобличитель ты сердечный, не притворный;
Ты наша жизнь, душа,—и въ древности Горасъ
На лирѣ похвалы воспѣлъ тебѣ не разъ,
Онъ цѣну зналъ тебѣ, онъ зналъ твои утѣхи
Тобою данныя веселья, игры, смѣхи.
О, пѣнное вино! почтися божествомъ,
Я царь когда твоимъ одушевленъ огнемъ,
Но чтожь?.. въ объятья сна мы радостно вдаемся
Упившися тебя,—коль скоро же проснемся,
Опять стѣсненное мы сердце ощутимъ,..
О, Вакхъ! Ты только льстишь напиткомъ намъ своимъ!

28. Про себя.

Коль отъ бездѣлья, на свободѣ,
Меня захочетъ кто читать,
Хотя затѣмъ, чтобы по модѣ
Иной разъ книжку подержать,—
Пускай подъ часъ меня читаетъ
Пускай, коль скученъ слогъ, зѣваетъ —
Ничьихъ похвалъ не нужно мнѣ:
Я не ищу гремящей славы,
Стихи слагаю для забавы,
Пишу что сгрезится во снѣ.
Теперь припала мнѣ охота
Листокъ бумаги измарать:
Одна лишь только мнѣ забота—
Какой предметъ на это взять?
Тотъ прозою, другой на лирѣ
Про все давно писали въ мірѣ
И новаго нѣтъ ничего,
Не мало я потѣлъ, трудился
И напослѣдокъ вдругъ рѣшился—
Себя въ стихъ впрятать самого.
Быть такъ. Вотъ выдумка прелестна!
(Я самъ въ себѣ такъ разсуждалъ) —
Кому судьба моя извѣстна?
Меня ни кто не описалъ...
Хоть знать то ни кому не нужно,
Но благо мнѣ теперь досужно
И воленъ въ волѣ я своей...
И это будетъ точно ново—
Расположенье ужъ готово,
Въ стихахъ и просто безъ затѣй.
Не на крылатаго Пегаса
Взмощаюсь я чтобы летѣть
И не прошу я музъ съ Парнаса
Къ себѣ на часикъ посидѣть...
Съ Пегаса тотчасъ сковырнешься,
А съ Музою не вдругъ найдешься;
Я лучше пуншъ употреблю...
Когда мой умъ разгорячится
Стихъ не преминетъ мнѣ явиться
И ляжетъ такъ какъ я велю.
Въ мои еще не зрѣлы годы
Меня коверкала судьба,

Какъ бы по записи природы,
Покорна своего раба
Изъ края въ край меня гоняла
Въ походы съ саблей отправляя,
Бывалъ я иногда богатъ,
Бывалъ я такъ же и безъ гроша
И все сходило съ рукъ. Алеша
На все готовъ, хоть я не радъ.
Живалъ я иногда въ столицахъ
И въ прочихъ шумныхъ городахъ,
Видалъ я небылицы въ лицахъ
Шатаясь въ разныхъ сторонахъ.
Видалъ престолы величавы,
Видалъ искателей я славы,
Вертящихся на колесѣ
Всеобщей матери фортуны—
Иной бросалъ войны перуны
И покорить мнилъ царства всѣ,
Иной, ко трону приближенный
Величіе затѣмъ сыскалъ,
Чтобы ласкатель униженный
Его вельможей называлъ;
Иной пустой искавши славы
Себѣ и людямъ для забавы
Великолѣпно началъ жить—
Завелъ ливрею и карету,
На балы ѣздилъ по билету
А послѣ сталъ босой ходить.
Иной шутовски наряжаясь,
Заморскимъ думалъ быть царемъ,
Иной бездѣлкой обижаясь
Дрался и мнилъ быть славенъ тѣмъ;
Иной вдругъ сгородилъ поэму
И непосильну взявши тему
Воспѣлъ Суворова дѣда;
Иной, въ забаву, въ утѣшенье,
Въ картежъ продулъ свое имѣнье,
Лишь слава бы о томъ была.
Вогъ такъ то всякой ищетъ славы
Ее считая божествомъ
А я избавленъ сей отравы,
Иду своимъ простымъ путемъ.
Коль царь на брань пошлетъ—сражаюсь,
Съ большимъ вельможею не знаюсь,

Каретъ, столовъ не завожу;
Одѣтъ всегда обыкновенно,
Тщеславье вижу отдаленно
И ночь въ игрѣ не провожу.
Пускай, кто хочетъ, тотъ стремится
Богатствомъ, пышностью блистать;
По мнѣ, ей-богу, не годится
Пустую кашу затѣвать;
Я льстить вельможѣ не умѣю
И глупости той не имѣю,
Чтобы льстецовъ себѣ искать,
Не слѣлую во нравахъ модѣ
Живу и тѣшусь я въ народѣ,
Себѣ чтобъ послѣ не пенять.
Пускай кто хочетъ, порицаетъ
Мой образъ жизни,—онъ таковъ,
Пускай сатиры вымышляетъ
А я не вымолвлю—двухъ словъ
Чтобъ передъ нимъ мнѣ оправдаться
Всякъ въ свѣтѣ воленъ издѣваться
Надъ тѣмъ что кажется смѣшно.
Прочтя все это разсужденье
Узнай, мой другъ, что въ утѣшенье
Мнѣ также кое-что дано.
Люблю и я подъ часъ на балѣ
Число пріѣзжихъ умножать
И тамъ въ огромной свѣтлой залѣ
Кадриля два протанцовать;
Чтобъ милы глазки тамъ блистали,
Мое сердчишко щекотали,
Исполня страстнаго огня,
То чувство смертнымъ очень сродно,
Само собою благородно
И сколь пріятно для меня!
Люблю я временемъ, въ день ясный,
Съ прогулки къ Варинькѣ зайти
И въ сей красавицѣ опасной
Любезность ловкую найти;
Лелѣя нѣжныя рученки,
Волшебны повстрѣчать глазенки,
Потомъ, какъ Варя запоетъ,
Люблю млѣть, таять, забываться,
Хотѣлъ бы дольше наслаждаться
Но время быстро тамъ идетъ.

Люблю я вечера зимою
Съ друзьями дома проводить
Гдѣ всякъ съ свободною душею,
Что хочетъ можетъ говорить;
Пьемъ съ ромомъ чай когда захочемъ,
Читаемъ, рѣзвимся, хохочемъ,
Потомъ садимся мы за столъ:
У насъ безъ вычуръ вкусный ужинъ,
Французъ на кухнѣ намъ ненуженъ
И вечеръ такъ какъ мигъ прошелъ.
Люблю подчасъ нога на ножку
Сидѣть одинъ наединѣ
И забываясь понемножку
Не въ явѣ быть и не во снѣ;
Или, воздушны замки строя,
Какъ бы чрезъ подвиги героя
Вселенну мыслью межевать,
Или (конечно, не для славы
А для одной своей забавы)
Стихи отъ скуки сочинять.
Люблю—но что я разболтался?
Не мало мнѣ забавъ любыхъ
Ужъ ты, пріятель зазѣвался
Читая описанья ихъ
И можетъ быть кричишь: „довольно!
Любить тебѣ что хочешь вольно,
Люби да лишь молчи любя...“ —
Давно я это, другъ мой, знаю,
Но я и то не забываю,
Что вѣдь пишу я для себя.—

С. Оржевка.

1825—1831 гг.

(См. стр. 56—57, 60).

29. Пѣсня (Е. Д. Мартыновой).

Кто эта юна, нѣжна дѣвица
Легкимъ порханіемъ карандаша
Изображая ангеловъ лица
Пишетъ свой образъ?—Лиза душа.
Чей этотъ голосъ тихій но милый,
Слухъ услаждая, чувствомъ дыша,
Трогаетъ сердце чудною силой?
Кто эта дѣва?—Лиза душа.
Кто насъ плѣняя рѣзвой забавой
Мысли сторонни въ насъ потуша,
Въ польской мазуркѣ плаваетъ павой,
Вихремъ вертится?—Лиза душа!
Кто нашъ въ молчаніи взоръ привлекаетъ
Рѣчью добротою Бога дыша
Кротость намъ въ сердце сладко вливаетъ?
Кто эта дѣва?—Лиза душа!
Прелестью тихой кто безмятежно
Невозмущая пылкую кровь
Даромъ небеснымъ тихо и нѣжно
Сердце плѣняетъ?—Лиза любовь.

С. Оржевка, 1825 г.,
22 февраля.

30. Милой Лизѣ (Е. Д. Мартыновой).

(На голосъ „Quand tu m'aimais," etc).

Люблю тебя, о Лиза! другъ мой нѣжный
Какъ пчелка любитъ сладкій цвѣтъ весной;
Но я безъ крылъ: я спутникъ твой надежный,
Всѣ радости мои въ тебѣ одной.
Люблю тебя какъ узникъ любитъ волю,

Какъ въ грозный часъ волненія морей,
Бѣднякъ пловецъ, зря горестную долю,
Зоветъ покой отеческихъ полей.
Люблю тебя, о сердца наслажденье!
Въ тебѣ послалъ мнѣ рай земной Творецъ.
Ахъ, повторяй мнѣ въ радость, въ восхищенье:
Люблю тебя, люблю тебя, пѣвецъ!

1825 г., апрѣля 5-го.
С. Оржевка.

---

31. A Lise.

Etant à Moscou
Il m'est bien doux
De penser à vous,
Chère Lise, beancoup.
Ah, pour le coup
Loin de vous
Je vous avoue,
Je suis gai comme un hibou.

May 1825.
Moscou.

---

32. Виновные несчастливцы.

Большая часть людей, въ дѣяньяхъ бывши вольны
Печалятся, своей судьбою не довольны.
Неразсудя кого въ сихъ случаяхъ винить
И хнычутъ говоря: — „несчастливыми быть
Мы созданы на свѣтъ; гонимы злобнымъ рокомъ
Влачимъ нашъ краткій вѣкъ въ мученіи жестокомъ;
Нѣтъ радостей для насъ, успѣховъ нѣтъ въ дѣлахъ
Унынье и тоска всегда у насъ въ сердцахъ;
Межъ тѣмъ какъ прочіе довольствія вкушаютъ,—
Увы, несчастныхъ насъ бѣды обремѣняютъ
И тщетно цѣлый вѣкъ къ себѣ мы счастья ждемъ—
Фортуна держитъ насъ всегда подъ колесомъ".
Согласенъ—люди есть гнетомые бѣдою,
Несчастнымъ случаемъ, а не своей виною,
Достойные чтобъ ихъ жалѣть и утѣшать;
Но сколько жалобамъ мы тѣхъ должны внимать
Невольниками что своихъ пороковъ стали

Въ химерахъ счастія надежнаго искали
И, обольстясь мечтой, познавъ ее, вопятъ,
Виновны сами бывъ, судьбу свою винятъ!
Несчастливый Ликадъ день брака проклинаетъ,
Съ которыхъ поръ свое онъ бѣдствіе считаетъ
На свѣтѣ пятьдесятъ уже проживши лѣтъ
Въ почтенной старости, съ морщинами, и сѣдъ
Съ кокеткой молодой, влюбяся, сочетался
И съ свадебнымъ вѣнцомъ рогами увѣнчался;
Жена въ почтеніи у молодыхъ людей
А онъ едва терпимъ, и то еще при ней.
Не въ силахъ прекратить насмѣшки, и распутство
Ужъ поздно онъ свое увидѣлъ безразсудство,
Вопитъ сѣдой дуракъ и ссорится съ судьбой;
Что онъ попалъ въ просакъ, онъ самъ тому виной.
Леандръ въ младыхъ лѣтахъ на золото польстился
Съ старухой бракомъ онъ богатой съединился
И думалъ, что теперь онъ къ счастію пришелъ,—
Анъ нѣтъ, въ женѣ своей онъ Аргуса нашелъ:
Старуха съ нимъ вездѣ, ко всѣмъ его ревнуетъ
И бѣдный нашъ Леандръ среди богатствъ тоскуетъ
Безплоднымъ юности своей палимъ огнемъ,
Сей лучшій даръ небесъ теперь сталъ казнью въ немъ
Но родовымъ своимъ, хоть скромнымъ, состояньемъ
Согласнѣе бы жить онъ могъ съ своимъ желаньемъ
Въ объятіяхъ любви съ подругой равныхъ лѣтъ
Теперь не самъ ли онъ причиной своихъ бѣдъ?
За золото пошелъ къ старухѣ онъ въ неволю
Такъ и сноси зато съ терпѣньемъ свою долю.
А тамъ ломается отъ страха Гарпагонъ,—
Богатство все свое въ шкатулѣ держитъ онъ
И до нея никто дотронуться не смѣетъ...
Одѣтъ онъ рубищемъ, годъ круглый онъ говѣетъ.
Храня имѣніе боится всѣхъ людей
И сохнетъ всякой часъ отъ скупости своей,
Свободенъ и богатъ, всѣхъ менѣе онъ воленъ,
Всѣхъ менѣе богатъ, всѣхъ менѣе доволенъ,
Живетъ не для себя и мучитъ лишь другихъ,
Боится всякой часъ наслѣдниковъ своихъ,
Воровъ, разбойниковъ, въ питьѣ, въ ѣдѣ отравы
И съ плачемъ говоритъ, „о времена! о нравы!
Не можно ни къ кому довѣрчивому быть!“
Не самъ ли онъ себя старается томить?
И онъ еще своей судьбѣ пенять смѣло!

Онъ самъ мучитель свой,—страдаетъ, и за дѣло.
Поручикъ Честолюбъ, военна бога внукъ
Проводитъ весь свой вѣкъ среди трудовъ и мукъ
Военныхъ почестей достать онъ суетится;
Но счастье что-то съ нимъ не хочетъ подружиться
И къ большей горести несчастнаго сего
Беретъ подъ свой покровъ товарищей его
А онъ къ тщеславію лишенъ своей отрады
Въ отчаяньи своемъ рветъ волосы съ досады...
Чтожъ дѣлать, мой герой! оставь военный мечъ,
Ты можешь счастіе гдѣ индѣ подстеречь,
Оно въ тебѣ самомъ: привыкни жить спокойно
И будешь за труды вознагражденъ достойно;
Ты честолюбія страдалецъ твоего
Ты самъ причиною несчастья своего.
Филонъ игралище картежной сильной страсти
Имѣнье проигравъ влачитъ свой вѣкъ въ напасти,
Отчаянно себя, судьбу и всѣхъ клянетъ,
Игру и игроковъ всѣхъ аду предаетъ;
Онъ жалокъ, но Филонъ достоинъ наказанья—
Другимъ готовилъ онъ такія же страданья.
Зависливый Дамисъ отъ горести изсохъ,
Что онъ богаче всѣхъ, знатнѣй всѣхъ быть не могъ
И счастіе другихъ Дамиса убиваетъ...
Когда имѣніе свое кто умножаетъ
Иль получаетъ чинъ, Дамиса то разитъ:
Онъ блѣденъ, такъ какъ смерть, отъ зависти дрожитъ
И всякому готовъ вредить къ своей отрадѣ,
Душа его всегда въ мученіяхъ, какъ въ адѣ.
Конца его бѣдамъ ужаснымъ въ жизни нѣтъ,
Причиной страшныхъ мукъ ему есть цѣлый свѣтъ:
Глазами зависти онъ всѣ предметы видитъ,
Онъ всѣми не любимъ и самъ всѣхъ ненавидитъ
И къ наказанію порочнаго сего
Сей самый же порокъ есть казнію его.
Клеонъ бранитъ судьбу, правленье проклинаетъ
Которое ему судиться запрещаетъ
За то что ябедой онъ дышетъ и живетъ
И просьбы подавать готовъ на цѣлый свѣтъ;
Законы знавши всѣ, толкуетъ ихъ какъ хочетъ;
Теперь съ сосѣдями онъ болѣ не хлопочетъ
Не сочиняетъ просьбъ; томится и груститъ.
Клеона мучаютъ и бѣшенство и стыдъ
Безсиленъ утѣшаться ябедой и споромъ

Указъ сей для него есть смертнымъ приговоромъ;
Не справедливо ли въ такомъ мученьи онъ?
И состраданія достоинъ ли Клеонъ?
Законовъ точный смыслъ насъ въ благѣ утверждаетъ
А онъ ихъ къ нашему вреду употребляетъ;
Теперь пускай живетъ въ злыхъ горестяхъ своихъ
Къ мученью для него, къ наукѣ для другихъ.
Такими смертными свѣтъ всюду изобиленъ
И трудъ мой навсегда останется безсиленъ
Исчислить участи различныя людей
Сихъ бѣдственныхъ рабовъ пороковъ и страстей—
Различность нравовъ, правъ, народовъ, состояній
Предметы множатъ ихъ несчастливыхъ желаній.

---

33. Ода.

Ахъ, сколько горести на свѣтѣ
Родиться съ нѣжною душой,
При всякомъ жалость зрѣть предметѣ
Хоть и не надъ самимъ собой;
Возможно-ль зрѣть безъ состраданья
Людскія слезы и рыданья?
Ахъ! сердце томное груститъ
Невинность видя утѣсненну
И бѣдность людями презрѣнну
Межъ тѣмъ какъ глупость въ нѣгѣ спитъ.
Есть Богъ! Но злоба пребываетъ
Съ желѣзнымъ скипетромъ въ рукѣ.
Есть громъ! Но громъ сей ударяетъ
Съ напраснымъ гуломъ вдалекѣ.
И богачи не милосерды
Противъ несчастій златомъ тверды,
Смѣются горести людей.
Несчастью злоба современна
И вмѣстѣ съ міромъ сотворена
Содѣлала изъ насъ звѣрей!
Гдѣ больше видишь пышныхъ зданій,
Величествъ, блесковъ суеты
Свершеній гордости желаній
Тамъ мниши въ восхищеньи ты
Себя быть въ рай переселеннымъ
Гдѣ нашимъ нуждамъ вожделеннымъ
Ни въ чемъ ужъ недостатка нѣтъ;

Напротивъ, тамъ то обитаетъ
Та грусть, которая снѣдаетъ
Страстьми и бѣдствами весь свѣтъ.
Вельможа, златомъ обладая,
Средь почестей и среди нѣгъ
Клевещетъ, что судьбина злая
Его не ставитъ выше всѣхъ;
Довольный всѣмъ еще желаетъ,
Хотя конца онъ достигаетъ
Своихъ разслабленнѣйшихъ дней;
А бѣдный проситъ лишь отъ неба
Для пропитанья корки хлѣба.
Какое жъ равенство людей?
Любимецъ счастливый фортуны
Спокоенъ вѣчно, пресыщенъ
Внимаетъ какъ музыки струны
Въ обширности вѣщаютъ стѣнъ
И тѣмъ еще онъ недоволенъ!
А бѣдный старецъ, дряхлъ и боленъ
Ночлега вѣрно не имѣвъ
Покрытый рубищемъ страдаетъ,
Къ гражданамъ руки простираетъ
И внемлетъ только вѣтра ревъ!
Едваль надежда остается
Влачащему свой вѣкъ въ слезахъ!
И онъ спокойно предается
Судьбѣ своей во злыхъ бѣдахъ,
Зимою сноситъ рѣзкій холодъ,
Усталость, наготу и голодъ
И независтнымъ окомъ зритъ
Онъ теплые вельможъ чертоги,
Въ коихъ живутъ они какъ боги
Гдѣ суета ихъ въ нѣгѣ спитъ.
Сіи вельможи въ пресыщеньѣ
Людьми ужъ переставши быть,
Божественнаго утѣшенья
Несчастливымъ благотворить
Увы! себя на вѣкъ лишаютъ
И даже бѣдныхъ презираютъ
Забывши правду, совѣсть, честь.
Стонъ человѣчества такъ длится
А правда на землѣ страшится
О сихъ дѣлахъ дать небу вѣсть.
Несчастный страждетъ, презираемъ,

А утѣсняющій гордецъ
Въ чести, во славѣ почитаемъ;
Отъ робкихъ въ обществѣ сердецъ
Не зря дѣламъ своимъ препоны
Лишь умножаетъ скорбныхъ стоны;
Увы! сей мерзкій сибаритъ
Глаголы правды заглушаетъ
На храбрость цѣпи налагаетъ...
Позоръ, граждане, общій стыдъ!..

---

34. Заблужденіе ума.

Лучъ скрылся горняго свѣтила,
Съ нимъ отошелъ день красный прочь,
Крыло свое распространила
Туманная надъ міромъ ночь.
Спокойно по полямъ блуждая
И вмѣстѣ съ Юнгомъ размышляя,
Терялся въ мысли я моей...
Соображая разны роды
Я видѣлъ ясно связь природы,
Искалъ я цѣли всѣхъ вещей.
Въ семъ умствованьи дерзновенномъ
Къ кладбищу вдругъ я подошелъ
И тутъ въ порядкѣ неизмѣнномъ
Системы міра цѣль нашелъ.
Ничтожество! я рекъ душевно
Ты все объемлешь несомнѣнно,
Пріявши подъ безмолвну сѣнь...
Одно лишь ты пребудешь вѣчно
А протчее все скоротечно
И цѣлый міръ есть прахъ и тлѣнь.
Въ пространствѣ очезримой сферы
Въ безчисленности тѣлъ, вещей
Всечасно видимъ мы примѣры
Неоспоримой правды сей:
Тамъ погасающи планеты,
Тутъ исчезающи кометы
Народовъ падши племена—
Все намъ ничтожество являетъ,
Въ чреду свою все исчезаетъ,
Какъ проходящій призракъ сна.
Вселенна—тлѣнности зерцало;

Ничтожество—всему магнитъ;
Все получившее начало
Къ нему свой скорый бѣгъ стремитъ...
Гдѣ вы, римляне величавы
Исполненные громкой славы?
Гдѣ гордый вождь македонянъ
Плѣнявшій царствія далеки?
Гдѣ вы, прославленные греки? ..
Въ пучинѣ сгибли вы временъ.
Хотя потомство возвѣщаетъ
О вашихъ до сихъ поръ дѣлахъ,
Но васъ забвенье ожидаетъ
Еще въ позднѣйшихъ временахъ.
Славнѣйши васъ народы были,
Которые предъ вами жили,—
Ихъ память не дошла до насъ...
На вашихъ возникнувши обломкахъ,
Народы новые въ потомкахъ
Исчезнутъ такъ, какъ вы въ свой часъ.
Все снидетъ въ глубину могилы
Все цѣль одну должно познать...
И вы небесныя свѣтилы!
Преставши нѣкогда блистать
Исчезните среди эфира,
Разрушится система міра
И пламя общей жизни съ нимъ ..
Зиждитель свѣта, Всемогущій!
Единый всюду—Вѣчносущій!
Колико Ты не постижимъ!
О, сильные земли владыки,
Мильоны правящи людей!
Когда вы мните быть велики
Пространствомъ вашихъ областей,
Коль ложной славой обольщены
Воззрите на судьбу вселенны,
По ней свою размѣрьте вы!
Оставьте ваши заблужденьи
Со всей вселенною въ сравненіи
О вы, несчастные, что вы?
Коль отличиться вы стремитесь
Отъ прочей степени людей,
То добродѣтели учитесь
Отверзши путь до сердца ей;
Давайте подданнымъ судъ правый,

Старайтесь очищать ихъ нравы
Считая долгомъ то своимъ,
Противъ ласкательствъ будьте тверды,
Правдивы, но и милосерды
И возвеличитесь вы симъ.
Народъ васъ подданный возлюбитъ,
Почтетъ превыше смертныхъ всѣхъ,
Хвалы отъ сердца вамъ вострубитъ
И вы исполнитесь утѣхъ,
Которыхъ лишь цари вкушаютъ
Когда премудро управляютъ
Бывъ образъ Бога на земли.
Порфирносцы! на престолѣ
Живете вы въ счастливой долѣ
Съ стези коль правды не сошли.
Пускай гордыня напыщенна
Отъ васъ смятенная бѣжитъ —
Она разсудка просвященна
Тщеславіемъ не изумитъ;
Цари! вы благостію славны,
Но смертные вѣдь всѣ вамъ равны,—
Природѣ тожъ, что царь, что я:
Наступитъ часъ ея закона—
Меня съ дивана, васъ со трона
Равно сокроетъ всѣхъ земля.
Въ потомствѣ вы гремѣть желая
Напрасно ищите побѣдъ,
Рука временъ, все истребляя,
И васъ въ забвенье приведетъ,
Монументъ гордый вашъ разрушитъ
И память славную нарушитъ,
Потомство васъ не вспомянетъ
И даже, коль одной войною
Вы славились, объ васъ порою
Ни кто быть можетъ не вздохнетъ,
Ни кто, лишь мрачные зоилы
Какъ хищны волки набѣгутъ,
Зловредны изостривши силы
Васъ на бумагѣ разорвутъ,
Усопшій прахъ обезпокоятъ
Пороки ваши всѣ удвоятъ
И васъ ни кто не защититъ...
Увы! тогда то намъ стократно,
Забвеніе болѣе пріятно!

Ничтожество тогда намъ льститъ.
О ты, что намъ столь неизбѣжно!
Существенности всей предметъ
Владычествующе прилежно!
О ты, что весь объемлетъ свѣтъ,—
Ничтожество! въ тебѣ теряюсь,—
Но я тебя не ужасаюсь,
Я былъ въ тебѣ и вновь приду
Конецъ съ началомъ съединяя,
Бытье протекши начиная
Безтрепетно въ тебя паду
Чертогъ твой вижу: бездна темна,
Гдѣ все и нѣтъ гдѣ ничего.
Но ахъ, теряюсь я душевно
Отъ вседержавья твоего:
Въ тебѣ сокрыты древни крезы,
Въ златыя скованы желѣзы
Героевъ тысяча въ тебѣ,
Всѣ прежде бывшіе народы
И всѣхъ веществъ погибшихъ роды,—
Ты заключаешь все въ себѣ.
Ахъ, нѣтъ! тобой все изнезаетъ
И не находится ни гдѣ,
Твоя рука уничтожаетъ
Всѣ существа всегда, вездѣ...
Когда въ тебѣ они впадали
Они бъ еще существовали,
Но ты ничтожишь ихъ совсѣмъ..
Но что же ты? и что я стану
Когда существовать престану?
Теряюсь въ размышленіи семъ!
Того мой умъ объять не можетъ
Себѣ противорѣчу самъ
И тайна та меня тревожитъ,
Она страшна всѣмъ смертнымъ намъ;
Тебя, ничтожность, ужасаюсь
И къ вѣчности я возвращаюсь,—
Я въ ней спокойствіе найду...
Отставъ отъ зла воображенья
Исполненнаго заблужденья,
Предъ тономъ Вѣчнаго паду.
Мы въ жизни Имъ одушевленны
Имъ дышемъ, движимся, живемъ,
Такъ мы на вѣки неизмѣнны

Въ существованіи своемъ
Хоть мы родяся умираемъ
Ничтожества мы не познаемъ,
Въ насъ духъ—частица божества:
Онъ кажетъ къ благу намъ дорогу,
Онъ насъ уподобляетъ Богу
И не теряетъ существа.
Сіе мой разумъ озаряетъ,
Опять въ границахъ онъ своихъ
Сомнѣнье болѣ не смущаетъ
И не тревожитъ чувствъ моихъ.
Творецъ прекрасныя вселенны,
Премудрый Зодчій совершенный
Ужели создалъ насъ на то,
Чтобъ мы какъ куклы въ свѣтѣ были
Свой кроткій вѣкъ—бы въ немъ отжили
И послѣ стали вдругъ ничто?
О мысль, мысль полна огорченья!
Не тотъ конечно былъ предметъ
Всевышняго при сотвореніи—
Не гибнемъ мы, оставивъ свѣтъ:
Насъ ждетъ жизнь вѣчна, намъ безвѣсна,
Разрушится вся связь тѣлесна,
Но души въ насъ не тлѣнь, не прахъ
Бывъ совершенствъ Его частицы;—
И духъ премудрыя Фелицы
Еще ликуетъ въ небесахъ.
Позналъ я цѣль всемірну нынѣ,
Святою вѣрой озаренъ:
Все возвращается къ причинѣ
Своей, въ послѣдствіи временъ,
Вновь тѣло въ землю обратится
А духъ въ домъ Божій водворится
Оттоль начало воспріявъ,—
Сіе душѣ моей пріятно!
И мы счастливѣе стократно
Такую истину познавъ

Оржевка.

35. Отрывокъ I.

Возсѣлъ на блещущемъ престолѣ
Владыка молній и громовъ,
Накашлясь съ важностью подолѣ,
Вѣщаетъ всѣмъ, какъ царь боговъ,
Рѣчь сочиненну Аполлономъ.
Юнона вдругъ съ жеманнымъ тономъ
Идетъ ему на перекоръ,
Ей обойтись нельзя безъ ссоръ—
Всегда супругу прекословитъ,
Нептунъ трезубцемъ муху ловитъ
А Веста разѣваетъ ротъ;
Отъ думъ вогнатый въ третій потъ
Марсъ злится, кулаки сжимаетъ,
Вулканъ молчанье прекращаетъ
Венера съ недовольствомъ вдругъ
Кричитъ „молчите, мой супругъ!"
Затѣмъ Зевесу сдѣлавъ глазки
Богиня дѣло все рѣшитъ;
Меркурій приговоръ строчитъ
А Фебъ гуляетъ безъ опаски,
Павлиномъ ходитъ средь богинь
Суптильный, тонкій словно линь.
Церера хмурится, сопитъ,
Минерва въ бѣшенствѣ молчитъ,
Изъ подъ тишка Діана...

Это вольный переводъ Demoustier, Lettres à Emilie sur la mythologie, Lettre Première (Paris, Renouard, 1817, t. I, pp. 37—39). Въ черновомъ наброскѣ дѣда сохранился слѣдующій, безъ начала, клочекъ перевода:

А въ четвертую степень помѣщены мелкія простонародныя божества, которыя составляютъ небесную челядь (въ подлинникѣ: dans le quatrième les petites divinités du peuple qui composent la canaille celeste). Боговъ первой степени двадцать. Изъ числа оныхъ одиннадцать избраны Юпитеромъ для его совѣта, который держится слѣдующимъ образомъ:

Сидя на блещущемъ престолѣ
Владыка молній и громовъ
Накашлясь съ важностью подолѣ
Вѣщаетъ такъ какъ царь боговъ
Рѣчь сочиненну Аполлономъ
Юнона тутъ жеманнымъ тономъ

Идетъ ему на перекоръ,
Всегда супругу прекословитъ
Пока Нептунъ, ея beau—frére,
Уйметъ семейную ихъ ссору
А Веста лишь разинетъ ротъ
Марсъ крикнетъ и она сожметъ
А онъ, не думавъ, краткимъ словомъ
Отрубитъ дѣло какъ калачъ,
Помявши дѣло въ головѣ
И пособравшись съ важнымъ духомъ
Вулканъ молчанье прекращаетъ.
Венера съ нерадѣньемъ вдругъ
Кричитъ: Прошу насъ ящадить!
Супругъ, смотри, молчи и слушай
Будь тѣмъ доволенъ ты, что тутъ!
Потомъ взглянувъ на громодержца
Умильно, дѣло все рѣшитъ
Меркурій пишетъ приговоръ
Условленный межъ ими прежде,
Діана ропщетъ подъ тишкомъ
Церера въ краскѣ съ нетерпѣнья
Минерва въ бѣшенствѣ безгласномъ
Киваетъ колпакомъ въ отвѣтъ.

Другія божества первой степени, какъ то Судьба, Сатурнъ, Геній, Плутонъ, Вакхъ, Амуръ, Цибелла и Прозерпина исключены изъ совѣта боговъ по превосходнѣйшимъ причинамъ, ибо Юпитеръ иныхъ имѣть не можетъ. Однако увѣряютъ, что Цибела и Прозерпина имѣютъ право сидѣть предъ Юноной (ont le tabouret chez Junon). Впрочемъ, милость не великая; ибо къ нраву сей богини очень трудно примѣниться: ея даже обвиняютъ въ несоблюденіи уваженія къ ея прародительницѣ, этой доброй Вестѣ, которая часто мелетъ вздоръ и всегда находится въ наилучшемъ здоровьѣ. Я надѣюсь завтра доставить тебѣ о ней свѣдѣнія; такъ какъ я намѣренъ слѣдовать порядку старшинства, то и начну съ нее, но въ письмахъ моихъ ты должна ожидать большой нелѣпицѣ, ибо оная очень часто встрѣчается въ предметѣ описываемомъ мною. Басня сходна съ большинствомъ нашихъ парижанокъ, коихъ разсудокъ чѣмъ далѣе отходитъ отъ здраваго смысла, тѣмъ дѣлается блистательнѣе. Впрочемъ

Когда къ тебѣ пишу, сердечное движенье
Разсудокъ вводитъ въ заблужденье
А сей туда-жъ влечетъ перо.

Въ подлинникѣ эти стихи:

Pour vous lorsque l'on écrit
En commençant le volume
Le coeur égare l'esprit,
L'esprit égare la plume.

*** 36. Отрывокъ II.**

Письмо V (Олимпійскія игры).

Слыхала ты про рыцарски забавы
Гдѣ наши витязи горя любви огнемъ
И жажля славы
Наличникъ опустя, вооружась копьемъ
Вступали въ жаркое сраженье
Красавицамъ ихъ въ угожденье,
Которы каждый разъ
За выколотый глазъ
За переломъ ноги или руки утрату
Браслетъ иль ленточку давали имъ въ уплату.

Олимпійскія игры, столь славныя въ древности имѣли нѣкое сходство съ сими. Однако въ нихъ одна слава вдохновляла сражающихся; ибо женщины долгое время изъ оныхъ были исключены, подъ угрозой смертной казни. Но несмотря на строгость закона, нѣкоторыя являлись на игры въ мужескомъ одѣяніи, многія осмѣлились даже войти въ состязаніе и, оставшись побѣдительницами, сдѣлали для женщинъ свободный доступъ для Олимпійскихъ игръ. Съ тѣхъ поръ на нихъ слава соединилась съ любовью.

Религія также въ нихъ участвовала, ибо всегда предъ началомъ и по окончаніи сихъ игръ отправляли жертвоприношеніе въ честь боговъ и особенно Аполлону. Потомъ открывали ристалище для бѣга, единоборства, борьбы желѣзными рукавицами (цесты), бросанія дисковъ (свинцовыхъ кружковъ). и для другихъ упражненій . . . . . .
. . . . . .

— Начало перевода письма 5-го изъ того же Demoustier (t. 1, pp. 54—55), которое начинается слѣдующими стихами:

On vous a parle' quelquefois
De ces joutes, de ces tournois,
Où, la lame en arret, la visière baissee
Nos chevaliers, brulant ct de la gloire et d' amour,
Combattoient pour faire la cour
A la dame de leur pensée,
Qui payait ordinairement
Un oeil, un bras de moins, une jambe cassée,
D'un braclet ou d' un ruban

1826—1828 гг.

(См. стр. 60).

Пѣснь въ Сельмѣ.

Поэма изъ Оссіана А. Слѣпцова.

(3-е изданіе).

См. „The poems of Ossian trans. by I. Macpherson". Leipzig, Tauchnitz, 1847, p. 208—214.

Звѣзда вечерняя, подруга ночи мрачной,
Блестяща въ западѣ возвышенномъ челомъ
Межъ ряби облаковъ прозрачной!
Какъ величавъ твой ходъ на сводѣ голубомъ!
Скажи, что взоръ твой привлекаетъ
На сей зеленый, мирный лугъ?
Полдневный вѣтръ утихъ, источникъ умолкаетъ,
И море волнами привѣтливо ласкаетъ
Подножіе скалы, и тихо все вокругъ.
О лучезарная! что взоръ твой привлекаетъ
На сей зеленый, мирный лугъ?—
Но ты, пріятно усмѣхаясь,
На небосклонъ ведешь твой ходъ,
И волны, вкругъ тебя стекаясь,
Твой омываютъ ликъ въ струяхъ прозрачныхъ водъ,
И ты сокрылась за водами,
Твой свѣтозарный лучъ потухъ;
Такъ пусть же для меня огневыми лучами
Освѣтитъ мракъ полей восторженный мой духъ.
Мой духъ, воспламенясь, расторгнулъ мраковъ сѣни,
И, освѣщенны имъ во тмѣ,
Явилися друзей мнѣ тѣни,
Сошедшіяся на холмѣ.
Фингала вижу я: онъ окруженъ толпою
Могучихъ ратниковъ. Почтенный бардъ Уллинъ,
И сладкозвучные тамъ Рино и Альпинъ,
Минона съ пламенной, чувствительной душою.

Мои сотрудники! друзья души моей!
Какъ измѣнились вы съ тѣхъ счастливыхъ дней,
Когда мы во дворцѣ вступали въ подвигъ преній,
Кому пріять вѣнецъ побѣдный пѣснопѣній,
И наши стройны голоса,
Животворительны какъ ранняя роса,
Пріятны, сладостны, какъ вешнее дыханье,
Вносили въ слухъ очарованье!
Въ одно изъ сихъ торжествъ явилася предъ насъ
Минона юная, блистая красотою;
Но помрачалася краса ея тоскою
И слезы капали съ ея поникшихъ глазъ.
Бѣлѣйшею снѣговъ рукою
Она коснулася струнъ арфы золотыхъ,
И звонкія одушевились,
Она возвысила унылый гласъ и въ мигъ
Сердца геройскія смягчились.
Жилище тѣсное, гдѣ обитаетъ мгла,
Сальгара въ полѣ гробъ нерѣдко мы видали.
Увы! въ него жъ стезей печали
И Кольма бѣдная сошла.
Ее на холмѣ оставляя,
Придти предъ вечеромъ Сальгаръ ей далъ обѣтъ;
Но вотъ уже заря, предвѣстница ночная—
Сальгара нѣтъ; и вотъ ужь ночь—Сальгара нѣтъ.
Среди ненастной, темной ночи
Во мракѣ бродятъ Кольмы очи;
Душа ея тоски полна,
Какъ въ морѣ, горечи волна.
Ей собесѣдуетъ ея же вопль ужасной. —
Минона пѣла такъ намъ жалобы несчастной:

К о л ь м а.

Вѣтры воютъ, ночь ненастна и темна,
Дождь шумитъ и я на холмѣ семъ одна.
Гдѣ жь укроюсь я въ пустынной сторонѣ?
Я оставлена и нѣтъ пріюта мнѣ.
Въ небѣ пасмурномъ не видно свѣтлыхъ звѣздъ.
О луна! взойди, взойди отъ горныхъ мѣстъ.
Развѣ искры нѣтъ небеснаго огня,
Провести во мракѣ къ милому меня?
Утомленъ теперь онъ ловлею звѣрей,
Отдыхаетъ одинокій средь полей,
Близъ него лежитъ распущенъ тяжкій лукъ;

Жарко дышутъ ловчи псы его вокругъ.
Такъ одной мнѣ здѣсь на холмѣ ночевать!
Голосъ милаго нельзя мнѣ разслыхать:
Шумъ источниковъ удвоился съ дождей,
Поднимается шумъ вѣтра все сильнѣй,
Онъ мнѣ рано возвратиться обѣщалъ.
О мой милой! для чего ты опоздалъ?
Вотъ тотъ камень, вотъ береза и ручей
Гдѣ сойтись тебѣ съ любезною твоей.
О Сальгаръ! свѣтило сердца моего!
Для тебя отца и брата своего
Я покинула, сокрылася съ тобой,
Наши роды раздѣляются враждой;
Но съ Сальгаромъ мы на вѣкъ, на вѣкъ друзья.
Замолчи ты шумъ нагорнаго ручья,
Вѣтры буйные, умолкните на часъ,
Чтобы внятенъ былъ любезному мой гласъ.
О Сальгаръ! Сальгаръ! иди ко мнѣ скорѣй!
Вотъ тотъ камень, вотъ береза и ручей,
Гдѣ со мною ты сойтиться обѣщалъ.
О Сальгаръ! Сальгаръ! зачѣмъ ты опоздалъ?
Но луна уже явилась въ небесахъ,
Воды струйками мелькаютъ на поляхъ,
Камни въ полѣ оказалися вездѣ,
А любезнаго не вижу я нигдѣ.
Ловчи псы его всегда предъ нимъ бѣгутъ;
Но гонцы о другѣ вѣсть не подаютъ,
Не видать его въ пустынной сторонѣ.
Оставаться здѣсь одной несчастной мнѣ!
Но какіе ратоборцы тамъ лежатъ?
Не ужели то любовникъ мой и братъ? *)
О друзья мои! бесѣдуйте со мной,
Вы проснитеся... не слышутъ голосъ мой!
Душу пылкую мою подернулъ хладъ.
Ихъ мечи окровавленные лежатъ.
Что я вижу? Въ нихъ обоихъ жизни нѣтъ!
Страшно, горько мнѣ, во взорѣ тмится свѣтъ.
О Сальгаръ! ты ль брата милаго сразилъ?
Ты ли, братъ мой, ты ль Сальгара погубилъ?
Былъ ты страшенъ, былъ храбрѣйшій на войнѣ;
Но Сальгаръ былъ украшеньемъ сей странѣ.
Ахъ, обоихъ васъ любила я душой.
О друзья мои! услышьте голосъ мой,

*) Кольма подходитъ къ лежащимъ въ полѣ воинамъ, которыхъ она увидѣла (А. С.).

Отвѣчайте! но безмолвны ихъ уста.
Ихъ сердца охолодѣли навсегда.
Тѣни милыхъ! съ вашихъ каменныхъ высотъ
Кольма бѣдная отвѣтовъ вашихъ ждетъ.
Гласъ отвѣтный вашъ нестрашенъ будетъ мнѣ:
Гдѣ найти мнѣ васъ въ пещерной глубинѣ? *)
Бури стихли, все безмолвно вкругъ меня,
Но ихъ звуковъ въ тишинѣ не слышу я.
Ахъ! возсяду здѣсь я съ грустію моей,
Лить до утра слезы горьки изъ очей.
Други вѣрные почившихъ вѣчнымъ сномъ!
Вы разройте имъ могилу предъ холмомъ;
Но пождите, погодите засыпать:
Вамъ недолго и моей кончины ждать.
Жизнь моя пройдетъ какъ сонъ, какъ быстрый мигъ.
Что мнѣ дѣлать въ жизни грустной послѣ нихъ?
Я, какъ горлица, подбитая стрѣлой,
Упаду на нихъ, сраженная тоской.
Близъ текущаго съ вершины сей ручья
Сладко съ милыми на вѣкъ спокоюсь я.
Тѣнь печальная моя среди ночей
Будетъ горько здѣсь оплакивать друзей.
Звѣроловцу, пробужденному отъ сна
Будетъ пѣснь моя пріятна и страшна.
Надъ наполнившими душу всю мою
Я и жалобно и сладко запою.

Такъ изливалася Миноны пѣснь печали,
И розы на лицѣ красавицы блистали.
Ея унылый, скорбный гласъ,
И Кольмы бѣдствіе тѣснили души въ насъ.
Мы лили слезы. Передъ нами
Уллинъ со звучной арфой сталъ,

---

*) На замѣчанія моихъ пріятелей о сихъ четырехъ стихахъ отвѣчаю: это буквальный переводъ съ подлинника; и ежели есть грѣхъ, то въ немъ уже каются Оссіанъ или Макферсонъ. Я только передаю, но и грѣхомъ этого не считаю. Можно быть на горѣ и имѣть передъ собою гору еще выше. Тѣла убитыхъ были у ногъ Кольмы, но тѣни ихъ воображеньемъ ея перенесены еще на высшія горы, что согласно съ понятіемъ тогдашнихъ народовъ Шотландіи. Скрытіе ихъ въ пещерной глубинѣ основано на томъ же понятіи (А. С.).

(Въ изданіи 1847 г. это мѣсто читается такъ: „Oh! from the rock on the hill, from the top of the windy steep, speak, ye ghosts of the dead! speak, I will not be afraid! whither are ye gone to rett? in what cave of the hill shall I find the departed?“ и т. д.).

И, вдохновенный бардъ, онъ легкими перстами
Альпина пѣсни повторялъ.
Альпина сладкій гласъ былъ полонъ чувства, силы,
Духъ барда Рина пламенѣлъ;
Но ужъ они тогда сошли во мракъ могилы
И сладкій голосъ ихъ на вѣки онѣмѣлъ.
Уллинъ унылое ихъ пѣнье
Когда-то слыщалъ на поляхъ:
Какъ раздавалося въ ихъ стройныхъ голосахъ
Морара сильнаго паденье.
Сей храбрый ратникъ молодой
Фингалу равенъ былъ ведикою душой,
И смертоносный мечъ Морара
Былъ страшенъ для враговъ, какъ страшенъ мечъ Оскара;
Но онъ погибъ, но сильный палъ.
Отецъ о сынѣ возрыдалъ,
И вѣтры разнесли сестры отзывы стона.
Сія несчастная была сама Минона.
Уллина слыша пѣснь, сокрылася она,
Какъ сокрывается прекрасная луна,
Послыша бури приближенье—
И я коснулся струнъ, и вотъ уныло пѣнье:

Р и н о.

Грома гулъ не раздается,
Грозныхъ молній огнь погасъ,
Вѣтры смолки, дождь не льется,
Свѣтелъ, тихъ полудня часъ.
Позлатилися лучами
Снова холмы средь полей,
Заблисталъ передъ очами
Съ горъ стекающій ручей.
Я люблю ручья журчанье;
Но сто кратъ пріятнѣй мнѣ
Привлекающій вниманье
Нѣкій голосъ въ той странѣ.
То Альпина пѣснь уныла,
Мертвымъ сладостный привѣтъ.
Льетъ онъ слезы, наклонила
Выю барда мышца лѣтъ.
Сынъ пріятныхъ звуковъ пѣнья!
Для чего ты, бардъ Альпинъ,
Ищешь здѣсь уединенья,
На холму, среди пустынь?

Ты, какъ дикій брегъ зыбучій
Ударяемый волной,
Ты, какъ бурѣ лѣсъ дремучій,
Вторишь стонъ твой горевой.

Альпинъ.

Я рыдаю надъ могилой.
Рино! мертвымъ голосъ мой.
Ты теперь отличенъ силой,
Крѣпкій ратникъ молодой.
Ты блистаешь красотою;
Но когда судьбы ударъ
Разразится надъ тобою,
Ты падешь, какъ палъ Мораръ.
Будешь ты, о ратникъ смѣлый!
Позабытъ въ родной странѣ
И твой лукъ осиротѣлый
Лишь нарядомъ на стѣнѣ.
Заростетъ густой травою
Хладный гробъ твой на поляхъ,
Обольетъ ли слезъ струею
Дѣва юная твой прахъ?
О Мораръ! ты на ловитвѣ
Легкихъ ланей обѣгалъ,
Вихремъ пламеннымъ на битвѣ
Простирался, поражалъ.
Среди облачныхъ бореній
Блещутъ молньи въ небесахъ—
Такъ пылалъ въ пылу сраженій
Страшный мечъ въ твоихъ рукахъ.
Ужасаетъ, раздаваясь
Громовой въ дали раскатъ—
Такъ твой голосъ, приближаясь,
Страшенъ былъ для супостатъ.
Былъ ты быстръ на полѣ брани,
Какъ источники въ горахъ;
Мечъ свисталъ въ могучей длани.
Сколько сильныхъ пало въ прахъ!
Но, какъ солнце послѣ бури,
Ты блисталъ, пришедъ съ войны,
Безмятеженъ какъ въ лазури,
Въ мирну ночь, лице луны.
Все друзей въ тебѣ плѣняло,
И душа твоя была,

Какъ заснувшихъ водъ зерцало,
И спокойна и свѣтла
Смертныхъ другъ и побѣдитель!
Что за мракъ тебя облекъ?
Какъ тѣсна твоя обитель!
Три шага .. и твой чертогъ!
Лишь четыре камня въ полѣ
У могилы по угламъ,
Будутъ въ память о героѣ
Впредь грядущимъ временамъ.
Дубъ листами чуть одѣтый,
Вѣтромъ движимый камышъ:
Вотъ ловцамъ однѣ примѣты,
Гдѣ, могучій, ты лежишь.
Ты погибъ, герой любезный,
И восплакать надъ тобой
Нѣтъ родительницы нѣжной,
Нѣтъ супруги молодой.
Ужь онѣ сокрылись обѣ.
Ахъ, давно, давно твои
Милыя лежатъ во гробѣ,
Хладны такъ, какъ прахъ земли.
Но невѣрными стопами
Что за старецъ идетъ къ намъ?
Снѣговыми сѣдинами
Кудри вьются по плечамъ.
Ноги слабы, станъ согбенный
Онъ въ пути жезломъ крѣпитъ.
То родитель твой почтенный,
О Мораръ! сюда спѣшитъ.
Ты его единородный.
Гласъ молвы къ нему домчалъ
Сына подвигъ благородный,
И что врагъ его бѣжалъ.
Радость свѣтлая блистаетъ
На родительскихъ очахъ.
Для чего-же онъ не знаетъ,
Что и сынъ поверженъ въ прахъ?
Плачь, родитель, надъ могилой:
Твой отрадный лучъ погасъ;
Но Мораръ, но сынъ твой милой
Не услышитъ скорби гласъ.
Скованъ жребія рукою,
Онъ лежитъ въ тяжеломъ снѣ;

Одръ его подернутъ тьмою,
Изголовье въ глубинѣ.
Ты воскликнешь — не воспрянетъ
Онъ съ одра на голосъ твой.
Ахъ! когда же лучъ проглянетъ
Въ мракъ героя гробовой?
Скоро ль, скоро ль сонъ могильный
Онъ стрясетъ съ своихъ очей?
Такъ, прости, воитель сильный,
Страхъ враговъ, любовь друзей!
Уже боръ не озарится
Броней смѣлаго бойца,
Уже врагъ не устремится
Отъ Морарова лица.
Не оставилъ намъ и сына
Ты на память о себѣ;
Но гремящу пѣсны Альпина
Посвящаю я тебѣ.
Я исторгну изъ забвенья
Имя, славное для насъ,
И въ позднѣйши поколѣнья
Пронесется славы гласъ.

Такъ пѣли мы. Печаль бесѣдовала съ нами,
Но всѣхъ грустнѣй вздохнулъ Арминъ:
Во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ его погибшій сынъ
Отцовской памяти предсталъ передъ очами.
Стонъ старца души въ насъ печалью обнималъ.
— „Къ чему столь тяжкій вздохъ? Карморъ ему сказалъ:
Такое бардовъ пѣснопѣнье
Должно ли возраждать душевное мученье?
Пріятныхъ пѣсней стройный гласъ
Унынье льетъ въ сердца, но услаждаетъ насъ.
Въ часъ утренній туманъ, возставшій надъ рѣкою
Волнуется въ поляхъ: онъ злакъ поитъ росою;
Но свѣтлый лучъ блеснулъ съ небесъ —
Туманъ разсѣялся, изчезъ.
О, Гормы ратниковъ вождь древній и почтенный!
Къ чему сей тяжкій стонъ души твоей стѣсненной?“ —

Арминъ.

Душа моя погружена
Въ тоску. Я съ горемъ породился,
Вина тоски мое сильна,
Карморъ, ты сына не лишился

И дочь прелестная твоя
Живетъ съ тобой... и вотъ семья.
Твое потомство возрастаетъ,
Цвѣтетъ на радость предъ тобой.
А я?.. а я одинъ... со мной
Мое колѣно изчезаетъ.
Даура! Ты красу луны
Твоей красой превосходила,
Ты блескомъ нѣжной бѣлины
И снѣги бѣлые мрачила.
Пріятенъ былъ мнѣ голосъ твой,
Какъ легкій вѣтерокъ весной.
Увы! Въ какой ты мракъ ужасный
Сокрылась отъ отцовскихъ глазъ!
Когда жъ опять твой милый гласъ
Услышитъ твой отецъ несчастный?
О Ариндаль! о милый сынъ!
О честь Арминова колѣна!
Среди воинственныхъ дружинъ
Не ты ль опорой былъ Морвена?
Твой взоръ, тебя водившій въ бой,
Былъ страшенъ, какъ туманъ густой,
Возставшій въ морѣ надъ волнами;
Твой щитъ носился на бояхъ,
Какъ облако на небесахъ,
Вооруженное громами *).
О ночь! ночь горести моей!
Возстань ты, вѣтръ, въ долинѣ черной,
Шуми, срывай древа съ корней;
Греми, греми, ручей нагорной;
По раздробленнымъ облакамъ
Катись, луна. Моимъ очамъ,
Душѣ растерзанной Армина,
Напомни страшную ту ночь,
Какъ я мою утратилъ дочь
И милаго лишился сына.
Армаръ, воитель молодой,
Прославленъ храбростью и силой,
Въ чертогъ гостепріимной мой
Пришелъ искать подруги милой.
Герой Дауру полюбилъ

*) „Thy look was like mist on the wave: thy shield, a red cloud in a storm".

И въ сердцѣ дѣвы счастливъ былъ,
Четы младой соединенье
Питало радостью друзей.
Тогда моихъ вечернихъ дней
Какъ было сладостно теченье!
Плыветъ Эратъ въ страну мою,
Къ Армару злобствуя душою,
За брата, сверженна въ бою
Его могучею рукою.
Ладью оставя на волнахъ,
Уже злодѣй въ моихъ стѣнахъ.
Сѣдинъ подложными кудрями
И видомъ стараго гребца
Онъ измѣнилъ черты лица,
Взиралъ спокойными очами.
Даурѣ, съ лаской на челѣ
Злодѣй безтрепетно вѣщаетъ:
—„Здѣсь, близко брега, на скалѣ
Младое древо возрастаетъ.
На немъ румянъ и вкусенъ плодъ.
Тамъ милую супругу ждетъ
Армаръ, къ тебѣ любови полный.
Меня прислалъ онъ за тобой,
И безопасно ты со мной
Переплывещь къ нему чрезъ волны.“—
И легковѣрная спѣшитъ,
Уже супруга призываетъ,
Но только отзывомъ гранитъ
Дауры гласу отвѣчаетъ:
Армаръ! Армаръ! любезный мой!
Гдѣ ты? подай мнѣ голосъ твой.—
Эратъ въ то время возвращался
Въ ладьѣ назадъ, спѣша на брегъ
И вѣроломца злобный смѣхъ
На волнахъ громко раздавался.
Объемлетъ ужасъ дочь мою.
Она свой голосъ возвышаетъ,
И къ помощи въ пустомъ краю
Отца и брата призываетъ.
И нѣтъ друзей, и нѣтъ родныхъ.
Но брега вопль ея достигъ.
Добычей ловли отягченный
Сходилъ мой сынъ на брегъ морской,
Въ рукѣ несъ лукъ и за спиной

Колчанъ стрѣлами оперенный.
Эрата Ариндаль узналъ,
Схватилъ могучими руками,
Повлекъ и къ дубу привязалъ
Злодѣя крѣпкими узлами.
Эратъ возвысилъ вопль и стонъ,
И крикомъ вѣтръ обремененъ.
Въ ладьѣ стремяся за сестрою,
Мой сынъ ужь разсѣкалъ валы,
Уже касался онъ скалы
Съ нетерпѣливою душою.
Армаръ притекъ, его узрѣлъ,
И, похитителемъ считая,
Онъ ярымъ гнѣвомъ воскипѣлъ.
Стрѣлу пускаетъ—роковая
Летитъ... я сына потерялъ!
Онъ на скалѣ, пронзенный, палъ
На мѣсто злобнаго Эрата.
Но описать могу ли я,
Какъ ты рыдала, дочь моя,
Терзалася надъ тѣломъ брата?
Ладью въ щепы о ребры скалъ
Разрушила волна морская.
Армаръ проливъ переплывалъ,
Спасти Дауру поспѣшая.
Вдругъ вихрь отъ каменныхъ высотъ
Ударилъ въ волны черныхъ водъ,
И волны брызжа, закипѣли,
Разверзлась бездна предо мной,
Армаръ погрязъ и надъ водой
Его ужь очи не узрѣли.
Одна на камнѣ роковомъ,
Средь волнъ, Даура трепетала,
Окрестность дикую кругомъ
Она стенаньемъ оглашала.
Я слышалъ, какъ вопила дочь,
И дочери не могъ помочь!
При свѣтѣ луннаго сіянья,
Дауру видѣлъ на скалѣ,
Какъ бы мечту въ туманной мглѣ,
Всю ночь внималъ ея стенанья,
Вѣтръ буйный страшно завывалъ.
Передъ зарей, ослабѣвая,
Уже гласъ дочери дрожалъ,

Перерывался, умолкая,
Все тиша... тише, и затихъ.
Конецъ въ тоскѣ ее постигъ.
И дочь покинула Армина!
Я межъ людей уединенъ
И крѣпости моей лишенъ
Утратой милаго мнѣ сына.
Теперь съ ужасной той поры,
Когда бушуетъ вѣтръ жестокій,
Несется буря отъ горы —
Схожу я къ морю одинокой.
Глаза къ скалѣ обращены
При свѣтѣ западной луны,
Нерѣдко тамъ я примѣчаю
Тоскливы тѣни чадъ моихъ.
Печаль всегда въ бесѣдѣ ихъ,
И къ нимъ я голосъ простираю.
Но, чада! скорби, грусти злой
Отца когда вы сострадали?
И на тоскливый голосъ мой
Когда, когда вы отвѣчали?
Вы кроетесь подъ тѣнью горъ
Не обратя ко мнѣ вашъ взоръ.
Такъ, въ мірѣ я всего лишился!
Осталась мнѣ печаль одна.
Вина тоски моей сильна:
Карморъ! я съ горемъ породнился...

Вотъ пѣсни во дворцѣ, вотъ бардовъ нашихъ гласъ.
Въ пріятныхъ пѣніяхъ минувшаго разсказъ
И звуки стройныхъ арфъ Фингала услаждали.
Вожди сходилися съ холмовъ
Внимать согласію пѣвцовъ,
Меня хвалами ихъ вѣнчали.
Понынѣ, въ старости не звученъ сталъ мой гласъ
Охолодѣлъ языкъ, огонь души погасъ.
Мой слухъ по временамъ тѣнямъ пѣвцовъ внимаетъ
Стараюсь въ памяти ихъ пѣсни удержать;
Но память старцу измѣняетъ:
Лежитъ на мнѣ годовъ тяжелая печать.
Я слышу лѣтъ моихъ взыванья:
Зачѣмъ, зачѣмъ еще поетъ
Бардъ древній Оссіанъ? Онъ скоро отойдетъ
Въ обитель вѣчнаго молчанья.

Онъ будетъ въ мірѣ позабытъ,
И ни единый бардъ о немъ не возгласитъ.
Лѣта печальныя, катитесь надо мною;
Но ежели къ душѣ моей
Ужъ нѣтъ для радости путей:
Зачѣмъ подъ крышей гробовою
Уже не тлѣетъ плоть моя?
Минувшихъ лѣтъ мои друзья,
Сыны согласныхъ звуковъ пѣнья,
Давно вмѣстилися въ воздушныя селенья;
Остался послѣ нихъ одинъ лишь голосъ мой,
Какъ нѣкій стонъ, какъ звукъ глухой
Въ разсѣлинѣ скалы, навислой надъ водами
И ударяемой лѣнивыми волнами.

Приложенія.

Указъ объ отставкѣ.—Дѣла 1812 и 1813.—Письма.—Поколѣнная роспись.—

I. Формулярный списокъ о службѣ и о прочемъ поручика Слѣпцова марта 5 дня 1811 года.

(Къ стр. 31).

Поручикъ Алексѣй Трофимовъ сынъ Слѣпцовъ, 26 лѣтъ, изъ дворянъ, за отцомъ его Тамбовской губерніи, мужеска пола 637 душъ крестьянъ, холостъ, грамотѣ россійской и по французски, ариѳметикѣ, географіи и исторію знаетъ. Въ службу вступилъ 12 мая 1802 г. рядовымъ въ Рижскій драгунскій полкъ, фаненъ-юнкеромъ 9 октября 1803 года, а изъ онаго полка переведенъ 22 декабря 1804 года въ кавалергардскій полкъ; 15 іюня 1806 года произведенъ въ корнеты съ переводомъ въ кирасирскій Орденскій полкъ, поручикомъ 3 февраля 1811 года. Въ походахъ былъ: 1805 года августа съ 10-го и того же года ноября по 20-е въ сраженіи противъ французскихъ войскъ австрійскаго владѣнія подъ мѣстечкомъ Аустерліциями, находился 1806 г. октября съ 19-го 1807 іюня по 11-е за границею въ Пруссіи, въ сраженіи противъ французовъ 1806, декабря 14-го подъ мѣстечкомъ Голоминымъ, 1807 января 21-го подъ мѣстечкомъ Алленштейномъ, 23-го подъ д. Воиздорфомъ, 25-го подъ мѣстечкомъ Ландсбергомъ, 26 и 27-го числа подъ мѣстечкомъ Прейсишъ-Эйлау гдѣ контузію получилъ въ голову картечью, за которое сраженіе пожалованъ ему золотой крестъ съ уменьшеніемъ трехъ лѣтъ къ полученію ордена св. Георгія 4-го класса и пенсіона. Мая 24-го при д. Петердорфѣ, 28-го подъ мѣстечкомъ Гутштадъ, 1809 іюня съ 9-го ноября по 16-е австрійскаго владѣнія въ Галиціи. Былъ въ отпуску отъ 17 декабря 1807 года апрѣля по 17-е 1808 г. и на срокъ явился. Подлинный формулярный списокъ подписалъ полковникъ Волковъ.

Приписка Канцеляріи Кавалергардскаго полка: Означенный Слѣпцовъ, какъ видно изъ документовъ Кавалергардскаго полка, былъ зачисленъ въ оный юнкеромъ 13 января 1805 года изъ фаненъ-юнкеровъ Рижскаго драгунскаго полка и состоя на службѣ въ

названномъ Кавалергардскомъ полку въ томъ же званіи, въ 1805 г. ноября 20-го находился въ сраженіи подъ Аустерлицемъ, за что 15 іюня 1806 года произведенъ въ корнеты съ переводомъ въ Орденскій Кирасирскій полкъ, изъ этого видно что онъ, Слѣпцовъ, въ Кавалергардскомъ полку въ офицерскихъ чинахъ не служилъ.

II. Тамбовскія дѣла 1812 года

(Къ стр. 34).

1.

Гг. уѣзднымъ дворянства предводителямъ. Изъ прилагаемаго при семъ манифеста (6 іюля, въ Полоцкѣ) усмотрите вы, что непріятель вступилъ въ предѣлы наши, а получаемыя въ вѣдомостяхъ и частныя извѣстія удостовѣряютъ, что храбростію войскъ россійскихъ и благоразумными распоряженіями начальствующихъ, вездѣ преграждаются ему средства къ достиженію зловредныхъ и къ пагубѣ отечества нашего предположенныхъ имъ замысловъ; но не менѣе того неусыпное попеченіе любезнѣйшаго Монарха нашего имѣющее единымъ предметомъ спокойствіе Богомъ ему ввѣреннаго народа, въ подкрѣпленіе сихъ храбрыхъ его воиновъ и для надежнѣйшей обороны отъ всеобщаго врага, приглашаетъ пока россійское дворянство къ умноженію ополченія, начавъ приглашеніе сіе съ первопрестольной своей столицы Москвы, воззываетъ и дворянство всей обширной Россіи и всѣ ея прочія сословія. Видя любезное отечество наше въ таковомъ положеніи, кто изъ русскихъ дворянъ, кто изъ истинныхъ сыновъ отечества не воспылаетъ справедливымъ духомъ мщенія на истребленіе врага? Кто изъ россіянъ возбуждаемый гласомъ воззванія Монарха не поспѣшитъ съ безпредѣльнымъ усердіемъ содѣйствовать намѣреніямъ его къ нашему же спокойствію клонящимся? Движимъ будучи сею восхитительною мыслію и что дворянство въ тамбовской губерніи готово всегда не только выполнять, но и предупреждать волю монарха своего, съ твердымъ удостовѣреніемъ на искреннюю любовь его къ Отечеству и Государю, обращаюсь ко оному посредствомъ васъ, милостивый государь мой, и прошу объявивъ оному приложенной у сего манифестъ, пригласить собраться въ губернскій городъ Тамбовъ, куда прошу и васъ прибыть не позже 24 числа нынѣшняго мѣсяца для единодушнаго постановленія мѣръ къ предполагаемому усиленію войскъ. Я увѣренъ что среди тамбовскаго дворянства не останется никого, кто бы замедлилъ въ настоящемъ важномъ случаѣ стать посреди собраній своихъ гдѣ едиными усты и единымъ сердцемъ, не щадя достояній нашихъ въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ, поставимъ оплотъ врагу и усердіемъ

свойственнымъ сынамъ отечества, потщимся сдѣлаться достойными отеческаго попеченія неусыпнаго Государя нашего. Тамбовъ, іюля 17 дня 1812 г. Тамбовскій гражданскій губернаторъ Петръ Ниловъ.

2.

Милостивый государь мой Сергѣй Андреевичъ. Пріемля, въ званіи сочлена тамбовскаго дворянскаго сословія, съ усердіемъ и готовностью всякое постановленіе, какое, въ исполненіе Высочайшаго манифеста къ защитѣ любезнаго отечества нашего онымъ сдѣлано будетъ, хотя бы на то потребовалось и всего достоянія моего,—жертвую нынѣ пятьсотъ кулей девяти пудового вѣса ржаной муки, съ обязательствомъ поставить оныхъ на свой счетъ въ то мѣсто, куда вышнимъ правительствомъ назначено будетъ. Извѣщая объ ономъ васъ, милостивый государь мой, покорнѣйше прошу внести сіе пожертвованіе въ учрежденную на то Дворянскимъ Собраніемъ книгу. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю, милостивый государь мой! вашъ покорнѣйшій слуга ПетръНиловъ. Іюля 26 дня, 1812 г., г.Тамбовъ.

3.

Милостивый государь Сергѣй Андреевичъ! Уже другой годъ доходитъ, какъ одержимъ тяжкою болѣзнію и здоровіе мое разстроено до такой степени, что лишенъ той свободы, каковою каждый пользуется. Сіе непреодолимое препятствіе поставило меня въ необходимости, въ слѣдствіе вашего сообщенія за № 266, отъ 17 сего іюля а мною получено 21-го въ 6 часовъ вечера, отнестись къ вамъ, милостивый государь! и онымъ изъявить мою готовность въ предпріятіи рѣшительныхъ мѣръ къ защитѣ отечества и каковое вообще тамбовскимъ дворянскимъ сословіемъ постановленіе сдѣлано будетъ, исполню безъ отлагательства. Любить отечество и быть опорою онаго почитая истиннымъ долгомъ яко благомыслящій россіянинъ! Но изнеможеніе мое столь велико, что никакъ не могу лично совѣщевать съ моими соотчичами, почему васъ, милостивый государь! наипокорнѣйше прошу увѣдомить меня въ свое время о точномъ по сему обстоятельству положеніи; дабы я, какъ истинный сынъ отечества, могъ оправдать въ полной силѣ вѣрноподданическую мою приверженность и споспѣшествовать моимъ пожертвованіемъ къ пожертвованію общему. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Богданъ Боратынскій. 22 іюля 1812 г.

Адмиралъ Богданъ Андреевичъ Боратынскій, родной дядя поэта Евгенія Абрамовича.

4.

Милостивый государь мой Сергѣй Андреевичъ! На почтенное приглашеніе ваше прибыть въ губернскій городъ къ 23-му числу по-

лученное мною 18-го числа сего мѣсяца, имѣю честь чрезъ сіе отвѣтствовать: долговременная и безпорочная моя Его Императорскому Величеству служба, которая, уповаю, и вамъ небезъизвѣстна, можетъ вамъ свидѣтельствовать что я почиталъ всегда за подданническую себѣ обязанность, жертвовать пользѣ отечества моего всей моей жизнью. А заслуженной мною въ теченіе оной знакъ отличія и полученной при отставкѣ пансіонъ можетъ также не ложнымъ быть доказательствомъ о усердіи и ревности моей, съ какими я всегда продолжалъ мое служеніе, вслѣдствіе чего вы, милостивый государь мой, можете свято быть увѣрены, что я поставилъ-бы себѣ за отличную для меня славу предстоящей отечеству моему опасности пролить за него всю кровь мою. Но, семидесятипятилѣтняя старость моя сопряженная безпрестанно съ болѣзненными припадками и совершенная дряхлость, по причинѣ коихъ я уже слишкомъ шесть лѣтъ никуда изъ дому моего выѣзжать не въ силахъ, лишаютъ меня всѣхъ способовъ въ предлежащемъ подвигѣ на защищеніе моего отечества принять всеподданническое участіе. И такъ, милостивый государь мой, я несомнѣнно надѣюсь, что вы останетесь въ несомнѣнномъ удостовѣреніи, что одна невозможность въ разсужденіи представленныхъ мною причинъ отнимаетъ у меня счастье воспользоваться лестнымъ для меня приглашеніемъ вашимъ, которое я-бы во всякое время за особливую честь и священную должность себѣ поставилъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и ненарушимой преданностью имѣю честь пребыть, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Селиверстовъ. Іюля 20 дня, 1812 года. По сему предмету я имѣлъ честь отнестись къ его превосходительству Петру Андреевичу (Нилову). Вамъ, милостивый государь мой, Сергѣй Андреевичъ, небезъизвѣстно, что состоявшее прежде за мною въ Козловскомъ уѣздѣ имѣніе принадлежитъ теперь по продажѣ мною Николаю Алексѣевичу Верстовскому а я имѣю жительство въ Ряжскомъ уѣздѣ куда ко мнѣ и письмо ваше доставлено. Какія же будутъ возложены на объявленное имѣніе повинности, оныя управляющимъ по довѣренности отъ него будутъ выполнены въ совершенной точности. Я только одинъ несчастный по одержимымъ меня болѣзнямъ лишаюсь участія посвятить послѣдніе дни мои съ собратіями моими отечеству.

Отставной генералъ маіоръ Алексѣй Михаиловичъ Селиверстовъ, род. 1736 г., участвовалъ въ Семилѣтнюю войну и въ войнахъ Екатерининской эпохи, кавалеръ ордена Св. Георгія, въ 1801 г. числилось за нимъ помѣстіе въ Козловскомъ уѣздѣ проданное до 1812 г. Верстовскому, отцу композитора.

5.

Милостивый государь мой Сергѣй Андреевичъ! Получа манифестъ и письмо ваше, по которому призываете вы все благородное сословіе прибыть въ губернскій городъ Тамбовъ, я старался собрать

всѣ силы свои къ прибытію въ оной, но къ прискорбію моему теперь не имѣю средствъ для поспѣшенія къ сему собранію; болѣзнь чрезмѣрно отяготила всѣ члены и чувства мои, я увѣренъ, что благородное сословіе превзойдетъ своимъ рвеніемъ на каждое полезное пожертвованіе для спасенія отечества, въ томъ числѣ найдете и мою готовность на каждое содѣйствіе для защиты онаго; счастливымъ почту себя если могу и успѣю принесть какого бы то ни стоило пожертвованія для сего; и въ ожиданіи остаюсь, съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и преданностью вамъ, милостивый государь мой, покорный слуга Петръ Глазовъ. 21 іюля 1812 года

Маіоръ Петръ Осиповичъ Глазовъ, тамбовскій губернскій предводитель дворянства 1816—1821 гг.

6.

Милостивый государь Сергѣй Андреевичъ, извѣстно вамъ, что находясь я въ городѣ Тамбовѣ въ дворянскомъ собраніи для исполненія по Высочайшему манифесту отъ 6 іюля 1812 года, подписался въ пожертвованіе изъ собственности моей шесть мѣдныхъ единороговъ трехъ фунтового калибера и овса тысячу четвертей, къ чему желаю нынѣ еще присовокупить муки ржаной тысячу кулей, то покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу принять сіе въ число пожертвованій и записать для вѣдома гдѣ подлежать будетъ. Съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и таковою же преданностью къ вамъ пребыть честь имѣю вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Алексѣй Пашковъ. Отъ 3 августа, 1812 г. с. Благовѣщенское.

Бригадиръ Алексѣй Александровичъ Пашковъ, родной братъ егермейстера Василія Александровича и отецъ Елизаветы Алексѣевны, вышедшей за генерала-маіора Ст. Ст. Андреевскаго, командира лейбъ-гвардіи Уланскаго полка въ двадцатыхъ годахъ, отца и дѣда двухъ кирсановскихъ предводителей дворянства—Михаила Степановича и Владиміра Михаиловича Андреевскихъ.

7.

Милостивый государь Сергѣй Андреевичъ, почтеннѣйшее отношеніе ваше отъ 17-го сего іюля, которымъ приглашать изволите меня въ собраніе тамбовскаго благороднаго дворянства по предмету новаго ополченія противъ врага отечества нашего, 26-го съ нарочнымъ изъ Спасской моей деревни имѣлъ честь получить. И вслѣдствіе сего долгомъ поставляю отвѣтствовать вамъ, милостивому государю, что по пребыванію моему въ нижегородскихъ моихъ деревняхъ, и по полученіи въ сей губерніи Высочайшаго манифеста, коимъ взываются всѣ сословія къ единодушному содѣйствованію противъ вражескихъ замысловъ и покушеніевъ, по приглашенію губернскаго предводителя имѣлъ обязанность быть при совѣщаніяхъ нижегородскаго дворянскаго сословія, которыя происходили 25-го и 26-го сего мѣсяца, гдѣ представленъ былъ отъ дворянства Нижегородской губерніи канди-

датомъ къ выбору въ начальники Нижегородскаго ополченія и изъ 130 баловъ почтенъ 77-ми избирательными балами, но не бывъ старшимъ по сему числу баловъ, остаюсь впредь къ назначенію должности, ибо служить для защиты отечества за честь и долгъ себѣ вмѣняю, жертвуя съ тѣмъ вмѣстѣ и собственностью моею. Съ симъ отнесясь къ вамъ, милостивому государю, отдаюся въ полную волю почтеннѣйшаго благороднаго тамбовскаго дворянства, котораго волю готовъ исполнить какъ въ личномъ отношеніи ко мнѣ, такъ и собственности моей, пребывая съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Павелъ Козловъ. 28 іюля 1812 г.

Дѣйствит. стат. совѣт. Павелъ Федоровичъ Козловъ, помѣщикъ Моршанскаго уѣзда.

8.

Въ Тамбовское Дворянское Собраніе отъ адмирала и кавалера Ушакова. Почтеннѣйшему дворянскому собранію донесть честь имѣю: за избраніе меня губернскимъ начальникомъ надъ новымъ внутреннимъ ополченіемъ по Тамбовской губерніи, за благосклонное доброе обо мнѣ мнѣніе и за честь сдѣланную приношу всепокорнѣйшую мою благодарность. Съ отличнымъ усердіемъ и ревностію желалъ бы я принять на себя сію должность и служить отечеству, но съ крайнимъ сожалѣніемъ за болѣзнью и великой слабостію здоровія принять ее на себя и исполнить никакъ не въ состояніи и не могу. Посему и прошу почтеннѣйшее дворянское собраніе меня отъ оной уволить и избрать кого заблагоразсуждено будетъ другаго. Прошу также вѣрить, что я дѣйствительно будучи нынѣ при совершенной старости лѣтъ, находясь въ болѣзни и всегдашней по лѣтамъ моимъ великой слабости здоровія, должности понесть и въ тамбовское собраніе дворянства явиться не могу. Іюля 29 дня 1812 г.. Адмиралъ Федоръ Ушаковъ.

—

Господину Тамбовскому Губернскому Дворянства Предводителю. Полученное мною предписаніе вашего высокоблагородія отъ 26 минувшаго іюля, отношеніе лично вручилъ я его высокопревосходительству господину адмиралу и кавалеру Ѳедору Ѳедоровичу Ушакову, отъ коего и отзывъ при семъ имѣю честь представить, испрашивая при томъ о выдачѣ употребленныхъ мною денегъ на проѣздъ отъ Тамбова до Темникова и обратно за разстояніе 670 верстъ на четырехъ лошадяхъ. Тамбовъ 1 августа 1812 года, Лейбъ гвардіи Казачьяго полка ротмистръ Петръ Гуровъ.

9.

Г. Тамбовскому Губернскому Дворянства Предводителю, маіору и кавалеру Сергѣю Андреевичу Чубарову. Изъ приложеннаго при

отношеніи вашемъ отъ 23 сего августа за № 422 письма коллежскаго совѣтника Чичерина видно: 1) что Смоленскъ сожженъ посредствомъ измѣны или шпіонства, 2) что иностранцы въ Тамбовской губерніи находящіеся доселѣ не высланы и сокрытіе отъ дворянъ мѣръ къ тому принятыхъ безпокоитъ ревность ихъ къ спокойствію отечества; 3) что подлежитъ выбрать изъ сословія дворянскаго людей достойныхъ, хотя четырехъ человѣкъ, которымъ поручить обще съ полиціею имѣть неослабный надзоръ въ ночное время за цѣлостію города; 4) что общій врагъ Наполеонъ не однимъ оружіемъ желаетъ побѣдить, но также употребляетъ посредствомъ вездѣ сокрытыхъ своихъ повѣренныхъ и огонь на погубленіе.

Вообще усматривая изъ сего письма, что здѣшнему городу предстоитъ какая либо чрезвычайная опасность и есть сокрытые здѣсь шпіоны, и обращая на таковые случаи особенно строгое вниманіе нужнымъ почитаю покорнѣйше просить васъ, милостивый государь мой, дабы благоволили съ здѣшнимъ полиціймейстеромъ по донесенію г. коллежскаго совѣтника Чичерина съ прочими, какъ полагать слѣдуетъ изъ словъ „мы“ и „наша“ въ письмѣ его вездѣ по приличности употребленныхъ, произвесть наистрожайшее изслѣдованіе. Для чего нужно предварительно взять объясненіе отъ г. Чичерина и прочихъ лицъ, буде оныя съ нимъ участвующими окажутся. Во первыхъ—точно ли Смоленскъ сожженъ посредствомъ измѣны и шпіонства и неизвѣстны ли лица къ тому употребленныя, ибо въ реляціи сказано: „непріятель, потерявъ болѣе 20 тысячъ человѣкъ, пріобрѣлъ старинный градъ Смоленскъ руками его въ пепелъ обращенный“. Во вторыхъ— неизвѣстно ли ему гдѣ по здѣшней губерніи и гдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи сокрыты повѣренные Наполеоновы, дабы о подозрѣваемыхъ здѣсь, тотчасъ можно бы было привесть въ дѣйствіе законные мѣры а о другихъ, для принятія оныхъ сообщить мѣстному начальству? Взявъ таковыя свѣдѣнія отъ г. коллежскаго совѣтника Чичерина и буде что по онымъ откроется подлежащимъ до здѣшняго города, не теряя время приступить къ поручаемому изслѣдованію и о прочемъ сообщить мнѣ. Въ заключеніе всего прошу увѣрить г. коллежскаго совѣтника Чичерина и прочихъ дворянъ, буде кто сомнѣвается, что относительно иностранцевъ, въ Тамбовской губерніи живущихъ, всѣ мѣры мнѣ предписанныя приведены въ подлежащее дѣйствіе. Августа 24 дня, 1812 года, № 5955. Тамбовскій гражданскій губернаторъ Петръ Ниловъ.

10.

Высокоблагородному и высокопочтенному господину Тамбовскому Губернскому Предводителю и Кавалеру отъ тамбовскаго дворянина коллежскаго совѣтника Чичерина. На предписаніе вашего

высокоблагородія отъ 25 августа с. г. подъ № 427, а мною полученнымъ 26 августа, честь имѣю отвѣствовать. Первое — что Смоленскъ зажженъ во время сраженія въ тылу нашей арміи то явствуетъ изъ самой реляціи, а что сказано, также, что онъ обращенъ въ пепелъ руками Наполеона, то симъ доказывается что не россіянами зажженъ, а непріятелями. Самому же лично Наполеону его зажечь невозможно, ибо руки его какъ у обыкновеннаго человѣка, и не могутъ достигнуть за шесть верстъ, слѣдовательно зажженъ по приказу его людьми ему преданными, которыхъ мы право имѣемъ называть измѣнниками или шпіонами. Второе: страшился я непріятныхъ слѣдствій могущихъ быть отъ тайныхъ шпіоновъ между иностранцами въ Тамбовѣ, но когда ваше высокоблагородіе, яко глава тамбовскаго дворянства, благоволили принять отъ г. губернатора препорученіе обще съ полицеймейстеромъ Винокуровымъ произвести строжайшее изслѣдованіе, то послѣ сего надѣюсь, что городъ будетъ въ безопасности. Третье—требуете вы отъ меня: не извѣстны ли мнѣ какъ по здѣшней губерніи такъ и въ другихъ городахъ Россіи, сокрытые повѣренные Наполеона; на сіе отвѣтствую: всякой, не смотря ни на какое лицо, кто уклоняется отъ содѣйствія общаго спокойствія, кто не старается всѣми мѣрами защищать отечество и исполнять волю всемилостивѣйшаго Государя, есть врагъ Россіи, и тайный повѣренный Наполеона. Августа 26 дня, 1812 года, Тамбовскій дворянинъ коллежскій совѣтникъ Петръ Чичеринъ.

11.

Правящему должность Тамбовскаго Губернскаго Дворянства Предводителя, Елатомскому уѣздному предводителю Василію Андреевичу Чубарову. Я получилъ печатное объявленіе г. Главнокомандующаго въ Москвѣ, у сего въ копіи прилагаемое. Врагъ любезнаго отечества нашего угрожаетъ матери нашей Москвѣ. Къ защищенію ея и всей русской земли г. Главнокомандующій призываетъ именемъ Божьей Матери. Вызовъ сей, по моему мнѣнію, есть вызовъ всеобщій и объемлетъ не одну Московскую губернію, но относится ко всѣмъ вѣрнымъ сынамъ отечества. Хотя полученъ оный и частнымъ образомъ, но я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ и отъ всего дворянства опасности предлежащей первопрестольной столицѣ. И для того прошу собрать гг. предводителей и наличное здѣсь находящееся дворянство, измѣрить общію съ ними сію опасность и назначить силы, какія только можетъ поставить дворянство Тамбовской губерніи къ совокупному дѣйствію и отраженію умысловъ злодѣйскихъ. Кто же отречется отъ защиты отечества? Лучше умереть со славою, нежели существовать подъ чужеземнымъ игомъ злодѣя. Опредѣлите количество потребныхъ съ здѣшней губерніи силъ, соберите оныя, назначьте

начальниковъ, продовольствіе и вооруженіе пиками, или рогатинами или кто чѣмъ можетъ и какое будетъ сдѣлано постановленіе я доведу оное, какъ до Высочайшаго свѣдѣнія, такъ и всѣхъ до кого слѣдовать будетъ. Тамбовъ, сентября 6 дня, 1812 г., № 6336. Тамбовскій гражданскій губернаторъ Петръ Ниловъ.

Копія.

Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить животъ защищая отечество. Не пустимъ злодѣя въ Москву, но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать: Москва наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божьей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба, идите со крестомъ. Возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменемъ собирайтесь тотчасъ на трехъ горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ кто не отстанетъ! Вѣчная память кто мертвый ляжетъ! Горе на Страшномъ Судѣ кто отговариваться станетъ! Графъ Растопчинъ.

(Изъ архива Тамбовск. Дворянск. Депутат. Собранія: Нарядъ дѣламъ 1812 г., № 2, листы 217—232, 355—359, 421, 452—453).

III. Дѣла Тамбовскія 1813 г.

(Къ стр. 38).

1.

Въ Книгѣ „Положеній общаго собранія гг. губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства Тамбовской губерніи за 1813 и 1814 гг.“, хранящейся въ Архивѣ Тамбовскаго Депутатскаго Дворянскаго Собранія,—есть одно постановленіе февраля 1813 г. подписанное цѣдомъ, а потому и приводимое мною здѣсь цѣликомъ:

„1813 года, февраля 19 дня, Тамбовской губерніи губернскій предводитель и уѣздные депутаты дворянства и наличные дворяне слушали отношеніе Тамбовскаго вице-губернатора отъ 18 числа сего февраля за № 636, во исполненіе Высочайшаго Указа отъ 28 истекшаго января послѣдовавшее, о учиненіи уравнительной раскладки недокупленнаго количества лошадей на число душъ здѣшней губерніи, по которому сіе собраніе полагаетъ учинить слѣдующее: 1) какъ изъ онаго отношенія видно, что остается недокупленныхъ лошадей конногвардейскихъ 3, драгунскихъ 6, гусарскихъ и уланскихъ 11 и для армейскихъ драгунскихъ полковъ 137, а всего 157 лошадей; то по уваженію той скорости съ каковою требуется исполненіе сей повинности, непредвидится иного средства какъ расположить сіе число ло-

шадей такимъ образомъ, какъ значится въ прилагаемой у сего росписи, т. е. на уѣзды Тамбовскій, Кирсановскій, Козловскій, Борисоглѣбскій, Усманскій, Липецкій и Моршанскій болѣе прочихъ уѣздовъ конными заводами изобилующіе; 2) каждый владѣлецъ, кому слѣдуетъ ставить лошадь, обязанъ непремѣнно привесть оную въ губернскій городъ Тамбовъ къ 27-му числу сего февраля мѣсяца къ пріемщику, который начальствомъ назначенъ будетъ;—и притомъ чтобы лошадь была того самого разбора какового назначена, а именно: конногвардейская росту 2 арш. 2 вершка, цѣна отъ 120 до 200 рублей; драгунская 2 арш. $1^3/_4$ вершка, цѣна отъ 70 до 175 рублей; гусарская и уланская 2 арш. $1^1/_2$ вершка, цѣна отъ 60 до 150 рублей, и для армейскихъ полковъ драгунская 2 арш. $^3/_4$ вершка, цѣна отъ 60 до 100 рублей. Лѣта вообще полагаются отъ 4 до 7 лѣтъ; 3) для скорѣйшаго исполненія отослать означенныхъ уѣздовъ къ гг. уѣзднымъ предводителямъ копіи съ сего положенія и съ росписи по принадлежности и таковыя же препроводить при отношеніи къ тамбовскому губернатору,—предоставляетъ сіе собраніе г. губернскому предводителю и кавалеру. Илья Ознобишинъ (губернскій предводитель). Премьеръ-маіоръ Николай Сатинъ. Темниковскій депутатъ дворянства Димитрій Свищевъ. Поручикъ Алексѣй Слѣпцовъ. Надворный совѣтникъ Иванъ Сабуровъ. Капитанъ-лейтенантъ Димитрій Ознобишинъ.

2.

1813 года марта 9 дня Тамбовской губерніи предводитель вообще съ гг. наличными дворянами въ исполненіе отношенія тамбовскаго вице-губернатора, правящаго должность гражданскаго губернатора, отъ 8 сего марта № 965, имѣли разсужденіе о закупкѣ способныхъ артиллерійскихъ верховыхъ 180 лошадей и за удобное предположили закупку оныхъ расположить на уѣзды, какъ-то: Тамбовскій 23, Козловскій 23, Кирсановскій 23, Моршанскій 22, Усманскій 23, Борисоглѣбскій 23, Липецкій 22 и Спасскій 21 лошадь,—съ тѣмъ чтобы и уѣздные предводители тѣхъ округовъ избрали отъ себя дворянскихъ чиновниковъ, которые бы могли явиться въ Тамбовъ для полученія на закупку тѣхъ лошадей денегъ. Губернскій предводитель И. Ознобишинъ. Тамбовскій предводитель Андрей Хвощинскій. Спасскій предводитель Алексѣй Свищовъ. Депутатъ Дмитрій. . . . . Маіоръ Сергѣй Чубаровъ. Премьеръ-маіоръ Николай Сатинъ. Секундъ-маіоръ Михаилъ Загрязской. Маіоръ Николай Ростовцевъ. Гвардіи ротмистръ Гуровъ. Порутчикъ Григорій Вардинъ (?). Гвардіи прапорщикъ Николай Новосильцевъ.

3.

1813 года мая 16 дня Тамбовское Дворянское Собраніе слушало отношеніе тамбовскаго гражданскаго губернатора отъ 15 сего мая со

изъясненіемъ въ оном Высочайшаго указа сего года марта 26 дня на имя Управляющаго Военнымъ Министерствомъ о покупкѣ лошадей для резервной арміи и въ томъ числѣ въ Тамбовской губерніи повелѣно искупить—кавалергардскихъ 83, конногвардейскихъ 25, кирасирскихъ 250, драгунскихъ: гвардейскихъ 25, армейскихъ 77, а всего 460 лошадей. Для скорѣйшаго выполненія сей Высочайшей воли собраніе положило: закупку требуемаго количества лошадей произвести слѣдующимъ образомъ: по Тамбовскому уѣзду искупить 25 кирасирскихъ и 25 драгунскихъ гвардейскихъ; по Козловскому 25 кирасирскихъ, 10 кавалергардскихъ и 15 армейскихъ (т. е. драгунскихъ); по Моршанскому 20 кирасирскихъ, 10 конногвардейскихъ и 10 армейскихъ; по Кирсановскому 25 кирасирскихъ, 15 кавалергардскихъ и 10 конногвардейскихъ; по Борисоглѣбскому 25 кирасирскихъ, 4 кавалергардскихъ и 21 армейскихъ; по Усманскому 25 кирасирскихъ, 10 кавалергардскихъ, 5 конногвардейскихъ и 5 армейскихъ; по Липецкому 25 кирасирскихъ, 10 кавалергардскихъ, 11 армейскихъ, по Лебедянскому 30 кирасирскихъ, 15 кавалергардскихъ; по Шацкому 25 кирасирскихъ и 15 армейскихъ; по Спасскому 25 кирасирскихъ и 19 кавалергардскихъ. Для чего отнестись прописанныхъ уѣздовъ гг. уѣзднымъ предводителямъ, дабы они къ закупкѣ сихъ лошадей избрали отъ себя дворянскихъ чиновниковъ, предписавъ онымъ явиться къ тамбовскому гражданскому губернатору для полученія на закупку лошадей денегъ. Съ приложеніемъ копіи съ сего положенія отнестись къ тамбовскому гражданскому губернатору и кавалеру. Губернскій предводитель Илья Ознобишинъ. Тамбовскій предводитель Андрей Хвощинскій. Темниковскій предводитель Никифоровъ. Дмитрій Ознобишинъ. Темниковскій депутатъ Свищовъ. Штабсъ-капитанъ Шпикуловъ. Капитанъ Николай Ознобишинъ. Павелъ Чубаровъ, Кирсановскій предводитель Свѣчинъ.

(См. „Книга Положеній Общаго Собранія гг. губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства Тамбовской губерніи съ 1813 и 1814 г.“, хранящаяся въ архивѣ Дворянскаго собранія).

IV. Два письма генерала-маіора П. П. Сухтеленъ своему отцу въ Стокгольмъ 1817 и 1818 гг.

(Къ стр. 44 и 51).

I.

Bien cher papa, au moment ou j'allois quitter Tamboff comme ma dernière a du vous l'annoncer, nous apprimes l'arrivée tres prochaine du Grand Duc dans cette ville. Nos chevaux furent donc décommandés et notre séjour se prolongea encore de deux jours. Monseigneur fut reçu à la porte de la cathédrale par l'archeveque cum suis, par la noblesse

et le militaire. Nous avons eus le même soir l'honneur de lui presenter notre hommage, et le lendemain d'assister à la parade, à la revue et au grandissime dejeuner que le corps des marchands lui a donné. Le même jour nous fumes d'un petit diner chez monseigneur, et le soir d'un the chez le chef de corps, le comte Lambert. Le lendemain, jour d'Elisabeth encore messe, parade, revue et diner. Le soir la noblesse du gouvernement a donné un grand bal dans l'hotel de ses assemblées qui était superieurement illuminé. Le Grand Duc a profité des intervalles pour visiter les établissements de charité, les couvents, la prison et le corps des cadets nobles établi à Tamboff. Celui cy est digne de remarque pour la bonne instruction qu'y recoit la jeunesse, la beauté de l'edifice et parcequé la noblesse du gouvernement l'a institué de son propre mouvement et l'entretient à ses frais. Il y a 80 cadets outre les pensionnaires. Le Grand Duc est arrivé à Tamboff apres avoir parcouru les gouvernements de Jaroslaf, Nygny Novgorod, Kasan, Simbirsk et Penza. De Tamboff son voyage se dirige sur Voronege, Tscherkask et quelques stanitzas des cosaques du Don, la Crimée, Cherson, Odessa, Kioff, Tschernigoff, Orel et Toula, d'ou S. A. I. se rendra à Moscou vers l'époque ou la famille Imperiale y sera. Ensuite ce jeune prince commencera son voyage à l'etranger, d'abord l'Autriche, puis l'Italie, la Suisse, la France et l'Angleterre. Le lieutenant général Paskewitsch, le général major Aledinsky (?) et monsieur Glinka, conseiller d'état, l'accompagnent. Ce dernier parait un homme trés distingué. Vous savez la tournure et l'éducation de nos princes, il est donc inutile de vous en faire l'éloge. Celui cy parait tenir de l'Empereur et du grand duc Constantin. Son acceuil a été trés aimable. Il a paru content de trouver au moins deux ou trois connaissances parmi tant de visages qu'il n'avait jamais vus. Mon ami Benckendorff est parti avec le Grand Duc. Il l'accompagnera jusqu'à Voronege, sa division se trouvant cantonnée sur cette route.

A mon retour ici j'ai trouvé une quantité de lettres. Celles qui m'ont fait le plus de plaisir sont les deux votres du 1-er et du 15 aout. Elles n'exigent pas de réponse. J'espère la poste prochaine vous dire quelque chose de positif au sujet du voyage en Suede que Varinka et moi désirons également, cher papa. J'ai moralement les fers aux pieds et aux mains. Soyez persudé sans cela que depuis longtemps nous serions dans vos bras. La nouvelle transferation de Constantin est un accident. Heureusement il est trés bien tombé. Je connais beaucoup le colonel Laschkareff, c'est un des officiers les plus distingues de l'armée. J'ai preché à Constantin une longue morale, non pour le plaisir de sermonner mais dans l'espérance qu'il suivra mon avis sur des choses que je connais bien. Les circonstances lui sont trés favorables, pourvu qu'il sache en profiter. Varinka et moi vous embrassons en idée aussi que le cher oncle. Si M. P. est déja chez vous, nous la comprenons de

bien bon coeur. Mes compliments à vos amis. Adieu, cher et bon papa Paul Suchtelen. Kassimoff. le 8 Septembre 1817. Gare à l'avenir les incendies. Cette fois vous l'avez échappé belle.

2.

Ma précédente vous aura instruite, cher papa, du rendez—vous que j'avais donné à Constantin. Il n'a pas manqué d'en profiter et de suivre avec moi l'inspection des regiments d'Irhoutsk et d'Elisabethgrad. Aujourd'hui, que nous allons de nouveau nous séparer, nous sommes convenus de vous écrire ensemble. Je cède à Constantin l'historique des journées que nous avons passées ensemble. Il vous en fera le récit bien mieux que je ne saurois le faire, et avec sa gaieté accoutumée, je me contente de vous dire qne je lui ai trouvé très bonne mine et l'air bien plus frais qu'il ne l'avait étant habitant de la capitale. Aujourd'hui chacun de nous reprend son chemin, lui vers le midi et moi au nord. Je me flatte de trouver à Elatom des nouvelles de Varinka et des votres dont je suis trés impatient. Hier nous avons reconduit le prince Galitzin jusqu'au monastère de Sarofsk situé à 40 werstes d'ici au milieu d'une ancienne forteresse tartare appelée Sarokritsch. Sa fondation ne datant que depuis Pierre I, il n'y a d'ailleurs rien de bien remarquable ou d'antique. Le batiment est moderne et beau ainsi que les eglises. Les catacombes sont étroites, froides et humides. La vie des réligieux est dure et austère. Leur ignorance crasse et leur table—je m'en rapporte à Constantin. Ces gens sont encore loin des jésuites. Parmi ces vraiment pieux cénobites, il y en a un qui depuis 26 ans ne parle point, ne reçoit personne, ne quitte point sa cellule et en un mot paraît avoir renoncé totalement au monde d'ici bas pour n'occuper toutes ses pensées que du monde qu'il nous est permis d'espérer. Il devait justement ce jour là recevoir la communion, après quoi il bénit tous ceux qui se presentent. Nous n'y avons pas manqué. J'avoue que la vue de cet homme ou de ce saint a fait sur moi une vive impression augmentée sans doute par son aspect vénérable, une belle physionomie, des cheveux tout blancs et, quelque chose de radieux dans ses traits qui expriment le repos de l'ame et du coeur. On dit que cette vie austére est l'effet de la vocation et non point la suite de malheurs ou de chagrins, de l'amour de la réligion et de la foi sans mélange de repentirs ou de misantropie. Quoiqu'il en soit, tous les détails de son éxistence le rendent très interessant et sa perséverence admirable ne saurait surement étre attribuée qu' à la piété la plus pure. Mais voila déja de trop longs récits. C'est empiéter sur les droits de Constantin. Je lui céde la plume en vous priant de présenter mes respects au cher oncle et mes amitiés à tout ce qui vous entoure. Mes compliments à Minuschka. Adieu, cherissime papa. Temnihoff, le 30 Sept. 1818. Paul Suchtelen.

Paul a beau, cher papa, vous dire que c'est moi qu'il charge de l'historique de notre pélerinage tant religieux que militaire,—il ne me reste vraiment qu'à parler du dernier et à dire: c'est beau, c'est superbe! Le regiment d'Elisabethgrad que le colonel Rosen a montré au prince Galitzin, le cède peu aux Ieibhussards, j'ose dire que j'ai pris une leçon de cavalerie et dont je ne manquerois pas de faire mon profit; lorsque l'on voit toujours la même chose chez soi l'oeil s'y accoutume tellement que tout paraît bien, je crois même qu'il ne serait pas mauvais de faire voyager des officiers dans notre propre armée. Nous nous séparons aujourd'hui, cher papa, et Dieu sait pour combien de temps; si le saint homme du monastere avait été prophète et un peu plus parlant, je le lui aurais certainement demandé, ainsi que le temps que doit durer ma penitence de ne pas vous voir; au reste je parie qu'il m'aurait dit: Богъ знаетъ, et j'en sais autant moi même. Il ne me reste donc qu'à vous embrasser en idee, en attendant que je puisse le faire en realité. Adieu, cher papa, le papier manque. C. Suchtelen.

(Оба письма взяты изъ архива графовъ Сухтеленъ, къ опубликованію которыхъ Тамбовская Ученая Архивная Комиссія приступаетъ въ непродолжительномъ времени).

V. Письма Алексѣя Трофимовича и Екатерины Трофимовны Слѣпцовыхъ 1825 года.

(Къ стр. 56).

1.

Милостивая Государыня матушка Елисавета Петровна! Выѣхавъ изъ Тамбова въ понедѣльникъ по утру, нынѣ въ среду къ ночи едва могли мы доѣхать до Резани; дороги такъ испорчены дождями, что съ трудомъ на почтовыхъ можно сдѣлать четыре станціи въ день; а по ночамъ и ѣхать невозможно. Въ Москвѣ мы будемъ въ субботу къ обѣду: такъ я нанялъ ямщиковъ и потому спѣшу написать къ вамъ изъ Резани ибо въ Москвѣ уже почты не застану. Теперь уже поздно. Не знаю приметъ-ли почтмейстеръ мое письмо. Душевно желаю чтобы сіе письмо нашло васъ и всѣхъ семейныхъ вашихъ, милыхъ моему сердцу, здоровыхъ; мы съ сестрой Катинькой, слава Богу, здоровы. Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностью на всегда пребыть честь имѣю вамъ, милостивая государыня матушка! покорнѣйшимъ слугою Алексѣй Слѣпцовъ. 1825 года, мая 14-го Г. Резань.

2.

И я, усталая отъ дороги, милостивая государыня Елисавета Петровна! спѣшу хотя въ четырехъ коротенькихъ строчкахъ свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и пожелать вамъ здоровія и всѣхъ возможныхъ благъ. Навсегда честь имѣю пребыть вамъ, милостивая государыня, покорная къ услугамъ Катерина Слѣпцова.

3.

Съ вами, милая, безцѣнная моя Лиза, я не вижусь всѣ эти дни только половину каждыхъ сутокъ, другую же, когда сплю, я васъ ясно вижу во снѣ, такъ воображеніе мое наполненное вами не даетъ мнѣ съ вами разлучаться; хотя эта мечта, но она мнѣ служитъ утѣщеніемъ въ разлукѣ, и я люблю сію мечту. Вы, какъ я надѣюсь, получили мое письмо изъ Тамбова, вотъ вамъ другое, пожалуйста утѣшьте меня вашими въ Москву. За недостаткомъ видѣть и слышать васъ лично, я съ нетерпѣніемъ желаю видѣть вашъ почеркъ ко мнѣ адресованный. Поцѣлуйте за меня ручьки у маменькѣ, милой сестрицѣ Авдотіи Димитріевнѣ, у которой цѣлую ручки и братьямъ скажите мое почтеніе. Тысячекратно цѣлую ваши ручьки. Прощайте милая Лиза, будьте совершенно здоровы. При васъ теперь два ангела хранителя, ибо и моего просилъ я брать объ васъ попеченіе. Незабывайте того, которому утѣшеніемъ, радостію есть мысль объ васъ. Прощайте, вѣчно вашъ Алексѣй Слѣпцовъ.

Эхъ, барышня! барышня! и ужъ!

4.

Милая сестра Лиза, я изъ Тамбова къ тебѣ не писала и теперь уже поздно, но хочется къ тебѣ писать. Скажу тебѣ, милая, о нашемъ вояжѣ,—мы цѣлую дорогу говоримъ о тебѣ, ибо когда я начинаю о чемъ другомъ, то мой сотоварищъ начинаетъ дремать. Считаемъ версты не для того чтобы поскорѣе имѣть отдыхъ на станціи, но для того, чтобы разчитывать сколько верстъ мы разлучены съ милой Лизой. Прощай, милой другъ, будь здорова, не забывай ту, которая тебя отъ всей души любитъ и желаетъ всего хорошаго. Мысленно тебя обнимаю. Остаюсь Катерина Слѣпцова. Братцамъ твоимъ свидѣтельствую мое почтеніе.

5.

Милая Авдотья Дмитріевна, цѣлую тебя и прошу за меня поцѣловать свою и мою сестру Лизу, а себя поцѣлуй въ зеркало. Прощай. Не забывай меня не въ скучный, не въ веселый часъ. Остаюсь Катерина Слѣпцова.

6.

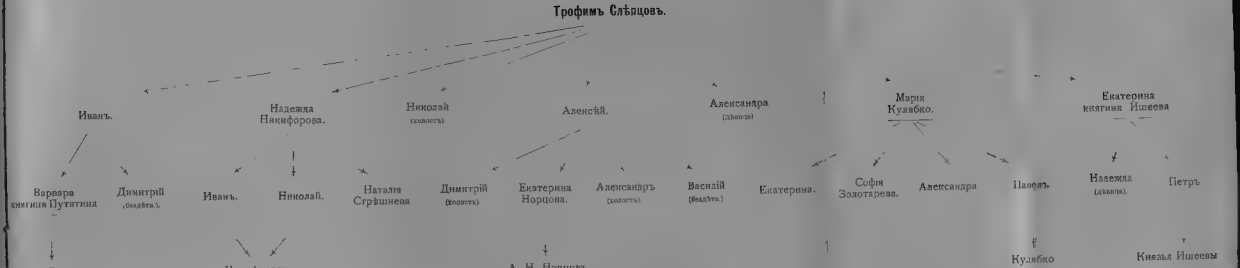
И къ тебѣ, милая сестра Александра Трофимовна, пишу тутъ же. Забылъ я въ шкатулку положить бумаги и ни лоскутка больше нѣтъ, а купить негдѣ, ибо ночь. Будь здорова, мой другъ, буду писать къ тебѣ изъ Москвы, тамъ же ожидаю отъ тебя писемъ. Твой вѣрный братъ и другъ Алексѣй Слѣпцовъ.

7.

Будь здорова, милая сестра Александра Трофимовна, я думаю ты возвратилась уже изъ Мокшану. Пожалуйста, пиши къ намъ, не лѣнись. Прощай, милая. Цѣлую тебя. Остаюсь многолюбящая тебя сестра твоя Катерина Слѣпцова. Кланяйся отъ меня сосѣдямъ кто спроситъ обо мнѣ, да отдай пожалуйста Александрѣ Алексѣевнѣ Полибиной узоры конвовыя, они у тебя въ столѣ.

(Изъ семейныхъ бумагъ А. Н. Норцова).

Поколѣнная роспись потомства Трофима Ивановича Слѣпцова.



Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе.
Посвященіе 7

Біографическій очеркъ.

Родословная 11
Рижскіе драгуны 15
Служба въ кавалергардахъ 18
Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ. 21
Походы. 24
Отставка 31
1812 и 1813 гг. въ Тамбовѣ 33
Вигель про Оржевку 1814 г. 39
Великій Князь Михаилъ Павловичъ въ Тамбовѣ 1817 г. 43
Оржевка той эпохи. 45
Дѣла темниковскія 48
Саровъ 1818 г. 51
Высочайшій смотръ подъ Козловомъ 1820 г. 52
Дѣла оржевскія. 54
Женитьба 56
Семейныя событія. 58
Холерный бунтъ 1830 г. 62
Кончина 63
Потомство А. Т-ча 64

Сочиненія.

Мицеринъ и Феоклида, трагедія 1801 г. 69

1802—1808 гг.

1. Добродѣтель 96
2. Пѣсенька 1. . . . . —
3. Изъ Оржевки въ Оренбургъ. 97
4. Пѣсенька 2. 98

Стр.

5. Элегія на смерть отца 99
6. Изъ Клейнъ Юнфернгофа въ Оренбургъ 100
7. Пѣсенька 3 Переводъ изъ Флоріана 101
8. Пѣсенька 4 . . . . . —
9. Осада. Баснь 102
10. Элегія на смерть брата 103

1808—1811 гг.

*11. Отчаяніе 105
*12. Пѣснь 6. Переводъ . . . . . —
*13. Пѣснь 7. Экспромптъ 107
14. Эпиграмма 108
15. Къ невѣрной 109
16. Злая женщина . . . . . —
*17. Эпитафія 1-я на смерть Теплова 110
*18. Эпитафія 2-я . . . . . —
*19. Элегія . . . . . —

1811—1825 гг.

*20. Эпистола Евдокіи 114
*21. Эпистола Димитрія Донского 115
22. А М. 116
23. Карманные часы. . . . . —
24. Открытіе Амура 117
25. Призракъ. . . . . —
26. Источникъ превращенія. Изъ Овидія 121
*27. Вино 128
28. Про себя 130

1825—1831 гг.

29. Пѣснь Е. Д. Мартыновой 134
30. Милой Лизѣ . . . . . —
31. A Lise 135
32. Виновные несчастливцы . . . . . —
33. Ода 138
34. Заблужденіе ума 140
35. Отрывокъ I. 145
*36. Отрывокъ II. 147

1826—1828 гг.

Пѣснь въ Сельмѣ. Поэма 148

*) Звѣздочкой обозначены впервые печатаемыя стихотворенія.

Стр

Приложенія.

1. Указъ объ отставкѣ А. Т. Слѣпцова 1811 г. 161
2. Тамбовскія дѣла и письма 1812 г. 162
3. Тамбовскія дѣла 1813 г. 169
4. Письма генерала Сухтелена 1817 и 1818 гг. 171
5. Письма А. Т. и Е. Т. Слѣпцовыхъ 1825 г. 174

Поколѣнная роспись потомства Т. И. Слѣпцова въ концѣ.

Внѣ текста помѣщены: снимокъ съ письма 1829 г. и портреты: А. Т. Слѣпцова, генерала Н. П. Слѣпцова, Д. М. Мартынова, Д. Б. Мертваго, А. Т. Слѣпцовой, Н. А. Никифорова, Е А. и А. Н. Норцовыхъ.

[illegible]
50 лл.

12 8/67 Инв. 1571

7 список

Не для продажи.